РЕЛИГІИ ВОСТОКА:

КОНФУЦІАНСТВО, БУДДИЗМЪ И ДАОСИЗМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. ВАСИЛЬЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1873.

Пров. 1961

BL
1031

ФУНДАМ[illegible]ЬНАЯ
БИ[illegible]А
Общес[illegible] Наук
Академии [illegible]ук СССР
1941
60

РЕЛИГІИ ВОСТОКА:

КОНФУЦІАНСТВО, БУДДИЗМЪ И ДАОСИЗМЪ.

Мы не полагаемъ, чтобы нужно еще было доказывать, что человѣку долженъ быть всего дороже человѣкъ. Если нынѣ считается уже необходимымъ изученіе, какъ окружающей насъ, такъ и отдаленной и сокровенной отъ насъ природы, то тѣмъ болѣе должна интересовать всякаго образованнаго человѣка, какъ ближайшая настоящая, такъ и прошедшая судьба его собратій — близкихъ ли, отдаленныхъ ли, все равно. Еще болѣе онъ не можетъ не сочувствовать ихъ радостямъ и напастямъ, волненіямъ и тревогамъ, мнѣніямъ и ученіямъ, занимавшимъ и занимающимъ ихъ духъ и сердце. Сколько поучительнаго найдетъ и для себя мыслитель въ этомъ знакомствѣ!... Отъ сколькихъ, можетъ-быть, ошибокъ и заблужденій предохранитъ онъ себя несчастными примѣрами своихъ собратій, ихъ тщетными попытками, ихъ разоблаченными тайнами, низведенными съ высокаго пьедестала ученія на низкій уровень невѣжества!

Отдаленный востокъ тоже населенъ нашими братьями; они имѣютъ свою исторію, свое развитіе, свои взгляды. Если мы изучаемъ западъ потому, что находимъ, можетъ быть, его исторію болѣе оживленною, его учрежденія болѣе совершенными, взгляды болѣе возвышенными, то все же это не даетъ намъ права игнорировать человѣка на другихъ окраинахъ свѣта Всецѣлое изученіе человѣка должно дать намъ возможность къ большему сосредоточенію въ самихъ себѣ, къ ориентированію въ различныхъ проблескахъ мысли; если мы будемъ изучать человѣка, стоящаго даже на низшемъ противъ насъ уровнѣ, то это только укрѣпитъ насъ въ сознаніи, что наши цѣли и стремленія болѣе возвышенны, имѣютъ болѣе прочное основаніе и болѣе побудительныя причины.

Ничто не можетъ такъ познакомить насъ съ человѣкомъ, какъ его религія. Положимъ, что западное образованіе нынѣ занято та-

кими многочисленными и разнообразными вопросами, что въ ихъ средѣ какъ-бы тонутъ вопросы религіозные; но другіе люди нисколько еще не выступили на подобную колею. Мы знаемъ, что для изученія еврея или магометанина, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, непремѣнно нужно изучить его религію,—отъ нея зависятъ законодательный, политическій и общественный строй, она поселяется въ сердцѣ, направляетъ умъ. Точно то же самое мы должны сказать и объ религіяхъ крайняго востока, съ которыми предположили познакомить читателя. Знакомство съ этими религіями до сихъ поръ едва-ли выходило изъ круга лицъ, спеціально изучавшихъ ихъ; правда, мы имѣемъ въ Европѣ не мало ученыхъ работъ по этой части, но наука, въ этомъ случаѣ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что если она обнимаетъ цѣлый предметъ во всей его обширности, то недоступна простому смертному по утомительной многотомности; если же разработываетъ какую-нибудь отдѣльную часть предмета, то благодаря тому же томительному многословію, подкрѣпляемому еще цитатами или сличеніями спорныхъ вопросовъ, ставитъ неподготовленнаго читателя совершенно въ тупикъ: онъ не знаетъ, о чемъ тутъ говорится, и какое отношеніе имѣетъ взятая часть къ цѣлому предмету. Сверхъ того, взятыя нами религіи и мало разработаны въ цѣлости; онѣ едва-ли знакомы въ ихъ конечномъ развитіи и ученому міру. Охватить существенное значеніе каждой религіи въ ея полномъ составѣ, безъ всякихъ лишнихъ цитатъ, не обращая вниманія на мелочи—вотъ цѣль настоящей статьи. Не знаемъ только, сумѣемъ ли мы передать это такъ, какъ желали бы; между читателемъ и ученымъ можетъ быть большая пропасть, и имъ трудно сойдтись на той точкѣ, на которой можно было бы понимать другъ друга; ученому всегда кажется что онъ говоритъ съ ученымъ о предметахъ уже извѣстныхъ въ главномъ содержаніи, и потому онъ опускаетъ объясненіе мелочей, терминовъ, которые не худо было бы объяснить. Но съ другой стороны, ученый не можетъ быть и увѣренъ, что то, что онъ можетъ сказать, дѣйствительно заинтересуетъ читателя. Потому мы просимъ смотрѣть на этотъ первый опытъ, какъ только на вступленіе къ болѣе пространному труду, если на него только явится требованіе. Авторъ посвятилъ не мало лѣтъ на изученіе предмета, о которомъ онъ трактуетъ теперь такъ легко и поверхностно; для него было бы легче написать огромные томы, но опытъ показываетъ, что ученый міръ находитъ возможнымъ обходиться и безъ нихъ; впрочемъ, надобно замѣтить, что авторъ, пиша для публики, сообщаетъ многое неизвѣстное и уче-

ному міру, вноситъ новые взгляды, новые факты, которые когда-нибудь будутъ разработываться спеціалистами.

Поводомъ къ настоящей статьѣ были лекціи, читанныя въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета въ 1871 году. Но авторъ не могъ, конечно, въ двухъ лекціяхъ сообщить все, что̀ было нужно, и не былъ на столько самонадѣянъ, чтобы требовать еще болѣе продолжительнаго вниманія. Другой поводъ: это — защита той идеи, которую авторъ проводилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и которая обратила на себя вниманіе только въ послѣднее время, когда статья, въ которой она была высказана, была переведена на англійскій языкъ. Мы говоримъ о томъ, что магометанство угрожаетъ охватить собою весь востокъ, и что такимъ образомъ просвѣщенію предстоитъ новая борьба, которая неизвѣстно чѣмъ еще кончится. Для многихъ мысль наша кажется неосуществимою; но гдѣ на это существенное опроверженіе? Мы видимъ, что на всемъ древнемъ материкѣ христіанство почти нисколько не подвигается впередъ; самой Россіи едва-ли удается въ годъ обратить въ православіе нѣсколько тысячъ — и то язычниковъ, а не магометанъ; европейскія миссіи въ Индіи и Китаѣ представляются грубымъ пуфомъ, какъ это показали возстанія магометанъ въ Индіи и недавняя Тяньцзиньская рѣзня въ Китаѣ. Между тѣмъ, магометанство двигается вѣрными шагами; оно распространяется, какъ во внутренности Африки, такъ и Китая. Могутъ ли представить ему отпоръ религіи послѣдняго? Пусть читатели сами судятъ объ этомъ изъ того очерка, который мы имъ предлагаемъ; но съ нашей стороны, мы считаемъ, однакожь, обязанностію обратить ихъ вниманіе на то, что магометанство двигается на востокъ по пятамъ буддизма, смѣняя его всюду, какъ въ Индіи, такъ и въ Афганистанѣ и Туркестанѣ. Магометанство, казалось, совсѣмъ не было знакомо Китайцамъ; такъ думалъ нашъ ученый міръ, и вдругъ оказывается, что магометанъ на востокѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ на западѣ.

Кромѣ того, изученіе востока, а слѣдовательно, и его религій, имѣетъ для насъ, Русскихъ, особенный интересъ; оно возбуждается не простымъ диллетанствомъ въ наукѣ, но и существенною для насъ потребностію Фраза: „призваніе Россіи—просвѣщать востокъ“ не есть пустое выраженіе. Мы просвѣщаемъ его, расширяясь въ немъ, и нельзя еще опредѣлить границъ, гдѣ мы остановимся. Насъ толкаетъ въ Азію неизбѣжный ходъ историческихъ событій, даже противъ собственной воли.

При этомъ нашемъ положеніи на востокѣ, нужно ли и говорить

о необходимости съ нашей стороны его изученія? Положимъ, что мы призваны туда не для поддержки старыхъ порядковъ, а для введенія реформъ, которыя будутъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ мы сами болѣе усвоимъ европейскую цивилизацію; но для того, чтобы сѣять реформы, все же надобно знать почву, на которой мы хотимъ собирать жатву, и такая важная задача уже необходимо требуетъ изученія. До сихъ поръ мы являлись на востокъ какъ-бы на обумъ, безъ всякаго приготовленія: не отсюда ли и ропотъ на дорогую стоимость для насъ же этого нашего появленія?

Но если бы даже всякое наше расширеніе остановилось, если бы мы отказались даже и отъ самыхъ торговыхъ сношеній съ востокомъ-то недостаточно ли однѣхъ тѣхъ земель, которыми мы уже обладаемъ, тѣхъ народовъ, которые находятся уже въ дѣйствительномъ нашемъ подданствѣ, изъ котораго, надѣемся, они никогда и не выйдутъ, для того, чтобъ изученіе востока было для насъ необходимо? У насъ столько азіатскихъ племенъ—Грузинъ, Армянъ, Турокъ, Монголъ, народовъ Маньчжурскаго, Финскаго племени; у насъ столько чуждыхъ религій—іудейство, магометанство, буддизмъ, шаманство. Въ настоящее время, съ занятіемъ Кульджи, между нашими подданными являются конфуціане и даосисты. Ужели всѣ эти предметы не требуютъ изученія? Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ въ доказательство того, что если бы мы были болѣе знакомы съ религіею своихъ инородныхъ подданныхъ, то не разъ могли бы избѣгнуть многихъ затрудненій, въ которыя часто были поставляемы.

Долго еще послѣ того, какъ Русскіе, перейдя черезъ Байкалъ, покорили живщихъ тамъ Бурятъ, между Бурятами не было извѣстно ни одного поклонника ламайства; всѣ они были шаманы. Уже только послѣ заключенія Кяхтинскаго трактата, въ 1727 году, Саввою Владиславовичемъ Рагузинскимъ, къ нимъ перешли изъ Монголіи 12 ламъ, и они начали дѣло обращенія инородцевъ подъ русскимъ владычествомъ. Ламы сначала дѣйствовали кроткими мѣрами: они учили калѣкъ, людей, считавшихся неспособными у кочеваго народа, и разумѣется, достаточно было небольшой грамотности, которая развиваетъ языкъ, дѣлаетъ краснобаемъ всякаго въ средѣ невѣжественной толпы, чтобы показать, что буддійская религія способна творить чудеса, сдѣлать изъ никуда негодныхъ людей—людей достойныхъ. Утвердившись, ламы приняли другую политику; пріобрѣтя вліяніе между значительными лицами, они начали преслѣдовать шамановъ и ихъ приверженцевъ—грабили ихъ, убивали, даже жгли. И это—подъ русскимъ вла-

дычествомъ, противъ котораго всѣ, между тѣмъ, кричатъ, что оно насильно обращаетъ въ христіанскую вѣру, тогда какъ у насъ существуетъ коренной законъ, запрещающій переходъ изъ одной вѣры въ другую неправославную! А между тѣмъ, еще недавно въ Киргизскихъ степяхъ султаны сгоняли, съ помощію приставленныхъ къ нимъ русскихъ казаковъ, Киргизовъ въ построенныя ими мечети. Правительство тогда только поняло тягость ламайства, когда оно утвердилось прочно; извѣстно, что ламайство то же, что католическое духовенство—все безбрачное; что чѣмъ больше ламъ, тѣмъ, по буддійскимъ понятіямъ, болѣе процвѣтаетъ религія, то-есть, народъ изнуряется содержаніемъ тунеядцевъ, развивается безнравственность. Правительство тогда уже стало обдумывать мѣры, какъ бы ограничить распространеніе ламайства, когда за Байкаломъ выстроилось 30 монастырей, а знаютъ ли, что̀ такое ламскіе монастыри? Въ Тибетѣ, да и въ Монголіи—это цѣлые города; иной монастырь содержитъ до 8.000 ламъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свой дворъ, свою прислугу, богатый—даже свой особенный храмъ; разумѣется, при такомъ количествѣ, нельзя обойдтись безъ того, чтобы къ монастырю, особливо въ степяхъ, не примкнули и свѣтскіе, одни изъ набожности, другіе въ видѣ купцовъ, мастеровыхъ, и т. п. Знаменитый, въ Монголіи, городъ Урга, съ тысячами китайскихъ лавокъ, есть собственно ничто иное, какъ ставка одного ламы—знаменитаго Чжебцзуньдамба Хутукты. У насъ, конечно, ламскіе монастыри не дошли еще до такихъ огромныхъ размѣровъ; но говорятъ, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ собиралось уже по десяти тысячъ ламъ. Дѣло въ томъ, что начавшее ужасать наше правительство, извѣстное ему количество ламъ собственно было еще очень мало въ сравненіи съ дѣйствительностію: кочевымъ легко укрываться отъ счета. А между тѣмъ, послѣ того какъ правительство стало принимать мѣры къ ограниченію ламства, число монастырей увеличилось; изъ 30 вышло чуть не полтораста, при монастыряхъ появились духовныя школы, величаемыя факультетами; изъ Монголіи стали заходить живые боги, а теперь, говорятъ, наши ламскіе монастыри уже завели своихъ. Какъ дорого обходится духовенство нашимъ Бурятамъ, можно судить по слѣдующему происшествію: въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, одинъ монгольскій простой лама перешелъ — что̀ строго запрещалось тогда на бумагѣ — черезъ границу и назвалъ себя Хубилганомъ, то-есть, живымъ богомъ. Не можетъ быть, чтобъ этого самозванства не знали старшіе ламы и земскіе исправники: тѣмъ и другимъ, конечно, пере-

пала большая часть добычи, а эта добыча, увозимая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самозваннымъ ламой, состояла въ 50 верблюдахъ, навьюченныхъ серебромъ, кораллами, дорогими мѣхами, сукнами, шелковыми матеріями. Замѣчательно, что не смотря на то, что этого ламу перехватило китайское правительство, обобрало и сослало въ ссылку, монгольскіе ламы въ Пекинѣ стали осаждать автора этой статьи распросами, какъ бы и имъ пробраться въ нашу благословенную Россію, гдѣ такіе щедрые податели.

А отчего произошло такое быстрое распространеніе ламства между Бурятами? Одною изъ главныхъ причинъ была та, что наши администраторы, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ этой вѣрѣ, не потрудившись изучить предшествовавшаго положенія края, дали буддизму такую силу, какою онъ не пользуется и въ своей родинѣ. Предположили, что Буряты были ламаисты искони, что ихъ вѣра тѣсно связана съ ихъ бытомъ, и наконецъ, что ей надобно дать такое же устройство, какъ и господствующей вѣрѣ. Вслѣдствіе этого, власть надъ всѣми ламами сосредоточили въ рукахъ одного лица — Ханбо-ламы. Ничего нѣтъ опаснѣе такого сосредоточенія, дающаго громадное вліяніе во всякомъ инородческомъ классѣ; инородецъ застращивается русскими же законами, считаетъ себя обязаннымъ повиноваться поставленнымъ надъ нимъ властямъ; это замѣчаніе относится не къ однимъ ламамъ, но и къ мулламъ, муфтіямъ, цадикамъ и кагаламъ, и даже, къ католическимъ ксендзамъ и протестантскимъ пасторамъ. Нигдѣ, въ самомъ Китаѣ, въ законахъ нѣтъ ни одного пункта, преслѣдующаго религіозное отступничество: ни лама, ни мулла не имѣютъ права преслѣдовать бывшихъ своихъ прозелитовъ. У насъ же въ Россіи и Бурятъ, и Киргизъ считаютъ себя закабаленными по закону въ ламайскую или мусульманскую вѣру.

Въ недавнее еще время составили въ Иркутскѣ правило для бурятскаго ламайства, строго опредѣлили штатное число ламъ, назначили Ханбо. Пришло кому-то въ голову, что какъ лицо, утверждаемое Высочайшею властью, лицо, слѣдовательно, болѣе чѣмъ служебное и чиновное, его надобно привести къ присягѣ. Но кто сумѣетъ составить форму присяги? Поручили это дѣло самому же Ханбо, который долженъ былъ руководствоваться новымъ положеніемъ. И составилъ же онъ присягу, копію, съ которой прислалъ, когда ужъ присягнулъ: клялся всѣми богами употребить всѣ силы, жертвовать своею жизнью — для распространенія и поддержанія вѣры Шакіямуніевой!

Подобную же продѣлку сдѣлалъ, около того же времени, калмыцкій лама — тоже своего рода безсудный первосвященникъ. И здѣсь составлено было особое положеніе, опредѣлено число ламъ; въ наличности, во время выхода положенія, ламъ было нѣсколько сотъ больше противъ положеннаго штатомъ, и потому предполагалось, что до тѣхъ поръ не будетъ новыхъ посвященій, пока лишніе не перемрутъ. Вдругъ лама доноситъ, что онъ исключилъ изъ числа ламъ слабыхъ, больныхъ, старыхъ, что вслѣдствіе этого штатное число ламъ оказалось ниже комплекта, и что онъ уже посвятилъ еще около двухсотъ человѣкъ для пополненія штатнаго числа; но разумѣется, такъ-названные исключенные остались тоже ламами, потому что, по буддійскому ученію, да мы думаемъ и ни по какому, не растригаютъ же — говоря нашимъ языкомъ — духовнаго за старость и болѣзнь.

Странное явленіе представляетъ эта горсть Калмыковъ, живущихъ въ Астраханской губерніи, окруженная со всѣхъ сторонъ Русскими и Татарами; она до сихъ поръ не теряетъ своей народности, благодаря своимъ семи слишкомъ милліонамъ десятинамъ земли и своей особенной религіи. Но вотъ обстоятельство, которое прежде было упущено изъ виду. Калмыки находились подъ управленіемъ своихъ князей, которымъ мы придали такую власть, какой они не пользуются и въ самой Монголіи. Но въ то же время, эти князья, если бы задумали креститься, то должны были отказаться отъ своего улуса;— мы знаемъ, что, даже и при этихъ условіяхъ, были случаи самопожертвованія изъ благоговѣнія къ христіанской вѣрѣ; всѣмъ извѣстно, что родъ, напримѣръ, князей Дондуковыхъ былъ владѣтельнымъ въ Калмыцкихъ степяхъ. Но какъ угодно, нужно слишкомъ сильное благоговѣніе въ обращающихся, чтобъ отказаться отъ своего царства. Крещеныхъ Калмыковъ тоже не оставляли въ степи, чтобъ ихъ не совратили язычники. Разумѣется, чѣмъ человѣкъ находится на болѣе низкой степени образованности, тѣмъ для него тяжелѣе разставаніе съ родиной; слабый человѣкъ всегда ищетъ поддержки въ массѣ; но если бы Калмыки-христіане оставались въ степяхъ, то для нихъ, конечно, потребовалось бы основать храмы. Князья, конечно, принявъ христіанство хотя для того, чтобы жениться на Русскихъ, имѣли бы дѣтей настоящихъ Русскихъ. Народъ, конечно, всего скорѣе послѣдуетъ примѣру своего князя; вѣдь надобно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ онъ передъ нимъ пресмыкается и теперь. Былъ примѣръ съ двумя князьями Тюменевыми, наслѣдовавшими Хошоутовскій улусъ: оба они воспитывались въ Казанской гимназіи,

и конечно, отрѣшились отъ всѣхъ языческихъ предразсудковъ; обоимъ хотѣлось принять христіанство, сдѣлаться чисто Русскими. Но чѣмъ имъ жить, когда лишатся улуса? Бросили жребій — младшій сдѣлался христіаниномъ и получалъ содержаніе отъ своего брата.

А между тѣмъ, въ самой Монголіи, при Чингисханѣ и его преемникахъ, князья одни были христіане, другіе магометане, третьи буддисты; и никому въ голову не приходило сомнѣваться въ ихъ правахъ на улусъ; подданные и не думали бунтоваться. И въ настоящее время, стоитъ только католическимъ священникамъ догадаться, да проникнуть въ Монголію и основать тамъ миссіи, въ числѣ обращенныхъ непремѣнно явятся князья, и китайское правительство не подумаетъ за это лишить ихъ наслѣдственныхъ правъ.

Названіе востока обыкновенно прилагается къ обширнымъ странамъ древняго міра; подъ этимъ именемъ разумѣютъ не одну только мѣстность, но и людей, ихъ сложившуюся администрацію, ихъ міросозерцаніе и проч.; однакожъ, есть большая разница въ странахъ, обитателяхъ, учрежденіяхъ, вѣрованіяхъ, исторіи всего того, что называютъ востокомъ. Для насъ, собственно говоря, не существуетъ востока, потому что земли его составляютъ для насъ земли юга, — и намъ тѣмъ болѣе не простительно забывать, что Іерусалимъ лежитъ западнѣе нашей Москвы. Чтобы выражаться правильнѣе, мы предложили бы называть востокомъ собственно страны, лежащія за Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Индомъ. Старый міръ или материкъ тогда раздѣлился бы на двѣ, равныя почти, половины, жившія до новѣйшаго времени своею особенною жизнью, рѣдко между собою сталкивавшіяся, но за то въ своихъ столкновеніяхъ проявлявшія истинно міровыя событія; тогда мы освободились бы отъ предразсудка называть восточной исторію древнихъ Египтянъ, Финикіанъ, Вавилонянъ и Евреевъ, имѣвшихъ такое громадное вліяніе на развитіе греко-римскаго образованія, которое нынѣ продолжаетъ Европа. Если эти страны нынѣ погружены въ невѣжество, то нужно ли и справедливо ли съ словомъ востокъ связывать только одно понятіе о невѣжествѣ? Эти страны составляютъ югъ нашего запада, югъ, въ которомъ ранѣе всего зародилась гражданская и умственная жизнь, и который по этому ранѣе отжилъ и требуетъ обновленія. Развѣ историческая жизнь этой половины не постоянно сталкивается въ своемъ районѣ: Финикіане проникаютъ въ Балтійское море, Греки доходятъ до Инда, владыче-

ство Римлянъ смѣняется арабскимъ, древніе Руссы проникаютъ въ Хоразанъ и Закавказье; изъ Сиріи и Аравіи распространяются по всему западному міру его религіи.

Восточный міръ, въ тѣхъ границахъ, которыя мы указали, тоже и постоянно вступаетъ между собою въ политическія и умственныя столкновенія; Китай во времена силы постоянно простираетъ свое владычество до Киргизскихъ степей и Байкала, распоряжается даже въ самой Индіи; номады средней Азіи, освободившись отъ этого владычества, проникаютъ въ Индію и Китай; Индія, подобно Сиріи, высылаетъ въ свой восточный районъ миссіонеровъ, и имъ тамъ всюду удается. Если разсматривать природу обѣихъ половинъ, то здѣсь различіе выступаетъ еще рельефнѣе. Западный міръ прорѣзывается Средиземнымъ моремъ, подходящимъ черезъ Черное море къ Каспійскому. Оттого здѣсь жизнь разнообразнѣе и плодовитѣе, просвѣщеніе переходитъ съ мѣста на мѣсто, и это передвиженіе придаетъ ему новыя силы. На востокѣ, въ pendant Средиземному морю, тянется возвышенность Средней Азіи, все болѣе и болѣе становящаяся мертвенной; такъ, мы знаемъ, что прежде былъ прямой путь изъ Хотана въ Китай, а нынѣ тамъ все завалено песками; рѣчки и озера, которыя протекали въ Монголіи на глазахъ еще живыхъ путешественниковъ, теперь уже исчезли. Могъ ли замѣнить верблюдъ, хотя его и называютъ кораблемъ пустыни, дѣйствительные корабли? Вотъ почему жизнь востока принимаетъ другой характеръ; тамъ просвѣщеніе могло утвердиться только въ извѣстныхъ пунктахъ, и потому человѣческій духъ не проявляетъ тамъ такой энергіи, которую мы встрѣчаемъ на западѣ. Тамъ человѣкъ, можетъ-быть, ранѣе достигъ матеріальнаго благосостоянія, выработалъ для первыхъ временъ болѣе сносные принципы гражданскаго устройства, прежде приступилъ къ углубленію въ себя, въ законы духа. Но работая все на одной и той же почвѣ, въ одной и той же расѣ, не имѣя ни откуда прилива новыхъ началъ и идей, жизнь и духъ человѣка не могли выразиться тамъ въ такой разнообразной, вѣчно юной формѣ, не останавливающейся въ своемъ развитіи. Еще надобно удивляться, какъ Индія и Китай, перебирающіе все одно и то же въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, 2.000 лѣтъ, не погибли въ монотонности. Въ настоящее время, мы видимъ этотъ самостоятельный нѣкогда востокъ въ полномъ упадкѣ его политическихъ, умственныхъ и нравственныхъ средствъ. Онъ погибъ бы невозвратно въ своей замкнутости, если бы надъ человѣчествомъ не восходила заря обновляющаго объединенія, въ которомъ просвѣще-

ніе, а съ нимъ и гражданская жизнь сдѣлаются общими. А то, что Китай, и при своей изолированности, сохранилъ въ себѣ до нашего времени еще на столько силъ, чтобы поддержать на извѣстной степени свое развитіе, ручается всего лучше за то, что когда сила науки разорветъ оковы, поставленныя природой, когда посредствомъ телеграфовъ, аэростатовъ и желѣзныхъ дорогъ не будетъ болѣе различія между востокомъ и западомъ, будетъ одно человѣчество,—этотъ востокъ самъ пріймет живое участіе въ развитіи просвѣщенія, сдѣлается не только его хранителемъ, но и двигателемъ. Если онъ и при прежней жизни подарилъ западу шелкъ, чай, компасъ, порохъ, ассигнаціи, книгопечатаніе, то можемъ ли мы отрицать, что человѣчество ничего не выиграетъ, въ будущности, отъ предстоящаго сліянія? Замѣтимъ, что все, пересаженное на другую почву, всегда растетъ лучше, чѣмъ въ дикомъ состояніи; книгопечатаніе и порохъ, перенесенные съ востока, могли развиться только на западѣ. Однакожъ эта пересадка имѣетъ свое начало уже въ отдаленномъ прошедшемъ, и до сихъ поръ востокъ всегда имѣлъ превосходство надъ западомъ въ своихъ произведеніяхъ. Индія и Китай не находятся по дарамъ природы въ такой же зависимости отъ другихъ странъ, какъ другія отъ нихъ; и потому съ самаго древняго времени народы запада стремились за этими произведеніями. Въ замѣнъ того, превосходство силы духа западнаго міра сказывалось въ то же время — хотя бы и въ грубомъ видѣ — въ завоеваніяхъ. Индія порабощена пришельцами запада еще въ доисторическія времена; многіе полагаютъ, что то же было и съ Китаемъ. По крайней мѣрѣ, умственный и духовный перевѣсъ запада оказывается при внимательномъ изслѣдованіи въ такихъ фактахъ, которымъ прежде не придавали значенія. Походъ Александра Великаго не остался безслѣдно для вліянія не только на Индію, но и на Китай. Изъ Бактріаны Индѣйцы заимствовали письменность, о сношеніяхъ съ одною только Бактріаной и толкуютъ ихъ древнія легенды; у Грековъ они познакомились съ поэзіей, метафизикой, философіей, риторикой и граматикой. Мы увидимъ, что и буддизмъ есть произведеніе толчка, даннаго западомъ. А развѣ ничтоженъ былъ шумъ, произведенный нѣкогда въ Китаѣ, открытіемъ запада, того запада, въ которомъ, въ I-мъ столѣтіи до Р. Х., еще не могли изгладиться слѣды греческаго вліянія? Не тогда ли зашли въ Китай легенды объ Гесперидскихъ садахъ, объ Утопіи, объ Олимпѣ; не съ запада ли проникла въ Китай драма, не на западѣ ли Китайцы по знакомились впервые съ алфавитомъ и стали, съ помощію

его, глубже всматривается въ свой языкъ; наконецъ, не съ запада ли пришла эта хрія — тема (ти-му), написать которую считается верхомъ китайской учености?

Но сила западнаго духа сказывается еще сильнѣе въ религіи. Буддизмъ потому распространился на востокѣ, что Индія лежитъ западнѣе; и въ него несомнѣнно вошло многое изъ ученій запада, явилось магометанство и стало вытѣснять буддизмъ; оно идетъ именно по древнимъ слѣдамъ его распространенія. Почему же мы не видимъ обратнаго дѣйствія, почему конфуціанство или буддизмъ не могли, съ своей стороны, распространиться на западѣ? Вѣдь въ первыя два столѣтія до и послѣ Р. Х., политическое вліяніе Китая на западѣ было громадное — оно простиралось до Средиземнаго моря; то же вліяніе возобновилось передъ владычествомъ магометанства, при Танской династіи (620—908 гг.), и наконецъ, при Чингизидахъ. Но слыхано ли было, чтобы кто-нибудь изъ жителей запада обращался въ поклонника Конфуція или Будды, Лао-цзы!

Именно характерическое отличіе востока отъ запада, на которое мы указали, ни въ чемъ не высказывается столь рельефно, какъ въ его религіяхъ. Въ нихъ-то и нѣтъ живости и силы того бодраго духа, который на западѣ борется за принципы и не щадитъ даже крови и жизни. Если хотите, фанатизмъ, конечно, есть недостатокъ запада; но онъ же поддерживаетъ и духъ на извѣстной степени напряженія, и этому-то напряженію западъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ. Не изучая востока, мы строго осудили бы всѣ ошибки, всѣ увлеченія; теперь видимъ ихъ пользу, убѣждаемся, что невѣжество можетъ гнѣздиться и тамъ, гдѣ въ защиту его не вынимаютъ меча. Какъ бы то ни было, вооруженный фанатизмъ до сихъ поръ былъ не извѣстенъ религіямъ востока; до послѣдняго времени самое магометанство, прибѣгавшее не разъ къ силѣ оружія въ Индіи, долгое время сдерживалось въ Китаѣ; мечети стояли скромно, не выставляя своихъ минаретовъ, поклонники пророка отпускали преспокойно косу и начинали свою грамотность съ конфуціанскихъ книгъ Нынѣ не то; магометанство вырѣзало въ Китаѣ милліоны невѣрныхъ своихъ соотечественниковъ: въ одномъ Нинъ-ся погибло за-разъ триста тысячъ, какъ сообщаетъ сама официальная Пекинская газета Въ китайской исторіи мы до сихъ поръ не знали ни одной религіозной войны, хотя то та, то другая религія часто пользовалась исключительнымъ покровительствомъ или подвергалась преслѣдованію. Въ самой Индіи, до магометанства, превосходство религіи рѣшалось не

мечемъ, а богословскими спорами. Очевидно, что для востока настаетъ новая эра и новая вѣра.

Касательно религіознаго индеферентизма, существовавшаго до сихъ поръ въ Китаѣ, приведемъ въ примѣръ, какъ встрѣчаетъ новый годъ китайскій императоръ. Сначала онъ отправляется въ свой шаманскій храмъ; потомъ приноситъ по конфуціанскому обряду жертву въ храмѣ предковъ; затѣмъ отправляется на поклоненіе сандальному кумиру Будды, который считается современнымъ самому Шакіямуни, и послѣ того, заѣзжаетъ въ даосійскій храмъ вѣтра Итакъ, одно и то же лицо за-разъ оказываетъ почтеніе четыремъ религіямъ; и можно быть увѣреннымъ, что если христіанство и магометанство устроются въ Китаѣ мирно—что, впрочемъ, очень сомнительно,—то очень не мудрено, что богдыханы будутъ посѣщать и ихъ храмы; вѣдь давали же они деньги на постройку мечетей и христіанскихъ церквей. Въ Китаѣ, къ какой-бы кто религіи ни принадлежалъ, всѣ, какъ мы уже сказали, начинаютъ ученіе съ классическихъ конфуціанскихъ книгъ, и между тѣмъ, рѣдко встрѣтишь ученаго, слѣдовательно, конфуціанца, который все-таки, кромѣ того, не выказывалъ бы предпочтенія даосизму или буддизму. На югѣ, напримѣръ, принято даже, что въ одномъ и томъ же семействѣ, когда умираетъ мужчина, то приглашаютъ для отпѣванія его даосовъ, а когда умретъ женщина, то — хошановъ, то-есть, буддистовъ. Въ лучшихъ китайскихъ романахъ даосъ и хошанъ являются рука объ руку; буддійскія и даосскія божества сражаются вмѣстѣ противъ дерзкихъ Прометеевъ. Когда въ Пекинѣ мы показывали свой христіанскій храмъ не только простымъ ламамъ, но даже хубилганамъ, то они простирались ницъ передъ нашимъ иконостасомъ. Въ одинъ годъ, въ лѣтнюю пору, мы жили въ горахъ, въ одной кумирнѣ, построенной у горы, изъ которой вытекалъ обильный ключъ. Воды находятся въ распоряженіи драконовъ, вѣрованіе въ которыхъ принадлежитъ Китаю независимо ни отъ кого; но въ послѣдствіи и буддизмъ, и даосизмъ усвоили его себѣ. Драконъ повелѣваетъ дождемъ, отъ него же зависитъ и удержать напоръ рѣкъ во время ихъ разлива, чтобъ онѣ не прорвали плотинъ и не затопили окрестностей. Почти каждый годъ осенью просятъ у богдыхана наградить того или другого дракона курительными свѣчами за то, что разливъ воды прошелъ благополучно. За то лѣтомъ, когда случится засуха, между тѣмъ какъ чиновники и самъ богдыханъ молятся о дождѣ въ храмахъ неба, одновременно буддійскіе и даосскіе жрецы поочередно совершаютъ богослу-

женіе въ самомъ императорскомъ дворцѣ. Въ то время, когда мы жили въ кумирнѣ дракона, въ одинъ день разнеслась вѣсть, что приближаются богомольцы. Хотя богдыханы, а въ провинціяхъ начальники и приняли на себя обязанность молиться за народъ, но онъ все-таки невсегда вѣритъ въ силу молитвъ своего богдыхана и своихъ начальниковъ, и потому самъ часто принимается, какъ и въ этотъ разъ, молиться. Богомольцы, поднявшись съ мѣста, увеличиваются по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія; они обходятъ всѣ мѣста, которыя сколько-нибудъ извѣстны своими драконами. Вскорѣ стукъ бубновъ и литавръ возвѣстилъ приближеніе толпы; тутъ были и старики и дѣти, мужчины и женщины; на многихъ были надѣты вѣнки, большая часть богомольцевъ шла босикомъ; всѣ явились изнуренные, измученные. Надобно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ они пали на колѣни передъ храмомъ, въ который не могли вмѣститься. Наконецъ, молитва кончена, зажженныя свѣчи положены въ урну передъ кумиромъ дракона, чтобы тамъ догорать. Сцена сейчасъ же перемѣнилась: начался смѣхъ, говоръ, брань; между тѣмъ коноводъ всей процессіи набиваетъ свою трубочку, подходитъ къ урнѣ, въ которой догорали свѣчи, раскуриваетъ ее преспокойно и громко восклицаетъ: „Эй, драконъ, давай же намъ дождя, да хорошенькаго!“

Въ томъ же знаменитомъ храмѣ сандальнаго Будды, передъ которымъ горѣли тысячи лампъ, постоянно смѣнявшіяся, потому что не было мѣста на огромномъ жертвенникѣ отъ усердія приносящихъ набожныхъ Монголовъ, мы видѣли собственными глазами, какъ ламы попоютъ — попоютъ молитвы, да и начнутъ смѣяться и драться.

Все это показываетъ, что на востокѣ тамошнія религіи не овладѣваютъ сердцемъ, что тамъ не вѣра, а довѣріе, которое уже легко поколебать или направить въ сторону. Дѣйствительно, съ чѣмъ является туда, напримѣръ, христіанскій или магометанскій проповѣдникъ? Онъ начинаетъ прямо съ того, что всѣ тамошнія религіи произведенія демона, ложны, ведутъ въ адъ; онъ проповѣдуетъ, что ихъ боги не боги, ихъ святые: Кунцзы, Лао-цзы, Шакіямуни были обманщики, шарлатаны, воплощеніе діавола. Откройте китайскую миѳологію, тамъ вы найдете жизнеописаніе Іисуса Христа, Пресвятой Дѣвы, Магомета, и ни малѣйшаго сомнѣнія въ чудесахъ, о нихъ разказываемыхъ, ни малѣйшаго опроверженія ученія христіанскаго или магометанскаго. Точно также буддизмъ на родинѣ въ Индіи никогда не сомнѣвался въ бредняхъ, разказываемыхъ о Брамѣ или Индрѣ. Онъ вѣритъ имъ, какъ и разказамъ даосовъ о своихъ лао-

цзюняхъ. Въ самыхъ древнихъ легендахъ о состязаніи Шакіамуни съ еретиками Тиртиками не отвергается способность ихъ учителей творить чудеса; нѣтъ, и они творятъ чудеса, только чудеса Будды значительнѣе, вотъ и все. Чего бы лучше, кажется, конфуціанцу, который часто вооружается противъ чуждыхъ религій, подвергнуть по свойству самой его религіи критикѣ дѣйствительность фактовъ, разказываемыхъ другими религіями: нѣтъ, и у него не достаетъ этой критики; онъ обращаетъ ее на разсужденіе о томъ, что та или другая религія не поддерживаютъ народнаго благосостоянія поощреніемъ труда, подрываютъ семейныя и гражданскія связи, увлекаютъ разсужденіе въ область безпредѣльнаго отвлеченнаго, тогда какъ, по его мнѣнію, можно разсуждать только о насущномъ.

Да, эти религіи взятаго нами востока — не религіи сердца, а пустого резонерства, того резонерства, въ которомъ вялый духъ не можетъ углубиться въ разсмотрѣніе традицій, а готовъ скорѣе пуститься въ анализъ того, какія, въ болѣе высшемъ или болѣе низшемъ состояніи святости, могутъ еще существовать душевныя чувства; преглубокомысленно разбираетъ, суть ли жажда и холодъ принадлежности осязанія или другого чувства, есть ли телѣга вещь или пустота. Другое, болѣе осязательное различіе религій востока отъ западныхъ заключается въ отсутствіи тѣсной связи между массой, народомъ, то-есть, свѣтскими и призванными къ служенію той или другой религіи—жрецами, духовными. У насъ любили говорить, что 400 милліоновъ Китайцевъ (если только когда-нибудь ихъ было столько,—теперь уже, благодаря инсуррекціямъ, нѣтъ, и Славянское племя превосходитъ численностью всѣ другія племена міра) исповѣдуютъ буддійскую вѣру — какое, дескать, важное значеніе этой религіи. Изъ сказаннаго выше смѣшенія религій въ Китаѣ можно также заключить, что существовало 400 милліоновъ даосистовъ или конфуціанцевъ. Итакъ, замѣтятъ, это число 400 милліоновъ надобно будетъ раздѣлить между тремя религіями. Странно, что Китайцы, раньше всѣхъ въ мірѣ начавшіе изучать статистику, никогда не вносили въ ея рамки души по вѣроисповѣданіямъ, а всегда считали только по ртамъ. Вѣрно, есть на это причина; число же даосскихъ или буддійскихъ монаховъ въ извѣстные періоды частенько является на страницахъ ихъ исторіи. Дѣло въ томъ, что дѣйствительное число буддистовъ и даосовъ должно ограничиться наличнымъ составомъ монаховъ этихъ религій, а конфуціанцевъ — спискомъ китайскихъ чиновъ. На западѣ, въ дѣлѣ религіи участвуютъ всѣ, по крайней мѣрѣ, мужчины; въ болѣе или

менѣе раннемъ возрастѣ, надъ всѣми совершается извѣстный обрядъ въ знакъ принадлежности къ религіи: въ храмы христіанскіе являются и мужчины, и женщины, и безъ этихъ прихожанъ, пожалуй, не существовала бы и служба, она болѣе для нихъ и назначена; браки совершаются въ храмахъ или при участіи священника или муллы; они же сопровождаютъ и умершаго въ послѣднее жилище. Мы говорили уже выше, что у Китайцевъ есть обычай приглашать въ одно и то же семейство, смотря потому, кто умретъ, мужчина или женщина, даосовъ или хошановъ; но это вовсе не обязательно; это только обычай, котораго, кто хочетъ, придерживается. Передъ смертью не бываетъ никакого напутствія, и множество бѣдняковъ опускаются въ могилу безъ всякаго богослуженія, потому что ни хошанъ, ни даосъ не обязаны хоронить даромъ. Что касается браковъ, то упаси Господи, присутствовать на нихъ хошанамъ или даосамъ: вѣдь это монахи, а религіи ихъ протестуютъ противъ всякаго сообщенія половъ. По рожденіи ребенка тоже не бываетъ никакихъ обрядовъ; у конфуціанцевъ, правда, есть обычай праздновать рожденіе по прошествіи мѣсяца, потомъ празднуютъ наступленіе зрѣлаго возраста, но все это просто жизненный обычай, не основанный на предписаніяхъ религіи. Все отношеніе свѣтскихъ къ буддизму или даосизму заключается въ ихъ добровольныхъ привязанностяхъ; случилось кому познакомиться съ тою или другою религіей по книгамъ, понравилась ему больше которая-нибудь, или похвалятъ ему другіе, къ той онъ, пожалуй, и пристанетъ; но можетъ и никогда не приставать, можетъ во всякое время и отстать. Да и въ чемъ выражается эта привязанность? Достаточно съ него, если онъ когда-нибудь зайдетъ въ ту или другую кумирню, сожжетъ грошовую пачку курительныхъ свѣчъ, или познакомившись съ какимъ-нибудь монахомъ, зайдетъ къ нему выпить чашку чаю, пожалуй, поболтаетъ и послушаетъ объ религіи, дастъ ему нѣсколько мѣдныхъ монетъ; тѣмъ и кончается вся связь. Чтобы свѣтскій участвовалъ въ богослуженіи вмѣстѣ съ жрецами, читалъ молитвы, этого никогда не бываетъ. Чтобы кто-нибудь требовалъ съ него заявленія о принадлежности къ какой-нибудь религіи, чтобъ онъ подвергался со стороны ли закона, или со стороны общества, или наконецъ, самой корпораціи жрецовъ, взысканіямъ за отступничество—это вовсе не мыслимо. Въ трехъ сказанныхъ религіяхъ нѣтъ слова: стыдно измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ; эта фраза появляется только съ поступленіемъ въ магометанство или христіанство. И дѣйствительно, однѣ эти религіи

имѣютъ на востокѣ солидарность съ обществомъ, потому такъ и возможно предвидѣть въ будущности, что онѣ изгонятъ язычество.

Въ формулярахъ китайскихъ чиновниковъ тоже не выставляется ихъ религія. Три года тому назадъ, въ Нанкинѣ былъ заколотъ генералъ-губернаторъ Ма-синь-и, замѣнившій Пань-ши-Энь'я, истребителя Тайпинговъ; онъ былъ магометанинъ, и правительство довѣряло ему вполнѣ, не смотря на то, что въ то же время, во всемъ Китаѣ, оставался одинъ только опасный бунтъ мусульманъ. Мы знаемъ также, что еще прежде того, присланный отъ Пекинскаго двора въ Юнь-нань, генералъ-губернаторъ, видя тамъ господство магометанства, самъ принялъ эту религію. Скорѣе всего можно бы сказать, что всѣ жители Китая—конфуціанцы. Мы уже сказали, что всѣ начинаютъ учиться по китайской методѣ, съ изученія классическихъ книгъ; этого правила держались въ основываемыхъ ими школахъ и христіане, даже наша русская школа. Конфуціанскія идеи, конфуціанскія изреченія проникли во всѣ слои, конфуціанскіе обычаи — при рожденіи, совершеннолѣтіи свадьбахъ, похоронахъ приняты, хотя и съ измѣненіями или приноровленіями, всѣми. Но самое уже упоминаніе о томъ, что конфуціане принимаютъ и другія религіи, даетъ понять, что эта религія также никого не обязываетъ. Хотя чиновники и должны исполнять нѣкоторые обычаи, участвовать въ жертвоприношеніяхъ и церемоніяхъ, которыя, по видимому, должно считать конфуціанскими, но достаточно припомнить сейчасъ упомянутаго Ма-синь-и, чтобы видѣть, что самые чиновники не обязаны въ душѣ быть конфуціанцами. Въ самомъ дѣлѣ какъ могли эти министры быть покровителями христіанства, еще при династіи Минъ, писать предисловія къ христіанскимъ книгамъ? Но пора намъ, наконецъ, познакомиться прямо съ конфуціанствомъ.

I.

Конфуціанство.

Конфуціанство тѣмъ отлично отъ другихъ религій, даже отъ восточныхъ, что тѣ, въ сравненіи съ нимъ, все же имѣютъ нѣкоторое сходство съ западными, такъ что невольно рождается вопросъ: религія ли это?

Этотъ вопросъ мы лучше всего рѣшимъ изъ разсмотрѣнія происхожденія конфуціанства, или лучше сказать, всякій можетъ рѣшить по своему, потому что у всякаго можетъ быть свое понятіе о религіи.

Если религія, говоря вообще, старается почерпнуть и свои силы, и свое оправданіе въ древности, то тѣмъ болѣе конфуціанство, претендующее на свое происхожденіе одновременно съ началомъ китайской націи, почитаемой самою древнѣйшею въ мірѣ, есть религія по преимуществу. Древность играетъ такую же важную роль въ человѣческомъ сердцѣ, какъ и самая религія, даже служитъ ея основаніемъ. При всемъ нашемъ новѣйшемъ превосходствѣ надъ древнимъ міромъ, мы все еще ищемъ тайнъ въ глубокой древности, не только для объясненія исторіи человѣчества, но даже въ области физической природы, — кажется, что эта археологическая привязанность и служитъ причиной антагоніи между наукой и религіей.

Конфуціанство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что̀ сохраняетъ на себѣ типъ древности; только въ древнее время были хорошіе образцы, совершенные люди. Не считая еще ихъ ни богами, ни святыми, конфуціанство выставляетъ въ примѣръ нравственности и самаго лучшаго управленія такихъ государей, каковы были Яо, Шунь, Ваны: Танъ, Вэнь и У; при этихъ царяхъ все было хорошо устроено; они правили спустя рукава; каждое ихъ изреченіе, даже простое восклицаніе, есть комментарій на всю жизнь, законъ для будущихъ вѣковъ. Понятно, что такой взглядъ весьма плохо можетъ гармонировать съ прогрессомъ, но очень хорошо поддерживаетъ неподвижность; кажущееся развитіе будетъ не болѣе, какъ разработка однажды принятыхъ началъ, и всякій умственный трудъ въ этой рамкѣ будетъ еще больше лишать умъ свободы; то, что̀ въ извѣстное время, при извѣстномъ умственномъ уровнѣ общества, казалось высокою интеллигенціей, со временемъ набрасываетъ на это общество покровъ мрака и невѣжества. Религіи востока, какъ ни широкъ былъ ихъ первоначальный районъ, не дали человѣчеству той свободы, которую дала на западѣ Библія; кромѣ единобожія, въ ученіи о Мессіи, заключалась другая великая идея — допущеніе обновленія принциповъ, слѣдовательно, даже перемѣна ихъ. Религіи запада, говоря сердцу, не охватывали вопросовъ, касающихся науки, просвѣщенія: по этому послѣднее и могло развиваться; религіи востока вышли изъ школы, были сначала простымъ ученіемъ, и потому, на какой степени стояла наука въ то время, когда она превращалась въ религію, на той степени она и должна была остановиться.

Мы здѣсь не можемъ подробно распространяться о древности Китайскаго народа; хотя намъ, собственно говоря, эта древность Китайцевъ безразлична, но все же многимъ, привыкшимъ къ вѣрѣ на

слово въ первые разказы, станетъ жалко убѣдиться, что эта древность имѣетъ въ себѣ столько же историческаго за 1000 лѣтъ до Р. Х., сколько историческаго, для этой же эпохи, представляетъ и Грецiя. Замѣчательно, что вездѣ, чѣмъ народъ позже составлялъ свою исторiю, тѣмъ къ большей древности онъ возноситъ ея начало. Китайцы временъ Геродота еще знали только своего Девкалiона — Яо (за 2357); позже, во второмъ вѣкѣ до Р. Х., Сыма-цянь уже вводитъ Хуанди (за 2697 лѣтъ), позднѣе является Фу-си (за 2952 лѣтъ); наконецъ, еще позже древность считается уже милiонами; Индѣйцы — тѣ такъ знаютъ даже прежнiе перiоды мiрозданiя.

Но откуда почерпнули свои историческiя свѣдѣнiя Китайцы? Какiе остались памятники ихъ древности, какiя книги — свидѣтельствуютъ о ней? Вопервыхъ, замѣтимъ, что письменность настоящая, а не воображаемая, изобрѣтена была только за восемь вѣковъ до нашей эры, то-есть, нисколько не раньше того времени, какъ она, за исключенiемъ загадочныхъ надписей Египтянъ, является и на западѣ. Спрашивается, какимъ образомъ могли сохраниться разказы о томъ, что было въ продолженiе почти двухъ тысячъ лѣтъ до изобрѣтенiя письма. Преданiя? Но мы знаемъ, что преданiя и у новѣйшихъ народовъ, когда имъ даже можно справиться у другихъ сосѣдей, представляются въ смѣшенiи. Много ли нынѣшнiе Монголы знаютъ о Чингисханѣ? Знаетъ ли Русскiй народъ о томъ, что было до Петра, да, пожалуй, и при немъ?

Является письменность,—является и настоящая исторiя. Чунь-цю, Весна и Осень, вотъ первая дѣйствительная лѣтопись Китая, въ которой событiя обозначаются шагъ за шагомъ, а она начинается только съ 723 года до Р. Х. Вглядитесь въ языкъ этой лѣтописи — это языкъ сжатый, не обработанный, едва понятный, едва отступающiй отъ знаковъ, которыми хотѣли обозначить событiя, когда вбивали гвозди въ Капитолiи. Это самое доказываетъ, что начало лѣтописи не далеко отошло отъ времени изобрѣтенiя письменности. Надобно знать свойства китайской письменности, ея трудность для выраженiя понятiй, самую медленность процесса письма или выковыриванiя буквъ ножемъ на бамбуковыхъ дощечкахъ, чтобы понять, что Чуньцю, въ самомъ дѣлѣ, принадлежитъ древности. Отъ этой сжатости, неточности или набрасыванiя кое-какъ мыслей недалеко отступаетъ и самый языкъ писателей, жившихъ уже послѣ Конфуцiя; слѣдовательно, китайской письменности трудно было сформироваться. Что же мы узнаемъ изъ этой первой исторической лѣтописи? То, что ядро

Китайской націи, или—такъ какъ трудно даже опредѣлить, что̀ такое тогда была собственно Китайская нація—та власть, которая подчинила себѣ часть будущей Китайской націи, зародилась, можетъ-быть, дѣйствительно, на западъ отъ юго-восточнаго изгиба Хуапхэ, но вскорѣ перенесла эту власть восточнѣе, какъ мы застаемъ ее уже въ историческія времена; государи этой Китайской націи воинственны, они распространяютъ свою власть во всѣ четыре стороны, потому что всюду встрѣчаютъ народы, живущіе безъ всякой связи, сами по себѣ. Но и гораздо позже этого мы узнаемъ изъ этой же самой исторіи, что все-таки владѣнія китайскія были вовсе не такъ обширны, какъ представляется нынѣшній Китай, и какъ хотятъ представить древній Китай толкователи и фабрикаторы преданій; на востокѣ эти владѣнія далеко не доходили до моря, на сѣверѣ не касались даже нынѣшней столицы Китая, Пекина, на югѣ—объ знаменитомъ Янъцзыцзянѣ, на которомъ стоятъ извѣстные нынѣ Нань-кинъ и Ханькоу, не было еще и помину; западъ всего болѣе представляетъ опоръ; оказывается, что китайской власти принадлежали только нѣсколько окрестностей изгиба Хуанъ-хэ, и власть эта, благопріятствуемая теченіемъ Хуанъ-хе, всего грознѣе надвигалась на востокъ, какъбы и въ то время уже доказывая, что западъ сильнѣе востока. Нѣтъ сомнѣнія, что во всемъ нынѣшнемъ Китаѣ и за границами его все уже было занято, заселено, можетъ-быть, и враждовало между собою; можно даже допустить, что не все принадлежало одному племени, но въ этомъ огромномъ пространствѣ первый починъ историческаго объединенія принадлежитъ той династіи, которую мы застаемъ въ Китаѣ при началѣ ея лѣтописи.

Скажутъ, что, кромѣ этой лѣтописи, Китайцы имѣютъ еще другую исторію: Шу-цзинъ, которая начинается именно съ того Яо, который жилъ за 2357 лѣтъ до Р. Х. Она говоритъ, что послѣ Яо и его преемника Шуня до настоящей династіи были еще двѣ другія, не менѣе знаменитыя. Тотъ же Конфуцій, сочинившій, или, лучше сказать, списавшій лѣтопись Весна и Осень, составлялъ и этотъ Шу-цзинъ,—онъ могъ имѣть историческія данныя. Но прежде всего что̀ такое Шу-цзинъ? Китайцы сознаются, что эта книга была истреблена при Цинь-ши Хуанди; потомъ, когда стали ее отыскивать, нашли 80-лѣтняго старика Фушена, который зналъ, выучилъ эту книгу наизусть въ молодости, когда еще не было на нее гоненія. Но они же говорятъ, что старикъ бормоталъ такъ, что его понимала только его восьмилѣтняя внучка. Она-то, эта безграмотная, конечно, дѣвочка, служила переводчицей между своимъ дѣ

душкой и посланнымъ къ нему ученымъ, который происходилъ совсѣмъ изъ другой провинціи, въ которой была другая рѣчь, и конечно, другая письменность, такъ какъ уже послѣ того, какъ Фушенъ выучилъ Шу-цзинъ, Ли-сы, министръ истребителя книгъ; но собственно говоря, не болѣе какъ Шу-цзина, составилъ общую письменность для всей объединенной тогда имперіи. Желали бы мы знать, какимъ образомъ можно списать со словъ книгу, языкъ которой такъ сжатъ и теменъ, когда и нынѣ Китаецъ не можетъ понять ни одной письменной книги, не имѣя ее передъ своими глазами. Какимъ образомъ со словъ Фушена могли написать правильно собственныя имена? Какая горькая иронія слышится противъ всей древности въ этомъ разказѣ. Такъ вотъ почему мы плохо и знаемъ, — какъ бы хотятъ сказать Китайцы, — свою древнюю исторію; но мы все же хотимъ ее знать, во что бы то ни стало, отъ кого бы то ни было, и знать такъ, какъ намъ хочется. Въ послѣдствіи, спохватившись, что книги со словъ списать было нельзя, Китайцы отыскали въ стѣнѣ собственнаго Конфуціева дома письменный Шу-цзинъ, спрятанный имъ самимъ еще при своей жизни; книга была будто написана особеннымъ, не извѣстнымъ дотолѣ почеркомъ, который если бы существовалъ дѣйствительно, долженъ былъ бы сохраниться въ другихъ книгахъ и не могъ бы никому быть до того времени неизвѣстнымъ. Прежде всего является вопросъ: почему не дошло списковъ съ этого памятника? Китайцы уже и тогда занимались археологіей; притомъ, на что̀ похожъ разказъ, что въ неизвѣстномъ почеркѣ (его называютъ головастиковымъ) сумѣли разобрать только тѣ главы, которыя были списаны со словъ Фушена, и убѣдились въ ихъ сходствѣ? Вѣдь если столько главъ было уже прочитано, то тѣ же іероглифы встрѣтились бы, за немногимъ развѣ исключеніемъ, и въ остальныхъ. И всему этому вѣрятъ добродушные Китайцы, равно какъ вѣрятъ тому, что Конфуцій могъ предвидѣть гоненіе и спряталъ въ стѣну дома сочиненную имъ книгу, и что этотъ домъ простоялъ несокрушимо нѣсколько столѣтій, тогда какъ въ Китаѣ, отъ тамошняго климата, все такъ быстро разрушается. Чунь-цю не пропала, а Шу-цзинъ погибъ: какъ могло это случиться, если бы дѣйствительно существовала такая древняя исторія Китая? Самъ разказъ о сожженіи книгъ не былъ ли выдумкою послѣдующихъ конфуціанцевъ, которые стыдились древнихъ своихъ мараній, какъ устыдились Цзя-юй (домашнія изреченія Конфуція) и подмѣнили его Лунь-юй'емъ (афоризмы Конфуція); конфуціанцы были не довольны Цинь-ши Хуанди за то, что онъ не имъ поручилъ правле-

ніе; слѣдующая династія охотно распускала и допускала клеветы на того, у преемниковъ котораго она отняла престолъ. И всѣ послѣдующія династіи также всегда старались унизить предшествовавшія имъ царствованія. Династія Минъ не церемонилась скрыть отъ своихъ подданныхъ, какъ обширны были владѣнія преемниковъ Чингисхана, которыхъ она смѣнила. Что же мудренаго, что Цинь-ши Хуанди пріобрѣлъ печальную извѣстность, которой вовсе не заслуживалъ, благодаря только изворотливости конфуціанцевъ?

Но допустимъ, что дошедшій до насъ Шу-цзинъ былъ дѣйствительно написанъ Конфуціемъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Во первыхъ, въ немъ нѣтъ послѣдовательной, вѣрной хронологіи; во вторыхъ, его языкъ вовсе не носитъ слѣдовъ отдаленной древности. Правда, онъ труденъ, но онъ болѣе округленъ, чѣмъ Чунь-цю; въ то же время однообразенъ для всѣхъ тысячелѣтій, тогда какъ Китайцы, не смотря даже на первую фразу книги объ Яо: „Если говорить о древнемъ государѣ Яо“.... хотятъ увѣрить насъ, что главы Шу-цзина были писаны при тѣхъ государяхъ, о которыхъ онѣ трактуютъ, такъ какъ при самомъ Яо были уже историографы, которые обязаны были записывать всѣ изрѣченія и дѣйствія своего государя. Но положимъ, что такъ какъ Шу-цзинъ былъ обдѣлываемъ Конфуціемъ, то онъ и могъ получить однообразную форму языка,—оттого онъ и имѣетъ болѣе сходства съ афоризмами философа, собственнымъ его ученіемъ, чѣмъ съ лѣтописью Чунь-цю. Но посмотримъ содержаніе Шу-цзина. Позднѣйшая лѣтопись Чунь-цю кое-какъ отмѣчаетъ событія, а древняя исторія о событіяхъ говоритъ мало, а содержитъ въ себѣ изрѣченія древнихъ государей, ихъ разглагольствованія съ министрами, ихъ жалобы, клятвы, сентенціи; въ одномъ мѣстѣ (Хунъ-фань) чуть не излагается метафизика и этика. Возможно ли допустить, чтобы древняя исторія была полнѣе новой?

Въ какомъ видѣ представляется Китай по Шу-цзину? Прежнія династіи захватываютъ его весь почти въ нынѣшнемъ видѣ; въ немъ, при нихъ, то девять, то двѣнадцать провинцій, которыя, не смотря на подчиненіе правителямъ, въ то же время принадлежатъ десяти тысячамъ владѣтельныхъ князей. Шунь и Юй, ближайшіе преемники Яо, уже далеко перешагнули на югъ отъ Янъ-цзыцзян'а. Вышеупомянутый Хуанъ-ди, съ котораго начинаетъ исторію Сымацень, хотя и живетъ прежде Яо, но дѣйствуетъ не иначе какъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Пекина, а эти окрестности, въ позднія историческія времена, еще были въ рукахъ Жуновъ и Ди, не признававшихъ власти Китая.

Однакоже, на какомъ же основаніи, скажутъ, составилась такая исторія? Мы думаемъ, что разгадки надобно искать въ той же достовѣрной исторіи династіи Чжоу. Воинственная династія, расширивъ свои владѣнія, должна была и защищать ихъ. Она поставила на своихъ границахъ маркграфовъ—Хоу, которые, съ уполномочія или безъ уполномочія своихъ государей, стали расширять свои удѣлы и расширили ихъ до такой степени, что стали сильнѣе самихъ своихъ государей. Соблюдая еще внѣшнюю покорность, они старались пріобрѣтать вліяніе при дворѣ, и это давало другимъ поводъ къ соперничеству. Между тѣмъ, власть государя все болѣе и болѣе падала. Маркграфы, превратившіеся въ князей, однако, не были на столько сильны, чтобы соединить всѣ владѣнія Чжоу подъ одну власть; имъ угрожали и инородцы, которыхъ они хотѣли покорить. Такъ, на первыхъ еще страницахъ лѣтописи, сѣверные варвары разрушили даже одинъ сильный удѣлъ, лежавшій на сѣверо-востокѣ отъ Хуанъ-хэ, тогда протекавшій въ Чжилійскій заливъ. На югѣ инородцы составили даже, по образцу китайскому, сильное владѣніе, которое хотѣло захватить вліяніе надъ китайскимъ дворомъ. Князья, съ одной стороны, чтобы защититься отъ варваровъ, съ другой—чтобы не быть притѣсненными собственными государями, стали составлять сеймы, на которыхъ издано было много замѣчательныхъ постановленій. Власть надъ сеймами часто долго удерживалась въ одномъ удѣлѣ, а потомъ, по мѣрѣ его ослабленія, переходила въ другой. Прежде было много удѣловъ; теперь число ихъ сокращалось все болѣе и болѣе, и наконецъ, когда остались сильные удѣлы, то система сеймовъ кончилась. Всякое владѣніе стремилось не только къ самостоятельности, но и хотѣло поработить другія. Что же мудренаго, что при этомъ стремленіи всякій захотѣлъ вывести свою родословную, какъ можно выше, хотя, по приводимымъ у Сымацяня родословнымъ, число колѣнъ почти все одно и тоже,—что отъ современниковъ Хуанди, что отъ Яо или отъ Чэнъ-тана (1783 года). Итакъ, каждое владѣніе хотѣло право силы подкрѣпить еще правомъ происхожденія. Вы происходите отъ Чжоу,—могъ сказать удѣлъ Вэй или Сунъ другимъ князьямъ,—а мы отъ предшествовавшей вамъ династіи Инь.—А мы отъ династіи Юй, въ нашихъ предѣлахъ жилъ самъ Яо, сталъ распускать легенды удѣлъ Цзинь.—Въ нашихъ царствовалъ самъ Хуанъ-ди, утверждалъ Янь. Кромѣ того, одинъ и тотъ же фактъ историческій могъ передаваться различно въ различныхъ царствахъ и относиться къ различнымъ эпохамъ. Такъ, напримѣръ, и Яо, и Танъ, жившій послѣ него спустя болѣе 500 лѣтъ,

основатель династіи Шанъ, называются однимъ именемъ (хотя іероглифы и не похожи). Такъ, мы выше сказали, что первый зародышъ Чжоуской династіи полагается на западъ отъ юго-восточнаго изгиба Хуанъ-хэ. За 780 лѣтъ до Р. Х. тамъ царствовалъ будто Ю-ванъ—государь злой, мучившій честныхъ вельможъ и князей, преданный своей любовницѣ, отъ котораго и пала западная Чжоу. То же мы видимъ въ исторіи двухъ предшествовавшихъ династій, и онѣ точно также падаютъ при злыхъ государяхъ-мучителяхъ, подпавшихъ подъ власть женщинъ; даже имена послѣднихъ государей династій Ся и Шанъ смѣшиваются, и имена женщинъ также созвучны.

Конечно, отъ Конфуція нельзя и требовать, чтобы онъ могъ разобрать эту путаницу. Онъ могъ встрѣтить составившіеся уже до него разказы и увлечься ими; или, слыша разнообразные разказы, подумалъ, что надо принять различныя династіи, различныхъ государей. Сверхъ того, это, какъ нельзя болѣе, входило въ его планы. Какъ историкъ и древній, онъ еще болѣе нынѣшнихъ хотѣлъ вознестись въ древность; какъ философа, его не могла удовлетворить пошлая дѣйствительная исторія лѣтописи, не представлявшая ни одного великаго образца, наполненная братоубійственною войною, постоянными интригами, самыми безсовѣстными коварствами, подлыми измѣнами. Только въ уста великихъ монарховъ древности могъ онъ вложить высокія идеи нравственности. Вотъ что значатъ діалоги Шу-цзина. Это послѣднее значеніе его не измѣняется, если мы почтемъ его составленнымъ еще позднѣе, потому что когда его стали отыскивать, по истребленіи Цинь-ши-Хуандіемъ, то вѣдь ученые имѣли въ виду угодить оказавшей имъ покровительство Ханьской династіи стараніемъ утвердить ея власть; и вотъ Шу-цзинъ, съ одной стороны, укрѣпляетъ монархическую власть, а съ другой — внушаетъ ей уваженіе къ представителямъ своихъ идей. Допуская послѣднее, легко можно уже допустить, какимъ образомъ въ Шу-цзинъ попали разказы объ Яо и Шунѣ, напоминающіе имена Ноя и Сима, сказанія о потопѣ, о трехъ династіяхъ въ pendant тремъ царствамъ—Ассирійскому, Вавилонскому и Сирійскому. Что конфуціанскія книги обдѣлывались и додѣлывались, даже послѣ открытія западныхъ странъ, мы имѣемъ на это многочисленные намеки. Но вѣрить ли непремѣнно, что Китаю сталъ извѣстенъ западъ только со временъ У-ди (140—86)? Тутъ опять не династическая ли продѣлка? Притомъ, официально многое и не въ Китаѣ узнается гораздо позже, чѣмъ знаютъ частныя лица; довольно указать, что въ Китаѣ книгопечатаніе было

извѣстно съ VI вѣка, а правительство стало пользоваться имъ только въ X столѣтіи; что магометанство существовало въ Китаѣ прежде Чингисханидовъ, а китайская исторія и не думаетъ о немъ упоминать по настоящее время. Если китайскіе товары проникли на западъ прежде офиціальныхъ сношеній съ нимъ китайскаго двора, то почему же и идеи и легенды запада, которому мы придаемъ такую энергичную силу, не могли проникнуть на востокъ, хотя въ обмѣнъ на эти товары? Есть одно обстоятельство, которое подтверждаетъ нашу догадку—Индѣйцы называютъ Китай Чина или Чжина (откуда *Chine*, Хина); но это было названіе династіи (Цинь), царствовавшей въ Китаѣ за сто слишкомъ лѣтъ до открытія запада.

Конфуцій родился въ самое горячее время китайской жизни. Легко можно сравнить это время,—разумѣется, принимая въ разчетъ нынѣшнее развитіе человѣчества (но не пространство, такъ какъ Китайская нація тогда уже далеко раздвинула свои границы, благодаря своимъ маркграфамъ),—съ вѣками, которые проживаетъ теперь Европа. Не назоветъ ли въ послѣдствіи исторія и эти вѣка эрою междоусобія, братоистребительныхъ войнъ? Но мы знаемъ, что наше время безпорядковъ служитъ лучшимъ стимуломъ развитія. Когда родился Конфуцій, сеймовая система кончилась; всякое царство дѣйствовало самостоятельно, и каждое стремилось къ преобладанію, потому что сеймовая система, положившая начало китайскаго образованія, оставила въ наслѣдство всѣмъ царствамъ сознаніе о необходимости единства. Но каждое царство сознавало свою слабость для осуществленія этой цѣли, и каждое чувствовало необходимость призвать на помощь умъ, изобрѣтательность. Явились великіе тактики, но еще болѣе великіе дипломаты; трехдюймовый язычекъ, говорили тогдашніе Бисмарки, стоитъ сто-тысячной арміи. Дипломаты переходили съ мѣста на мѣсто, часто прикидывались, какъ Бейстъ, врагами того царства, въ пользу котораго они хотѣли дѣйствовать; составляли союзы, которые, по здравому смыслу, казались невозможными; усыпляли тѣхъ, чей голосъ и сила могли заразъ покончить столкновеніе. Вслѣдъ за тактиками и дипломатами появились такъ-называемые философы: одни учили, что надобно ввести строгій порядокъ, устроить государство на правильныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ; другіе прибѣгали къ планамъ экономическимъ, къ средствамъ обогатить государство, потому что и тогда сознавали, что безъ денегъ нельзя вести войны; толковали о томъ, какъ возвысить земледѣліе и промышленность. Извѣстно свойство древней

исторіи: она всегда говоритъ о государяхъ, о знаменитыхъ мужахъ, готова говорить о жизни извѣстнаго бунтовщика или разбойника, но никогда не касается жизни народной. Однако, кто же, какъ не народъ участвовалъ во всѣхъ этихъ безпрерывныхъ браняхъ, чья кровь лилась, какъ не его, чьи средства должны были содержать эти многочисленныя арміи? До насъ дошелъ, въ пѣсняхъ, народный ропотъ объ этихъ безпрестанныхъ походахъ [1]), объ этихъ тяжелыхъ работахъ на укрѣпленіяхъ. Но народныхъ силъ все же хватало, кромѣ того, на постройку великолѣпныхъ дворцовъ для князей и вельможъ, на украшеніе ихъ экипажей драгоцѣнными каменьями, на приготовленіе для этихъ же вельможъ затканныхъ золотомъ матерій, на изготовленіе лукулловскихъ обѣдовъ и попоекъ. Сквозь изнуреніе нельзя не видѣть, что нужда родитъ изобрѣтательность, что, поверхъ дипломатическихъ ухищреній, явились въ народѣ ухищренія къ развитію средствъ, къ такому же налеганію на природу, съ какимъ на самый народъ налегало правительство. Мы думаемъ, что эти смуты, междоусобицы и пробудили въ Китайцахъ ихъ геній, ихъ трудолюбіе, что тогда-то именно и развились искусство и промышленность. Эта напряженная энергія китайскаго духа была такъ сильна, что не погасла послѣ того и въ продолженіе тысячелѣтій. Говорятъ, что конфуціанство сохранило и сохраняетъ Китайскую націю до нынѣшняго времени. Нѣтъ, конфуціанство было само произведеніемъ того времени, въ которое оно явилось. Китай соединился, умолкли войны, и онъ прекратилъ свое дальнѣйшее развитіе: онъ зажилъ тою жизнью, которую влачатъ замкнутыя въ себѣ государства, внесъ въ эту жизнь и лучшія достоинства, и нажитые недостатки; регуляторомъ этой новой жизни и явилось конфуціанство, выработанное опытами предшествовавшей жизни.

Конфуцій тоже былъ, своего рода, странствующій искатель приключеній; онъ тоже искалъ службы то въ томъ, то въ другомъ царствѣ, даже помимо своего родного; и конечно, если не онъ думалъ высоко самъ о себѣ, то его ученики стараются увѣрить, что еслибъ онъ упрочился въ какомъ-нибудь царствѣ, то оно несомнѣнно и стало

---

[1]) . . . . . .

Жалкіе наши воины! Только вы развѣ не люди!
Вы не туры и не тигры. Зачѣмъ же вамъ шляться по пустынямъ?
Жалкіе наши воины! Зачѣмъ же и утромъ, и вечеромъ нѣтъ вамъ покоя?
Длиннохвостая лисица бѣгаетъ по густой травѣ,
Военныя колесницы тянутся по большой дорогѣ! .

бы во главѣ единства [1]). Конфуцій сначала былъ мелкимъ акцизнымъ чиновникомъ, смотрѣлъ за вѣсами, за откармливаніемъ скота. Въ послѣдствіи, будто бы, когда онъ сдѣлался министромъ на своей родинѣ, то сталъ такъ ее устроивать, что испугавшійся сосѣдній князь, имѣвшій виды на Лу, прислалъ къ князю этого послѣдняго владѣнія женскую музыку; музыка была такъ соблазнительна, что князь, какъ ни настаивалъ Конфуцій, не хотѣлъ съ нею разстаться, и Конфуцій вышелъ въ отставку, какъ какой-нибудь англійскій министръ. Даже и не допуская этого разказа, можно предположить, что Конфуцій былъ большой педантъ, старавшійся всѣмъ навязывать свои идеи о наукѣ и нравственныхъ началахъ, какъ единственную панацею противъ тогдашнихъ столкновеній. Но его отталкивали, какъ безполезнаго для того времени; и дѣйствительно, не посредствомъ конфуціанства Китай пришелъ къ объединенію, а силой оружія. Сила конфуціанства только зарождалась; ей еще надобно было укрѣпиться. Конфуцій, отверженный правительствами, сталъ ихъ врагомъ и перешелъ на сторону народа; онъ былъ первый народный учитель.

Какія же зародыши положилъ Конфуцій въ основу своего ученія? Науку (въ видѣ исторіи), народность (въ формѣ стихотвореній), нравственность (основанную на выводахъ изъ исторіи и поэзіи, переданную его учениками въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Лицзи—собраніе церемоній, и въ книгѣ Сяо-цзинъ—о почтительности къ родителямъ) Такъ, по крайней мѣрѣ, можно допустить, хотя въ началѣ при немъ всѣ эти вопросы могли быть еще только въ зародышѣ. Мы выше говорили уже, что черезъ руки Конфуція прошли два историческія сочиненія—Шу-цзинъ и Чунь-цю. Послѣдняя лѣтопись принадлежала его царству, но говорятъ, онъ ее передѣлалъ; очень сомнительно даже, налагалъ ли на эту лѣтопись свою руку Конфуцій, такъ какъ въ ней сохраняется именно характеръ лѣтописи, писанной сжатымъ языкомъ, а необходимые къ нему комментаріи написаны рукою современника Конфуціева, Цзо-цю-мина. Но допуская это, мы видимъ, что Конфуцій ввелъ нравственную оцѣнку историческимъ фактамъ, употребляя извѣстныя слова: напримѣръ, объ одномъ онъ говоритъ—околѣлъ, о другомъ—скончался, о третьемъ—умеръ; различаетъ слова—убѣжалъ, удалился, былъ прогнанъ; одного

---

[1]) По Лунь-юй'ю, Конфуцій обѣщаетъ измѣнить государственный строй того царства, которое поручатъ его управленію—то въ одно поколѣніе, то въ три года, то даже въ одинъ годъ, въ сто дней, въ мѣсяцъ.

называетъ въ униженіе по имени, другаго чествуетъ его титуломъ. Вотъ въ чемъ состоитъ историческій фокусъ Конфуція, и однакожъ, этотъ историческій языкъ положенъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ исторій. И этотъ языкъ страшенъ для Китайцевъ, какъ посмертный судъ.

Другую книгу, равно какъ и Ши-цзинъ, — книгу стихотвореній, Шу-цзинъ—Конфуцій добылъ, будто бы, при Чжоускомъ дворѣ. Но какимъ образомъ всѣ главы Шу-цзина могли храниться при Чжоускомъ дворѣ, когда въ нихъ попадаются и происшествія, принадлежащія новымъ временамъ, когда дворъ Чжоу не имѣлъ уже силы, и происшествія относятся къ удѣламъ? О Ши-цзинѣ разказываютъ еще бо́льшія чудеса. Говорятъ, что удѣльные князья, въ свое время, должны были представлять ко двору, вмѣсто дани, стихотворенія или пѣсни, появившіяся въ ихъ удѣлѣ, для того, чтобы дворъ могъ судить о состояніи нравственности и поэтому, слѣдовательно, даже о достойномъ управленіи самого князя. Китайцы никогда и не думали сомнѣваться въ этомъ разказѣ. Но не слишкомъ ли это уже мудрено для династіи, которая все время должна была стоять съ оружіемъ въ рукахъ? Пожалуй, Китайцы готовы также вѣрить, что и въ древнія времена государи заботились объ устройствѣ школъ; школа-то дѣйствительно была, да только военная: манежи, плацъ-парады, экзерциръ-гаузы. И какъ это удѣльные князья станутъ присылать дурныя пѣсни, чтобы свидѣтельствовать противъ себя: въ такомъ случаѣ весь Ши-цзинъ только и свидѣтельствовалъ бы что о высокой мудрости правителей!

Конфуціанцы говорятъ, что Ши-цзинъ не надобно было возстановлять по истребленіи книгъ, такъ какъ онъ жилъ въ устахъ народныхъ. Это еще труднѣе допустить, чѣмъ приведеніе въ письменный видъ Шу-цзина со словъ Фу-шена. Народный языкъ и нынѣ не имѣетъ опредѣленныхъ іероглифовъ для своего выраженія; провинціи и тогда уже различались нарѣчіями. О Ши-цзинѣ можно сказать многое. Самая главная часть его — пѣсни, несомнѣнно носитъ отпечатокъ народности; это естественное произведеніе жизненныхъ отраженій всякой націи. Въ китайскихъ пѣсняхъ мы видимъ много обще-человѣческаго: такъ и кажется, что присутствуешь на родныхъ вечеринкахъ, посидѣлкахъ; то воспѣваютъ жениха, невѣсту, иногда надъ ними подсмѣиваются; то красавица тоскуетъ по миломъ, то учитъ его, какъ приходить къ себѣ, то горюетъ объ измѣнѣ; то рабочій проклинаетъ тяжести труда, воинъ—трудности похода. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ есть и историческіе намеки. Но китайскій комментаторъ пор-

титъ все дѣло: онъ задался мыслью видѣть въ этихъ стихахъ исторію и нравственность; онъ все гнетъ въ свою сторону, онъ не только произвольно толкуетъ слова, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ эти же слова объясняетъ иначе,—онъ силится отыскать такія царства, которыхъ и не существовало. Достаточно для него уже того, въ какой разрядъ попала пѣсня: если она случайно отнесена къ царству Чжоу, то значитъ—это верхъ нравственности; въ другомъ мѣстѣ пѣсня того же рода показываетъ высшую испорченность нравовъ; точно также, на этомъ основаніи, видятъ въ пѣсни или упоминаніе о ихъ любимыхъ герояхъ нравственности или презираемыхъ злодѣяхъ. Возьмемъ для примѣра нѣсколько [1]):

Унизительно, унизительно
Только что солнце по срединѣ,
Большой человѣкъ рослый, разрослый,
Сила какъ у тигра,
А онъ въ лѣвой рукѣ держитъ флейту
Красенъ и цвѣтущъ,
На горахъ растутъ орѣхи,
О комъ сказать, думаетъ
Этотъ красивый человѣкъ—
Заниматься всякими фиглярствами;
Такъ и выступаешь на сцену;
А въ княжескомъ дворцѣ всячески фиглярствуетъ·
Поводья для него какъ шелковый шнуръ,
Въ правой фазанье крыло,—
Князь велитъ подать чарку вина;
На низу солодковый корень [2]).
Западной страны красивый человѣкъ.
Западной стороны человѣкъ!

Мы ставимъ эти стихи въ первую голову, какъ доказательство того, что въ Щи-цзинъ могли войдти стихи, составленные гораздо позже открытія западнаго края, изъ котораго въ Китай занесены были, между прочимъ, и фокусы. Между тѣмъ, толкователи видятъ здѣсь не ироническую насмѣшку надъ западнымъ человѣкомъ, или его жалобы на свою судьбу; нѣтъ, они подъ западнымъ человѣкомъ разумѣютъ первыхъ императоровъ династіи Чжоу, которая только въ послѣдствіи стала называться западною; при нихъ, говорятъ, достойный человѣкъ не занимался бы какою ни попало службою.

---

[1]) Цзянь си цзянь си!
Жи чжи фанъ чжунъ
Шо жень юй юй
Ю ли джу ху
Цзо шоу чжи е
Хэжу во чже
Шань ю чжень,—Си ю линъ
Пи мѣй жень си
Фанъ цзянь ванъ ву
Цзай цянь шанъ чу
Гунъ тинъ ванъ ву
Чжи пэй жу цзу
Ю шоу бинъ чже
Гунъ янь сы цзѣ
Юнь шуй чжи сы! Сифанъ мѣй жень
Си фанъ чжи жень си!

[2]) То-есть, всему есть свое мѣсто, а твое мѣсто тутъ ли?

Возьмемъ еще примѣры:

Парочка сѣла въ лодку —
Думаешь о ней —
Парочка сѣла въ лодку —
Думаешь о ней.

Едва видна ихъ тѣнь;
Въ сердцѣ безпокоишься,
Едва видно, куда уѣхала,
Какъ бы не вышло бѣды.

Кто бы подумалъ, что въ этихъ стихахъ толкователи видятъ слѣдующую исторію: Вэйскій князь Сюаньгунъ, женившись самъ на Суаньцзянъ, которую сначала сваталъ за своего сына, Цзи, когда выросли рожденныя отъ нея дѣти Шоу и Шо, рѣшился погубить Цзи; для этого онъ послалъ его въ другое царство и на дорогѣ поставилъ убійцъ; Шоу, узнавъ о намѣреніи своего отца, предупреждаетъ Цзи, но этотъ говоритъ: „Воля государя, не могу уклоняться“. Шоу, похитивъ значки Цзи, ѣдетъ впередъ и его убиваютъ; Цзи пріѣзжаетъ вслѣдъ за нимъ и говоритъ: „государь велѣлъ убить меня“, и его убиваютъ!

На стѣнѣ колючки—
Домашнія рѣчи
Еслибъ разказывать,

Нельзя смести,
Нельзя разказывать,
(выйдутъ) Слова скверныя!

На стѣнѣ колючки—
Домашнія рѣчи
Еслибъ толковать,

Снять нельзя,
Толковать нельзя.
(выйдутъ) Слова длинныя.

На стѣнѣ колючки—
Домашнія слова
Еслибъ можно читать,

Нельзя унести,
Нельзя читать,
(выйдутъ) Слова безчестныя!

Мы скорѣе приняли бы, что тутъ выражается наша поговорка: изъ избы сору не выносить; но толкователи говорятъ, что это насмѣшка надъ сейчасъ упомянутою Сюань-цзянъ, которая, по смерти мужа, связалась съ своимъ пасынкомъ.

Сочетавшаяся до старости съ благороднымъ мужемъ,
Плавная и стройная,
Въ красивомъ парадномъ платьѣ,

Съ шестью драгоцѣнными камнями въ головной шпилькѣ, поддерживающей накладку,
Какъ гора, какъ рѣка,
Что ты не чиста.

Какъ можно сказать!

Свѣжо, свѣжо (на тебѣ)
Черны твои волосы, какъ тучи,
(на тебѣ) Яшмовые наушники,
Прекрасны твои брови,

Это платье, на которомъ вышиты фазаны.
Къ чему тебѣ шиньонъ!
Гребенка изъ слоновой кости,
Право же ты—небо,

Право же ты — богъ!

Блестяще, блестяще
Съ окаймленною матеріей,
Ясны твои очи, прекрасны брови,
Такой человѣкъ, по правдѣ,
Твое платье.
Подобранное буффами;
Красивы виски!
Есть красавица во (всемъ) царствѣ.

Вмѣсто того, чтобы видѣть здѣсь восторженныя похвалы красотѣ, указываютъ на распутные нравы той же Сюань-цзянъ, которые погубили удѣлъ Вэй.

Итакъ, мы допускаемъ, что Конфуцій собиралъ, сверхъ историческихъ сказаній, во время своихъ путешествій, и народныя пѣсни, какъ единственные тогда существовавшіе памятники литературы; мы допускаемъ это потому, что думаемъ, что тогда литературныхъ памятниковъ было вовсе немного [1]). Письменность тогда существовала, только какъ орудіе правительства, для записыванія историческихъ событій, еще болѣе для обозначенія статистическихъ данныхъ, доходовъ и расходовъ, географическихъ предѣловъ,—такъ говорится, по крайней мѣрѣ. Эти памятники не дошли до насъ, и очень естественно: они, можетъ-быть, были недоступны и самому Конфуцію, какъ государственная тайна. Войны истребили ихъ, вмѣстѣ съ княжескими дворцами и казенными мѣстами, о которыхъ не заботился побѣдитель.

Тѣмъ болѣе является высокою заслуга Конфуція: онъ первый сдѣлалъ науку, образованіе достояніемъ народнымъ, онъ первый познакомилъ народъ, какъ съ правительственными документами, такъ и съ самимъ собою. Если до Конфуція и были школы, то все же только школы правительственныя; нигдѣ не видно, чтобы, помимо ихъ, были народные учителя. Мало того, кромѣ конфуціанскихъ школъ, не существовало въ Китаѣ даже и въ послѣдствіи никакихъ школъ; являлись писатели не согласные съ конфуціанствомъ, враждебные ему, но мы говорили уже, что даже буддисты и даосы учатся по конфуціанскимъ книгамъ. Китайцамъ не понятно даже, чтобы могли существовать другого рода школы, въ которыхъ не преподавались бы ихъ классическія книги. Когда Европеецъ говоритъ имъ, что въ Европѣ также учатся, что тамъ также получаютъ ученыя степени кандидатовъ, докторовъ, то они твердо увѣрены, что это званіе дается за изученіе ихъ классическихъ книгъ. На этомъ-то и основанъ извѣст-

[1]) Едва-ли даже на Ши-цзинъ не должно смотрѣть, какъ на образчикъ древняго языка различныхъ нарѣчій; мы видимъ въ немъ, что одно и то же содержаніе передается различными словами въ различныхъ царствахъ; на эту-то сторону до сихъ поръ никто и не обратилъ вниманія, и все потому, что никакъ не могутъ допустить мысли, чтобы китайскіе комментаторы были не развиты.

ный анекдотъ, что они считали покойнаго супруга королевы Викторіи бѣглымъ Кантонскимъ студентомъ, такъ какъ имъ сказали, что она вышла замужъ за молодаго человѣка, взятаго съ университетской скамьи. На этомъ же основаніи, когда они увидѣли, что Европейцы ихъ превосходятъ во всемъ, и имъ стали толковать, что Европейцы обязаны этимъ наукѣ, они не сомнѣвались, что эта наука заключалась въ ихъ же классическихъ книгахъ; подозрѣвали даже, что въ Европу зашли тѣ главы изъ этихъ книгъ, которыя потеряны Китайцами.

Чему и какъ училъ Конфуцій—это еще загадка; можетъ-быть, самая исторія и поэзія были въ его рукахъ только какъ пособія для изученія письменнаго языка; этимъ ученіемъ онъ и ограничивался, не выводя даже и тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые ему приписываютъ. Все послѣдующее было дѣломъ его учениковъ. Но ужь и то много, что явился человѣкъ, который позаботился о народѣ, сталъ его учить. Народъ въ Китаѣ смотритъ съ недовѣріемъ на своихъ чиновниковъ; оттого онъ не изъявляетъ сочувствія къ тому образованію, которое ему предлагается. Но вотъ теперь онъ завелся собственнымъ своимъ учителемъ, отъ котораго пошли другіе учителя, онъ готовъ ихъ слушать. Понятно, что эти учителя должны говорить въ его духѣ, соболѣзновать объ его страданіяхъ, осуждать поборы, наряды. Все это нашлось въ конфуціанствѣ. Мы видимъ въ немъ поддержку демократическихъ началъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неограниченной власти государя. Не такіе были государи древности, какъ эти ничтожные Чунь-цю; въ древности, въ Шу-цзинѣ, вотъ какъ они заботились о народѣ! Такова главная мысль послѣдней книги. И народъ поддержалъ это ученіе; ученые конфуціанскіе стали мало по малу чувствовать свою силу, и эту силу внушало имъ убѣжденіе, что они болѣе образованы, болѣе знаютъ, чѣмъ правительственные чиновники; сначала они смиренно дожидаются, когда правительство призоветъ ихъ къ управленію; они продолжаютъ вырабатывать идеи своего учителя, можетъ-быть, создаютъ многое отъ себя, приписавъ это Конфуцію. Но когда терпѣніе ихъ истощилось, является Мэнъ-цзы и начинаетъ громить правительство: „Что должна сдѣлать жена съ мужемъ, ее покинувшемъ?“ спрашиваетъ Мэнъ-цзы у владѣтельнаго князя. „Бросить его и взять другаго“, отвѣчаетъ послѣдній. „Что должно сдѣлать съ чиновникомъ, не исполняющимъ своихъ обязанностей?“—„Отставить“.—„Ну, а когда князь дурно правитъ?“ Князь посмотрѣлъ направо и налѣво и завелъ рѣчь о другомъ.

Конфуціанство могло легко разростаться во время междоусобныхъ войнъ. Когда Циньши-Хуанди соединилъ Китай подъ одну власть, общественное мнѣніе, поддерживаемое конфуціанцами, оказалось уже такъ враждебно ко всѣмъ его распоряженіямъ, что онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ конфуціанцами, озлобленными тѣмъ, что не по ихъ идеямъ соединили Китай, не спросясь ихъ править. Это вовсе не было гоненіемъ на науку: какъ говорятъ Китайцы, докладъ объ истребленіи конфуціанскихъ книгъ писалъ знаменитый Лисы, который былъ столько же великій государственный мужъ, какъ и ученый: онъ обработалъ ту китайскую письменность, которая существуетъ и до сихъ поръ, и которою написаны самыя конфуціанскія книги, выдаваемыя за древнія. До того въ каждомъ царствѣ были свои варіанты письменности. Оставлены были и казенные ученые академики, не преслѣдовались и книги астрономическія, математическія, по части сельскаго хозяйства, естественной исторіи, медицины и всѣ полезныя для народа въ его быту. Сдѣлана была даже уступка въ духѣ конфуціанства: позволено было брать уроки у правителей для изученія гражданскихъ законовъ. Вооружались лишь противъ педантовъ, которые осуждаютъ новое на основаніи стараго только для того, чтобы осуждать. Но конфуціанцы мѣтко и ядовито обозначили такое распоряженіе правительства: „оно хочетъ“, сказали они „оглупить черноголовый народъ“, то-есть, чтобы онъ не имѣлъ своего мнѣнія, на все глядѣлъ глазами правительства. Понятно, что конфуціанцы уже были увѣрены, что общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ, что народъ уже въ ихъ рукахъ, смотритъ ихъ глазами, сочувствуетъ только тому, чему они его учатъ. Мѣтко же обозначило ихъ и правительство, назвавъ педантами, знающими только старое, то-есть, ретроградами. Дѣйствительно, конфуціанство послужило причиною застоя Китая; педантизмъ, какъ мы видимъ, можетъ имѣть поддержку въ самомъ демократизмѣ, и наука можетъ служить источникомъ застоя, если она направлена не въ ту сторону.

Дорого поплатился Циньши-Хуанди за это презрѣніе къ народу и его ученію. Скоро пала его династія, и нѣтъ сомнѣнія, что причиной этого паденія была вражда конфуціанцевъ, которые и открыто присоединялись къ бунтовщикамъ. Умѣлъ взялся за дѣло хитрый домъ Хань: онъ видѣлъ силу народнаго мнѣнія и призвалъ конфуціанцевъ къ управленію. За то на множество мѣстъ въ классическихъ книгахъ, даже на всю ихъ редакцію, тѣмъ болѣе на толкованія, можно смотрѣть такъ, что они прошли сквозь призму угожденія прави-

тельству. Какъ скоро конфуціанцы взяли въ свои руки бразды правленія, стали у трона. они уже отдѣлились отъ народа, хотя и кажутся его друзьями: власть измѣняетъ характеры. Они остались вѣрны только одному принципу — хулить всякое нововведеніе, ссылаясь на образецъ древнихъ царствъ, и заботиться о своей власти. Этому новому положенію можно приписать, что конфуціанцы дали совсѣмъ другую редакцію своимъ книгамъ: сочинили однѣ, отбросили другія. Если прежній Шу-цзинъ проповѣдывалъ республиканскія идеи, то куда онъ теперь годился!

Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что въ основу конфуціанства легла наука: мы видимъ, что двѣ классическія книги содержатъ въ себѣ исторію: исторія такъ близка народу, онъ такъ ее любитъ; не даромъ же Геродотъ рѣшался читать ее на Олимпійскихъ играхъ. Затѣмъ Ши-цзинъ — книга пѣсень, соединяется толкованіями съ тою же исторіею, поддерживаетъ ту же народность, пѣсни еще болѣе любимы народомъ, чѣмъ исторія. Говорятъ, что Конфуцій занимался также И-цзиномъ, книгою гадательною, прабабушкою нашего Мартына Задеки, написанною несвязнымъ языкомъ; указываютъ даже на главы, будто имъ написанныя въ приложеніяхъ къ этой книгѣ. Мы не признаемъ этой ранней связи И-цзина съ конфуціанствомъ; оно нигдѣ не ссылается на него въ древнихъ книгахъ. То мѣсто Лунь-юй'я, которое приводится въ подтвержденіе занятія Конфуція И-цзиномъ, толкуется очень натянуто; даже, можетъ-быть, и въ этомъ натянутомъ видѣ нарочно искажено, вставлено. Другое дѣло—послѣдующіе вѣка: конфуціанство старалось расширить кругъ своихъ ученій, ему было полезно присоединить такую книгу къ своей школѣ; вопервыхъ, она дошла отъ древности, а конфуціанцы—приверженцы старины; книга такого рода всегда имѣетъ ходъ у народа, а конфуціанцы — друзья народа. А главное, такого рода книга даетъ просторъ всевозможнымъ толкованіямъ, то-есть, въ нее можно вставить какую угодно науку— и военную, и астрономическую, и моральную, словомъ, все, что ни показалось бы конфуціанцу нужнымъ внести въ свой кругъ; чего еще не было внесено, онъ можетъ внести это, какъ и было съ И-цзиномъ.

Говорятъ, что Конфуцій не только былъ музыкантъ; но и написалъ будто даже, потерянную однакоже, книгу о музыкѣ. Судя по помѣщеннымъ въ Лунь-юй отзывамъ его о музыкѣ, нельзя сказать, чтобы онъ былъ Китайскимъ Вагнеромъ [1]). Но то несомнѣнно, что въ древ-

[1]) Конфуцій преподалъ капельмейстеру Лу слѣдующій урокъ: «музыкѣ легко выучиться: при началѣ игры, всѣ инструменты должны быть настроены; въ про-

нее конфуціанское образованіе входила музыка: въ классическихъ книгахъ не разъ упоминается о тонахъ. Такъ какъ нельзя вѣрить на слово конфуціанцамъ, которые, какъ и всякіе послѣдователи какой-бы то ни было школы, приписываютъ всегда своему учителю то, что введено уже ими, то и мы не будемъ смотрѣть на Конфуція, какъ на лицо, дѣйствительно введшее музыку въ образованіе. Достаточно того, если ученики его, въ противоположность ударамъ (тогда еще не было грома) оружія, раздававшагося въ тѣ вѣка, противоставили гармоническіе звуки, возглашавшіе о мирѣ. Очень натурально, что они старались расширить кругъ гражданскаго образованія. Точно также нельзя утвердительно сказать, чтобы Конфуцій придавалъ то значеніе нравственности или церемоніямъ, какое придали имъ его ученики. Мы видимъ, что и книга о церемоніяхъ, ему приписываемая, также не дошла до насъ, потому, можетъ-быть, что и не существовала. Представляя себѣ однакоже Конфуція какъ перваго народнаго учителя, не мудрено допустить, что онъ въ свое преподаваніе ввелъ музыку, какъ смягчающую народные нравы; музыка имѣла связь съ книгой стиховъ, которые должна была сопровождать. И очень жаль, что музыкальное образованіе было заброшено конфуціанствомъ, что оно считается нынѣ промысломъ самыхъ презрѣнныхъ людей, Что касается до церемоній, то при Конфуціѣ онѣ могли еще заключаться только въ вѣжливыхъ пріемахъ: какъ подходить и отступать, то-есть, раскланиваться, какъ сообщать пріятное и приличное выраженіе своему лицу. За то мы видимъ, что вся главная дѣятельность учениковъ Конфуція обращена исключительно на эти церемоніи. О конфуціанствѣ, до выступленія его на историческое поприще съ полною уже властью, при Ханьской династіи, за цѣлыя три столѣтія, если не болѣе, мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній; но очевидно, что оно въ это время не дремало и развивалось все болѣе. Упоминается о нѣкоторыхъ ученикахъ Конфуція, достигавшихъ значенія въ томъ или другомъ царствѣ, и даже казненныхъ за проявленіе честолюбія. Не много знаемъ мы о Мэнъ-цзы, кромѣ приписываемаго ему сочиненія, хотя на это сочиненіе надобно смотрѣть, какъ на продолженіе Лунь-юй'я. Послѣдняя книга представляетъ изрѣченія Конфуція, а иногда и однихъ его учениковъ, разговоры Конфуція съ ними, отзывы о характерѣ Конфуція. Никто не сомнѣвается, что это сочиненіе уже, конечно, не принадлежитъ

должные игры, все должно идти плавно, внятно, безъ диссонанса; тоже и въ концѣ!»

Конфуцію и даже первому поколѣнію его учениковъ, вѣрнѣе—и второму, и третьему, потому что въ немъ о нѣкоторыхъ ученикахъ Конфуція отзываются уже съ тѣмъ же почетомъ, какъ и о самомъ Конфуціѣ; слѣдовательно, Лунь-юй могли составлять уже ихъ ученики. Но надобно ли непремѣнно вѣрить, что они записали дѣйствительныя слова Конфуція; не скорѣе ли они внесли въ эту книгу именно то, что̀ ихъ занимало? Точно также, конечно, гораздо позднѣе, конфуціанцы, раздосадованные, какъ мы сказали выше, своимъ долгимъ ожиданіемъ вліянія и власти, могли создать философа Мэнъ-цзы, который будто, какъ и Конфуцій, странствуетъ по различнымъ царствамъ и досказываетъ то, что̀ еще не договорено было въ Лунь-юй'ѣ, а было выработано въ послѣдствіи. Исторія именно замѣчаетъ, что странно, какъ Мэнъ-цзы, современникъ Чжуанъ-цзы, съ нимъ не встрѣтился. Затѣмъ историческое упоминаніе о конфуціанцахъ переходитъ прямо къ столкновенію ихъ съ Цинь Ши-Хуанди; еще говорится, что они встрѣчаютъ основателя Ханьской династіи съ музыкой и жертвенными приборами. Послѣдніе принадлежатъ церемоніямъ; значитъ, если Цинь Ши-Хуанди могъ истребить Шу-цзинъ—исторію, то почему онъ не отнялъ у конфуціанцевъ ни музыкальнаго, ни церемоніальнаго образованія? Мы думаемъ, что это доказываетъ только то, что такое образованіе въ то время уже считалось конфуціанцами выше ученаго, историческаго.

Дѣйствительно, въ продолжительный періодъ негласнаго существованія конфуціанства, изъ всѣхъ трудовъ его ученыхъ мы можемъ указать развѣ на одни только комментаріи, сдѣланные на Чунь-цю по части исторіи. Вся же дѣятельность первыхъ конфуціанцевъ выразилась въ многочисленномъ рядѣ статей, относящихся къ церемоніямъ. Эти статьи собраны были въ одну книгу (Ли-цзи — собраніе церемоній). Сюда же должно отнести и Сяо-цзинъ, книгу о почтительности къ родителямъ, равно какъ и упоминаемые уже Цзя-юй, Лунь-юй и Мэнъ-цзы. Пожалуй, это были своего рода комментаріи на Ли-цзинъ, каноническую книгу церемоній, приписываемую Конфуцію, и о которомъ въ ней, впрочемъ, не упоминается; но здѣсь ужь основная мысль Конфуція могла значительно измѣниться. Если сохранилось Ли-цзи, то почему бы не сохраниться и Ли-цзину, еслибъ онъ былъ дѣйствительно написанъ. Правда, что Конфуцій не могъ обойдти такого важнаго вопроса, какъ церемоніи, или что̀ то же, какъ мы сейчасъ увидимъ, нравственность. Для нравственныхъ началъ былъ имъ принятъ Шу-цзинъ; нравственную оцѣнку даетъ онъ и въ Чунь-цю; въ

Лунь-юй'ѣ ему влагаютъ въ уста слѣдующій нравственный отзывъ и о Ши-цзинѣ: 300 стиховъ Ши-цзина заключаются въ одномъ словѣ: „не помышляй дурно". Но большая разница—искать въ исторіи законовъ и выводовъ для нравственности, или изъ придуманныхъ, или пожалуй, добытыхъ изъ исторіи законовъ нравственности дѣлать предписанія для всей будущей жизни народа, останавливать всякое историческое развитіе. Стоитъ только заглянуть въ первыя страницы Лунь-юй'я, чтобы видѣть, что вскорѣ послѣ Конфуція началась борьба, чему отдать предпочтеніе — нравственности или наукѣ? „Учиться и съ каждымъ днемъ совершенствоваться не также ли пріятно, какъ встрѣтиться съ другомъ, пришедшимъ изъ далекихъ странъ"? „Молодой человѣкъ долженъ быть почтителенъ къ родителямъ, солиденъ и честенъ, любить добро. Все же свободное отъ этого время онъ долженъ употреблять на свое обученіе". Но затѣмъ Цзы-ся, ученикъ Конфуція, говоритъ положительно вслѣдъ за послѣднимъ изрѣченіемъ: „Если кто истинно любитъ добро, служитъ родителямъ со всею тщательностію, государю со всею преданностію, обращается съ друзьями съ искренностію, хотя бы другіе и называли того невѣжей, я назову его ученымъ!"

Въ мѣстѣ, отводимомъ нравственности, заключается, кажется, главная ошибка и не одного только конфуціанства. Не только нравственность, втиснутая въ опредѣленныя рамки, скоро превращается въ ханжество, но и самая наука, попавшая подъ опеку такой нравственности, превращается въ шарлатанство или въ переливаніе изъ пустого въ порожнее. Нравственность, выдвинутая впередъ, унижаетъ знаніе, и покровительствуя, такимъ образомъ, невѣжеству, становится безнравственною. Отъ конфуціанства нечего требовать, чтобы оно удержалось на той высотѣ, на которую вознеслось-было однажды, признавъ науку за источникъ нравственности. Люди, и черезъ двѣ тысячи съ половиною почти лѣтъ, не убѣдились еще въ этомъ. Что, повидимому, съ перваго взгляда, можетъ быть возвышеннѣе той идеи, которую прежде всѣхъ въ мірѣ выработали конфуціанцы, что только одна наука должна быть поставлена во главѣ правленія, что она должна давать законы всему, что ея одной только должно слушаться? И дѣйствительно, что мы видимъ въ Китаѣ? Ни одна должность не дается тамъ ни по протекціи, ни по знатности происхожденія, ни по богатству! Отъ послѣдняго чиновника и до министра тамъ всѣ вышли изъ корпораціи ученыхъ, выдержавшихъ экзамены сперва на студента, потомъ на кандидата, и наконецъ, на доктора.

Тамъ всякій чиновникъ, хотя бы служилъ въ Киргизскихъ степяхъ, готовъ хотя сейчасъ занять профессорскую каѳедру. Тамъ на соисканіе ученой степени являются не только знатные, семейные, но даже старики, достигшіе 70 и свыше лѣтъ. Ясно, что и наука не легка, нѣтъ пристрастія и въ экзаменахъ, они неподкупны. Но дѣло-то въ томъ, что надобно знать, въ чемъ заключается эта наука. И оказывается, что десятки лѣтъ проходятъ все надъ изученіемъ однихъ и тѣхъ же и все однихъ только цзиновъ — старинныхъ книгъ, что на всѣхъ экзаменахъ нужно писать все только хріи, въ одномъ и томъ же духѣ; нужно знать классическій языкъ въ совершенствѣ: онъ, будто бы, развиваетъ способности; кто, дескать, владѣетъ языкомъ до такой степени, что можетъ, въ сжатой хріи, правильно и пропорціонально изложить всѣ ея части, не сказать ни болѣе, ни менѣе, какъ сколько нужно, тотъ, значитъ, владѣетъ мыслью, значитъ обработалъ свои способности. И вотъ, новый докторъ является и историкомъ, и финансистомъ, и уголовнымъ судьей; онъ наблюдаетъ и за сооруженіемъ зданій, и за земледѣліемъ, за водяными работами; мало того, онъ командуетъ даже войсками [1]).

Мы называемъ нравственностью то, что обыкновенно переданали до сихъ поръ словомъ церемоніи, а китайскія церемоніи вошли въ Европѣ въ поговорку. Но китайское слово *Ли* имѣетъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ нравственность: оно охватываетъ значеніе религіи, весь образъ жизни, весь строй государственный. Во всемъ этомъ нуженъ порядокъ, форма; здѣсь, конечно, умѣстнѣе слово церемоніи. Смѣются надъ множествомъ китайскихъ церемоній; покойный отецъ Іакинѳъ да и Европейцы сдѣлали скучными и смѣшными свои описанія, именно благодаря тому, что вмѣсто краткаго очерка, въ чемъ состоятъ церемоніи, выписали эти церемоніалы цѣликомъ. Развѣ и у насъ не издаются всякій разъ подробныя описанія всякаго рода процессій? Соберите всѣ эти церемоніалы вмѣстѣ и заставьте ихъ читать, они покажутся скучнѣе самой Телемахиды Тредіаковскаго. У Китайцевъ такіе церемоніалы написаны для справокъ; они разъ на всегда дали всему формы, и мы напередъ знаемъ, какъ бу-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что Пруссія одолжена развитіемъ своего просвѣщенія, давшаго ей такую силу, той же системѣ государственныхъ экзаменовъ. Но еще замѣчательнѣе, что китайское военное искусство, переведенное на французскій языкъ, нашло себѣ почитателей именно въ Пруссіи, со временъ Фридриха Великаго

детъ совершаться обрядъ восшествія на престолъ богдыхана, его женитьба, его похороны; какая свита будетъ сопровождать и предшествовать ему въ томъ или другомъ случаѣ; какъ представляются ему чиновники, какъ принимаетъ онъ отличившихся чиновниковъ или гостей; какія у него бываютъ пиршества, какъ онъ раздаетъ титла, или—сколько жертвенныхъ сосудовъ и съ какими жертвами должны стоять въ томъ или другомъ храмѣ, при томъ или другомъ случаѣ, какая должна быть форма самаго храма. Форма есть сокращеніе времени; вмѣсто того, чтобы всякому ломать голову и придумывать, какъ ему поступить и что сказать, въ каждомъ изъ многочисленныхъ случаевъ жизни, встрѣчающихся съ каждымъ, однажды принятыя формы избавляютъ отъ напрасныхъ хлопотъ и заботъ. Точно такъ у насъ, такъ-называемое свѣтское обращеніе доступно не многимъ, и имъ щеголяютъ, какъ особеннымъ даромъ; но кромѣ Китая, трудно встрѣтить другую націю въ свѣтѣ, въ которой всякій умѣлъ бы держать себя прилично, нашелся бы во всякомъ положеніи, тогда какъ это не затруднитъ самаго простаго китайскаго крестьянина. Это уже не одно сокращеніе времени, не одно облегченіе отъ случайныхъ хлопотъ, это — избавленіе отъ столкновеній, ссоръ, брани, преступленій. Извѣстно, что южные жители чрезвычайно вспыльчивы, неудержимы въ порывахъ страсти; но благодаря церемоніаламъ, надобно много усилій, чтобы вывести Китайца изъ терпѣнія, — и чему онъ этимъ обязанъ, какъ не своимъ церемоніямъ, однажды принятымъ формамъ, которыя, существуя тысячелѣтія, усвоиваются каждымъ почти съ рожденія? Эти формы сдѣлались національнымъ достояніемъ, типомъ народа. Тутъ не хорошо одно, что эти формы стары, что онѣ выработались въ старое время человѣчества, но имѣютъ претензію на современность, и такимъ образомъ, самими формами поддерживается застой и противодѣйствіе новѣйшимъ идеямъ; съ другой стороны, при встрѣчѣ съ другими типичностями, въ Китаѣ, проявляется народный антагонизмъ, отъ котораго прежде много страдали и Китайцы, и другіе народы, и еще пострадаютъ. Формы, облегчая жизнь, лишаютъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и живости; устраняя столкновенія, онѣ нагоняютъ скуку; имѣя въ виду свободу и большій просторъ для тѣхъ явленій, которыя не укладываются въ формы, давятъ жизнь апатіей.

Но формы не заканчиваютъ китайскихъ *Ли;* послѣднія должны обнимать и внутреннее ихъ содержаніе Вотъ почему эту сторону мы и называемъ нравственностію. Надобно сказать правду, что по-

добно тому, какъ никто такъ не воспитанъ, какъ Китайцы по наружности, въ церемоніяхъ, точно также, едва-ли въ какомъ-нибудь народѣ развиты до такой степени и общія нравственныя понятія, то-есть, если кто и ненравственеиъ, то, по крайней мѣрѣ, знаетъ, въ чемъ заключается нравственность. Въ самой Европѣ, не у каждаго ли человѣка, напримѣръ, свое опредѣленіе понятій о чести, честности, благопристойности и прочихъ качествахъ? Протестанты учатъ даже, что вѣра и безъ добрыхъ дѣлъ можетъ сдѣлать человѣка святымъ.

Какъ бы то ни было, вотъ что говорятъ Китайны о значеніи слова *Ли*.

„Церемоніи составляютъ связь неба съ землей; онѣ утверждаютъ порядокъ между людьми; онѣ прирождены человѣку, а не суть только искуственная внѣшность или прикраса въ выраженіи сердечныхъ влеченій. Онѣ основаны на различіи въ высшемъ и низшемъ достоинствѣ вещей, на разнообразіи природы. Вслѣдствіе этого, введены формы для одежды, правила для совершенія обрядовъ—совершеннолѣтія, браковъ, похоронъ, жертвъ, представленія ко двору, угощеній, почтенія къ старости; опредѣлены отношенія между государемъ и чиновниками, отцомъ и сыномъ, старшими и младшими братьями, мужемъ и женою, другомъ и товарищемъ. Даже средства къ образованію себя, устроенію дома, управленію государствомъ, устройству вселенной, не могутъ обойдтись безъ церемоній“.

Но мы не можемъ слѣдить съ подробностью за всѣми сейчасъ перечисленными предметами церемоній. Мы только представимъ здѣсь характеристику конфуціанцевъ (описанную еще въ Ли-цзи) и затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ, выдающихся и насъ поражающихъ, пунктахъ конфуціанства.

„Ученый учится многому, а платье его сообразно съ мѣстностью. Онъ, сидя на рогожкѣ, усвоиваетъ высшія правила, въ ожиданіи, что его пригласятъ (на службу); учится день и ночь, въ ожиданіи, что его спросятъ,—укрѣпляется въ преданности престолу, ожидая, что его повысятъ (на должность); напрягаетъ усилія, чтобы быть способнымъ къ исполненію порученій. Такъ онъ приготовляетъ себя.... При полной вѣжливости, онъ какъ будто небреженъ; въ маловажныхъ случаяхъ, какъ будто стыдится; смотритъ слабымъ, какъ будто не способенъ.... прежде чѣмъ заговоритъ, уже внушаетъ довѣренность.... заботится не о богатствахъ, а объ изяществѣ... предъ выгодой не повредитъ истины.... видя смерть, не измѣнитъ своему долгу.... его можно умертвить, но не пристыдить.... Ученый живетъ съ нынѣш-

ними людьми, а изслѣдуетъ древнихъ; дѣйствуетъ въ настоящемъ, а думаетъ о будущемъ".

Конфуціанцы сами опредѣлили, что все ихъ ученіе состоитъ главнымъ образомъ въ объясненіи пяти неизбѣжныхъ или требуемыхъ для каждаго достоинствъ и въ утвержденіи трехъ отношеній. Первыя суть: любовь (человѣколюбіе), истина, нравственность или церемоніи, умъ (мудрость, знаніе) и честность. Ими долженъ украшать себя всякій, а отъ украшенія себя зависитъ устройство дома; когда будетъ устроенъ домъ, тогда будетъ устроено и государство, а отъ этого зависитъ и вся вселенная.

Объ этихъ качествахъ мы не можемъ здѣсь распространяться, такъ какъ они могутъ быть понятны всякому, хотя Китайцы часто выражаются, при опредѣленіи ихъ, странными и неожиданными для насъ, по своеобразію, фразами [1]). Идеалъ конфуціанца есть образо-

---

[1]) Въ искусныхъ рѣчахъ и пріятной физіономіи мало любви.

Чжунъ Гунъ спросилъ, что̀ такое любовь? Конфуцій отвѣчалъ «внѣ будь таковъ, каковъ бываешь, когда встрѣчаешь знатнаго гостя; обращайся съ народомъ съ чувствомъ благоговѣнія, которое проникаетъ въ тебя во время великаго жертвоприношенія. *Чего себѣ не желаешь, не дѣлай другимъ.* Чтобы ни въ государствѣ, ни дома никто на тебя не ропталъ!... Любовь есть сдержанность въ словахъ; при трудности въ исполненіи, развѣ можно обойдтись безъ сдержанности въ словахъ?

Твердый, крѣпкій, прямой и простой близокъ къ любви.

Знаніе, хотя бы и было пріобрѣтено, но пропадаетъ, если его не охраняетъ любовь,—то же если и охраняетъ, но безъ солидности, не возбудитъ уваженія; но знаніе, любовь и уваженіе не будутъ хороши безъ церемоній.

Тѣ, которые первые занимались церемоніями и музыкою, были дикарями, послѣдующіе стали называться образованными мужами; я предпочитаю первыхъ

Цзы-ху спросилъ о томъ, какъ служить духамъ? Конфуцій отвѣчалъ: «не умѣешь еще служить людямъ, какъ же служить духамъ?».—Осмѣлюсь спросить о смерти?—Конфуцій сказалъ: «еще не знаешь какъ жить, какъ же знать смерть?»

Приносить жертвы не своимъ демонамъ — это лесть; видѣть истину и не исполнять—это трусость

Не горюй о томъ, что люди тебя не знаютъ; горюй о томъ, что не знаешь людей; знаніе есть знаніе людей.

Если государь знаетъ церемоніи, то народомъ легко управлять. Трудно чтобы, проведя весь день въ толпѣ, не завелъ рѣчи объ истинѣ.

Благородный мужъ кладетъ въ основу истину, дѣйствуетъ по церемоніямъ, честностію обработываетъ.

Природа (или характеръ у всѣхъ) одинакова. привычки разъединяютъ. Самый умный и самый глупый не измѣняются.

Развѣ небо не говоритъ? Четыре времени сиѣняютъ другъ друга, всѣ твари ростутъ (по его повелѣніямъ).

Кто исполняетъ трауръ, тому пища не сладка, музыка не весела, жизнь не

ваніе изъ себя благороднаго мужа (Цзюнь-цзы); только по вмѣщеніи въ себѣ вполнѣ такихъ качествъ онъ и можетъ быть такъ названъ.

Но для всѣхъ, конечно, гораздо интереснѣе тѣ принципы, которые Китайцы установили въ столкновеніи человѣка съ другимъ себѣ подобнымъ. Здѣсь они видятъ только три главныя отношенія: отца къ сыну, мужа къ женѣ и государя къ чиновникамъ. Въ этихъ отношеніяхъ выражается именно вся характеристика не только конфуціанства, но и вообще всего Китая. На всемъ остальномъ свѣтѣ, при всѣхъ разнообразныхъ, какъ философскихъ, такъ и законодательныхъ планахъ, никогда эти принципы не получали такого господства, не выражались во всей исторической жизни народа. Этимъ принципамъ, конечно, Китай обязанъ отчасти и сохраненіемъ своей самобытности и самостоятельности; ими, конечно, онъ и гордится, изъ-за нихъ онъ и презираетъ другіе народы, отталкиваетъ до возможной степени заимствованіе. Эти принципы кажутся ему несомнѣнными, да и не правъ ли онъ — по крайней мѣрѣ, не правъ ли онъ былъ, полагая ихъ въ основаніе своей жизни за двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ предъ этимъ, не оправдываетъ ли его отчасти и исторія? Но та же самая исторія произноситъ и судъ надъ этими принципами: она осуждаетъ не ихъ, а ихъ примѣненіе, она жалуется на тѣ оковы, которыя наложены этими принципами на самую исторію, на науку. То, что̀ хорошо было, можетъ-быть, за двѣ тысячи вѣковъ, могло регулироваться опытностію, потребностями времени, развитіемъ мышленія, наукою. Но конфуціанство, утвердивъ однажды начала, не позволяетъ даже дѣлать измѣненія и въ ихъ примѣненіи.

спокойна... Сынъ только черезъ три года сходитъ съ рукъ родителей, а потому трехгодичный трауръ есть общій (обязательный) для всѣхъ.

Цзы Гунъ хотѣлъ уничтожить закланіе барана въ жертвоприношеніяхъ; Конфуцій сказалъ: «Ты жалѣешь этого барана, а я люблю эту церемонію».

Конфуцій сказалъ: «Какъ мелоченъ былъ Гуань Чжунъ!» Нѣкто возразилъ: «Развѣ онъ не былъ бережливъ?» Конфуцій отвѣчалъ: «Но онъ построилъ для себя башню; его чиновники не соединяли въ одно различныхъ должностей — какъ же можно назвать его бережливымъ». — «Ну, такъ неужели онъ не зналъ хоть церемоній?» — «Его князь построилъ у себя щитъ у воротъ, и онъ построилъ щитъ у себя; его князь для гостей завелъ буфетъ, и онъ завелъ буфетъ. Ужь если Гуань Чжунъ зналъ церемоніи, такъ кто послѣ этого ихъ не знаетъ».

Человѣкъ не плошка (въ которой все налитое принимаетъ форму плошки). Когда Конфуцій пришелъ въ храмъ предковъ, въ столицѣ династіи Чжоу, то распрашивалъ о всякихъ мелочахъ. Другіе замѣтили: какъ же это говорили про него, что онъ знаетъ всѣ церемоніи? Вотъ онъ обо всемъ распрашиваетъ. Конфуцій, услыхавши это, сказалъ: «вотъ въ этомъ-то и состоятъ церемоніи!»

Мы уже говорили о положеніи Китая во время появленія конфуціанства: война и военщина только и занимали тогда всѣ умы; дипломація отличалась безнравственностію, дѣти бунтовали противъ своихъ отцовъ, даже княжескія жены вступали въ связь съ другими князьями. Честолюбіе не знало предѣловъ; такъ, при паденіи Цинь-ской династіи, всякій простолюдинъ хотѣлъ сдѣлаться императоромъ; простой сельскій староста сдѣлался основателемъ Ханьской династіи. Но понятно, что, какъ свидѣтельствуетъ и исторія, его сподвижники и помощники не чувствовали къ нему того уваженія, которое является въ обращеніи съ государемъ наслѣдственнымъ, не выскочкой. Исторія говоритъ, что на оргіяхъ генералы и полководцы забывали всякія приличія. Нужно было ввести дисциплину, а она уже была готова у конфуціанцевъ: вотъ почему правительство и прибѣгло къ этой школѣ, передало ей власть. Правительство не слишкомъ увлекалось, сначала, всѣмъ конфуціанствомъ; оно покровительствовало и даосизму, и магизму, даже было болѣе къ нимъ наклонно. Но дисциплину, церемоніи могло дать только конфуціанство; нуждались не въ его знаніяхъ исторіи и народности (Сымацянь былъ даосистъ), а именно въ церемоніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и конфуціане передѣлали много изъ своихъ книгъ, сочинили много другихъ, въ угоду правительству; словомъ, на древнее конфуціанство мы теперь должны смотрѣть глазами ханьскихъ ученыхъ и толкователей.

Отношенія отца къ сыну—вотъ что легло въ основаніе этой дисциплины; права отца такъ естественны, что въ нихъ никто не сомнѣвается; кто могъ заподозрить эти права въ злоупотребленіяхъ? Отецъ и учитель должны быть какъ можно болѣе строги, потому что только это можетъ приготовить юношу къ самостоятельной жизни. Но не подрывается ли уже черезъ-чуръ эта самостоятельность, когда отецъ, и послѣ совершеннолѣтія сына, есть полный хозяинъ всего, что онъ наживаетъ, когда онъ можетъ три раза продать его самаго? Что можетъ быть справедливѣе того, чтобы сынъ являлся къ отцу утромъ навѣдаться о здоровьѣ, а ночью провожать его въ постель; не только доставлялъ ему пропитаніе, но и въ душѣ отъ этого не морщился, съ благоговѣніемъ радовался бы глубокой старости и съ сокрушеніемъ опасался, какъ-бы скоро съ нимъ не разстаться; но къ чему тутъ нужно чтобъ онъ не смѣлъ сѣсть при отцѣ, не смѣлъ заговорить, если не спросятъ? Не странно ли слышать, что покойный богдыханъ Цзяцинъ, провозглашенный императоромъ своимъ отцомъ Цянь-луномъ, который *номинально* только отказался отъ престола, а

на дѣлѣ продолжалъ царствовать, стоялъ на колѣнахъ при торжественныхъ аудіенціяхъ, тогда какъ любимецъ, министръ Хэшэнь, пользовался правомъ сидѣть? Не трогательна ли эта сыновняя почтительность, которая и по смерти отца, представляетъ его себѣ живымъ, и потому, является къ его памятнику, выражаемому дощечкой, съ докладомъ о всякомъ семейномъ дѣлѣ, приноситъ, какъ будто онъ все еще живъ, вновь появляющіеся фрукты, самыя лучшія кушанья? Но не противочеловѣченъ ли этотъ трауръ, продолжающійся три года, на томъ основаніи, что сынъ первые три года жизни не могъ бы жить безъ помощи отца? Во время траура не только нельзя жениться, но и родить дѣтей, смотрѣть на какія-нибудь удовольствія, даже бриться, тѣмъ менѣе играть на музыкальныхъ инструментахъ. Музыка рекомендовалась самимъ Конфуціемъ, а какъ не забыть ее въ три года? Трауръ — это временное монашество. Но главное условіе траура: чиновникъ, какое бы мѣсто онъ ни занималъ, даже во время войны, долженъ, какъ скоро онъ получитъ извѣстіе о кончинѣ кого-нибудь изъ своихъ родителей, сейчасъ же, не испрашивая даже разрѣшенія, бросить должность и спѣшить ко гробу покойнаго. Кунфуціанство, ратующее противъ расточительности, ставитъ въ обязанность похоронную роскошь; сынъ, и не получивъ никакого наслѣдства, обязанъ заплатить долги своего отца и дѣда. Только, будто бы, одна идея почтительности обязываетъ человѣка беречь свое тѣло, такъ какъ оно получено отъ родителей; поэтому, сынъ не только не имѣетъ права на самоубійство, но не смѣетъ даже подвергать себя никакой опасности. За отцеубійство не только рѣжутъ виновника въ куски, но наказаніе распространяется на самую мѣстность: у города разламываютъ часть стѣны.

Съ идеей сыновней почтительности тѣсно связано ученіе о почтеніи къ старшимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливается и мѣрка для всего общества; въ немъ только и существуютъ что старшіе да младшіе; равные другъ передъ другомъ называютъ себя младшими братьями. Конфуціанство золотитъ за то правительство. „Рѣдко, чтобы кто изъ почтительныхъ къ родителямъ и старшимъ, возставалъ на высшихъ, и не можетъ быть, чтобы кто не возстаетъ на высшихъ, произвелъ возмущеніе!“ Вотъ что говоритъ Лунь-ю'й.

Требовать отъ Китайцевъ, чтобы у нихъ мужчины признали равноправность женщины въ такое отдаленное время, когда, ни одинъ народъ, исключая христіанскихъ, не возвышался до этого—очевидно нечего. Женщина прежде всего — мать, и она отказалась въ пользу

своихъ дѣтей отъ своихъ правъ. Китайскій языкъ сохранилъ въ себѣ свидѣтельство, что въ древности дѣти назывались по именамъ или фамиліямъ своихъ матерей; слѣдовательно, уже въ историческое отчасти время еще не было браковъ;—названіе *сына*, то-есть, рожденнаго отъ брака, и до сихъ поръ есть почетное титло; оно послѣ стало даваться и философамъ (Кунъ цзы, Мэнъ цзы). Какъ скоро люди стали выходить изъ дикаго состоянія, матерямъ не возможно было однѣмъ нести тяжесть воспитанія дѣтей; мужчина согласился принять ихъ, наложивъ на ихъ мать тяжелыя условія: женщина должна быть вѣрна; она можетъ даже умертвить себя, когда умретъ мужъ, отрѣзать часть своего тѣла, когда онъ или его родители опасно заболѣютъ, что и по нынѣ офиціально считается лучшимъ лѣкарствомъ; мужъ обязанъ женѣ только справедливостію; онъ можетъ имѣть сколько угодно женъ или наложницъ; онъ не обязанъ соблюдать цѣломудрія; довольно и того, если онъ предоставляетъ главной своей женѣ права главной хозяйки, права главной матери. Главная жена обыкновенно выбирается родителями,—вотъ почему она еще нѣсколько и уважается, и опять таки мы видимъ, что и здѣсь отношенія супруговъ основаны на принципѣ старшинства. По настоящее время въ Китаѣ, въ продолженіе послѣднихъ десяти слишкомъ лѣтъ, двѣ императрицы-матери управляли за малолѣтняго богдыхана, но не родная мать, а бывшая главная императрица считалась изъ нихъ старшею. И древній Ши-цзинъ, равно какъ и новѣйшіе лучшіе китайскіе романы, только и добивается того, чтобы мужчина не отдавалъ въ домѣ предпочтенія любимымъ женщинамъ, если онѣ младшія, не слушалъ наущничества, не гналъ изъ-за нихъ дѣтей—дѣтей другихъ. Жена не имѣетъ права сидѣть съ мужемъ за однимъ столомъ; мужчина не принимаетъ и не передаетъ ничего изъ рукъ въ руки женщины. Мужчина и женщина не ходятъ другъ къ другу въ гости. Книга церемоній Ли-цзи требуетъ даже, чтобы на улицѣ мужчины шли по правую, а женщины по лѣвую сторону. (Только не понятно, какъ же онѣ могли исполнять это предписаніе, когда шли съ противоположной стороны?). А между тѣмъ, при всѣхъ усиліяхъ конфуціанства, восточная нравственность не можетъ похвалиться, чтобы она стояла высоко. Правда и то, что восточный, то-есть, южный житель—звѣрь въ своихъ страстяхъ, и при многочисленности жителей въ Китаѣ, волѣдствіе церемоній семейная жизнь все-таки процвѣтаетъ лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Едва-ли гдѣ, кромѣ христіанскихъ народовъ, женщина пользуется такимъ уваженіемъ, какъ въ Китаѣ;

при видѣ ея, представляешь себѣ древнихъ римскихъ матронъ. Тамъ женщина не прикрываетъ лица, разъѣзжаетъ и ходитъ по улицамъ; исключая богдыханскій гаремъ, дѣлаетъ визиты къ другимъ дамамъ, имѣетъ возможность насладиться театральными представленіями. Въ Китаѣ женщины не рѣдко управляли дѣлами и даже вступали на престолъ; онѣ еще въ древности занимались поэзіей и даже участвовали въ составленіи официальныхъ исторій; музыка, поэзія, живопись, вышиваніе — вотъ ихъ препровожденіе времени; женщины устроиваютъ даже свои попойки.

Женщина-мать имѣетъ всѣ права на сыновнюю почтительность, такія же какъ и отецъ. Сынъ, достигшій высшихъ гражданскихъ степеней, имѣетъ право доставить матери почетный титулъ, дипломъ.

Жена, овдовѣвшая въ молодыхъ годахъ и оставшаяся въ домѣ свекра, имѣетъ право, черезъ извѣстное число лѣтъ, получить также почетный титулъ. Въ хорошихъ семействахъ принято даже, чтобы сосватанная невѣста, въ случаѣ смерти жениха, переходила, какъ дѣйствительная вдова, въ домъ ея свекра. Но все это при многоженствѣ не свидѣтельствуетъ ли, что женщина—жертва болѣе благородная и болѣе жалкая, чѣмъ западная женщина? Только одно христіанство возстановило права женщины....

Но и почтительность сыновняя, и уваженіе къ старшимъ, и устройство дома, заключающееся въ держаніи въ должныхъ границахъ всѣхъ членовъ семейства, все клонится въ конфуціанствѣ къ одной общей цѣли, къ поддержанію государства на службѣ восточному государю. Преданность и вѣрность престолу—вотъ къ чему сводится все это устройство. Китайскій государь немного жертвуетъ своими привиллегіями, когда онъ называетъ народъ своими красными дѣтьми, то-есть, красными, какими бываютъ новорожденные. Мы видимъ, что права сына немного разнятся отъ правъ раба; рабъ даже болѣе имѣетъ преимуществъ. Бить сына можно, но излишняя строгость господина, тѣмъ болѣе жестокое обращеніе, считаются предосудительными и неприличными; слуга, падающій на колѣни предъ господиномъ, въ то же время пользуется большею свободою говорить.

Первое требованіе отъ чиновника—это вѣрность престолу; онъ можетъ быть взяточникомъ, грабителемъ, притѣснителемъ народа,— все можно ему простить, но не измѣну; рабъ наказывается за донось на своего господина, чиновникъ долженъ жертвовать жизнью для своего государя. Извѣстна китайская трусость, но въ возможности доказать свою вѣрность Китайцы являются такими же героями,

какъ и Японцы, разрѣзывающіе свой животъ. Китайцы не знаютъ этого искусства, но они давятся, бросаются въ колодцы, закалываютъ сперва своихъ женъ и дѣтей и потомъ, зажегши весь домъ, предаютъ себя смерти. Лучшею смертію считается однако та, когда чиновнику доставятъ случай обругать врага своего государя, наплевать на него, призвать всѣ проклятія, чтобы вывести непріятеля изъ терпѣнія и заставить его разтерзать себя. Послѣднее возмущеніе доставило такую массу преданныхъ слугъ, что давно уже изъ одного списка ихъ именъ составились цѣлые томы; комитеты, нарочно составленные съ цѣлію разузнавать о всѣхъ пожертвовавшихъ жизнью изъ преданности престолу, до сихъ поръ продолжаютъ дѣйствовать. Достаточно сказать, что разъ, въ одномъ департаментѣ, послѣ одного только набѣга инсургентовъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ погибло, по однимъ официальнымъ извѣстіямъ, болѣе 10 тысячъ душъ; но вѣдь это были еще только лица извѣстныя, лица, за которыхъ было кому замолвить слово предъ комитетомъ, а сколько было такихъ, которыя погибли безслѣдно! Между тѣмъ, инсуррекція продолжается и теперь — болѣе уже двадцати лѣтъ; она прошла по всѣмъ безъ исключенія провинціямъ Китая, не миновала даже Монголіи и Маньчжуріи.

Къ чести конфуціанства надобно, однако, сказать что оно обуздало по возможности, особливо для старыхъ понятій, восточный деспотизмъ. Церемоніи простерли свою власть и на самого государя, и если чѣмъ онѣ выкупаютъ свою неоднократную безплодность, такъ именно тѣмъ, что сдѣлали почти невозможнымъ произволъ. Богдыханъ стѣсненъ въ своемъ дворцѣ болѣе, нежели послѣдній изъ его подданныхъ: за нимъ подмѣчается каждое его слово, каждое дѣйствіе; онъ ѣстъ, спитъ и встаетъ по росписанію; ему не подадутъ на столъ даже свѣжихъ фруктовъ, прежде чѣмъ ихъ не перепробуетъ послѣдній изъ подданныхъ. Надобно было, для облегченія такого положенія, придумать, что уставы не дѣйствительны, когда богдыханъ не живетъ во дворцѣ; вотъ почему и построенъ былъ Юань-минъ-юань, разрушенный Англичанами и Французами. Думали ли эти поборники и представители европейской цивилизаціи, что они гонятъ ее изъ Китая и поддерживаютъ конфуціанскій консерватизмъ?

У насъ всегда много говорятъ съ ужасомъ объ азіатскомъ деспотизмѣ; въ маленькихъ государствахъ, какъ въ Хивѣ, Бухарѣ и другихъ, дѣйствительно ханы могутъ выказывать свой личный произволъ. Но какъ могутъ злость и дурныя наклонности проявиться въ обладателѣ огромнаго государства? Притомъ нѣтъ, конечно, ни одного

государя на свѣтѣ, который желалъ бы зла своему народу, и умышленно велъ его къ погибели. Все зло происходитъ отъ окружающихъ его любимцевъ, но въ Китаѣ приняты и противъ этого мѣры: откуда явиться любимцамъ у богдыхана, когда онъ только и видитъ, что чиновниковъ, да и говоритъ съ ними почти исключительно по официальнымъ дѣламъ? Даже гаремныя интриги могутъ подставить ему только кого-нибудь изъ этихъ служащихъ; но и тѣмъ надобно уже быть въ большихъ чинахъ, чтобы имѣть къ нему доступъ. Мы говорили уже, что всякій чиновникъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ученый; слѣдовательно, зло происходитъ даже не отъ любимцевъ, а оттого, въ чемъ заключается эта наука: образуетъ ли она дѣйствительно государственныхъ людей, способны ли они дѣйствительно придумать мѣры, вызываемыя обстоятельствами, могутъ ли они освободиться отъ рутины, которая сжимаетъ Китай уже двѣ тысячи лѣтъ? Любимцы не помогаютъ ли даже иногда Китаю отдохнуть отъ тѣхъ тисковъ педантизма, которые онъ наложилъ на себя добровольно? Въ Китаѣ всѣ дѣла ведутся по заведенному порядку: въ его продолжительной жизни на все найдутся примѣры,—конфуціанскій консерватизмъ за нихъ и хватается, не хочетъ знать ничего новаго. Притомъ, всякое чуть важное дѣло обсуждается въ совѣтѣ: въ немъ могутъ быть разногласія; богдыханъ можетъ примкнуть къ той или другой сторонѣ, положимъ, и хуже другой разсуждающей; но она все-таки имѣетъ свои основанія въ какой-нибудь сторонѣ конфуціанства, и рѣшенія богдыхана всегда имѣютъ характеръ видимой истины: вѣрно-де, и въ мнѣніяхъ другой стороны были какія-нибудь неудобства. Главная бѣда въ томъ, что нѣтъ ума, нѣтъ знанія, нѣтъ науки. А кто виноватъ, какъ не этотъ же ученый? Прежде дѣло сходило съ рукъ: въ свое время Китай стоялъ выше всѣхъ окружавшихъ его народовъ; но пришли рыжіе варвары съ новыми знаніями, навязываютъ новые порядки, а конфуціанство приняло уже форму святыни, стало религіей, которой ложныя требованія, если бы сознавалъ ихъ даже самъ богдыханъ, не рѣшится и онъ нарушить. Однакоже, не смотря на то, что церемоніи отняли въ Китаѣ всякую свободу даже и у государя, въ конфуціанствѣ все-таки много живительныхъ идей: это самое уваженіе къ наукѣ не можетъ ли дать ему право на преобразованія?

Въ Китаѣ, изобрѣвшемъ книгопечатаніе, нѣтъ публицистики, нѣтъ періодическихъ изданій, служащихъ орудіемъ гласности, но въ немъ есть зародышъ гласности, на сколько она была возможна въ древнее время. Гласности конфуціанцы не боятся, напротивъ, они громко тре-

буютъ ея. Шунь былъ великій государь, твердятъ они всякому богдыхану,—потому что онъ умѣлъ слушать; и ты долженъ смирить себя, выслушивать всякія наши представленія. Конечно, конфуціанцы были прежде твердо увѣрены, что никто, кромѣ ихъ, не можетъ войдти съ представленіемъ, составить какой-нибудь дѣльный проектъ. И проекты посылаются къ императору со всѣхъ сторонъ, но о чемъ они толкуютъ? Послѣ первой войны съ Англіей, знаменитый Кантонскій генералъ-губернаторъ Ци-инъ, сражавшійся съ Европейцами, заключившій съ ними мирный трактатъ, посланный потомъ въ Кантонъ для того, чтобы поддерживать съ ними дружбу и видѣвшій европейскіе корабли и европейское общество,—дѣлаетъ послѣ всего этого представленіе о томъ, что надобно усилить обученіе въ стрѣльбѣ изъ лука и ставить на нѣсколько шаговъ далѣе цѣль. Нынѣ мы то и дѣло видимъ требованія, чтобы экзамены изъ классическихъ книгъ были какъ можно строже, чтобы правители указывали на неспособныхъ или корыстолюбивыхъ чиновниковъ, рекомендовали отличныхъ. Чѣмъ сильнѣе наляжетъ Европа, тѣмъ отчаяннѣе будетъ сопротивленіе Китая, подъ вліяніемъ конфуціанства.

На цензорахъ лежитъ даже прямая обязанность доносить богдыхану о всемъ, что они услышатъ, хотя бы, какъ выражаются, съ вѣтру. Недавно еще читался докладъ цензора о томъ, что онъ слышалъ, какъ Сычуаньскій генералъ-губернаторъ, проѣздомъ на должность, бралъ на провозъ своего багажа свыше законнаго количества подводъ и людей; другой цензоръ, въ то же время, доносилъ, что онъ слышалъ, будто какой-то префектъ поднесъ взятку тому же губернатору. Богдыханъ обязанъ нарядить слѣдствіе по такимъ доносамъ, и часто чиновники первой степени отправляются изъ столицы въ провинцію. Правда, донось оказался ложнымъ, но цензоръ нисколько за него не отвѣчаетъ. Отъ этихъ цензоровъ не ускользаетъ самъ императоръ: малѣйшее его отступленіе отъ правилъ можетъ возбудить протестъ, и этотъ протестъ даже печатается. Услыхалъ министръ, что покойный Дао-гуанъ, царствовавшій съ 1820 по 1850 годъ, однажды палкою побилъ свою фрейлину по подозрѣнію ея въ связи со старшимъ сыномъ; та съ досады и бросилась въ дворцовой прудъ. Сейчасъ явился докладъ о томъ, что его богдыханскому величеству должно быть-де совѣстно на старости лѣтъ заниматься женщинами. Когда началась первая война съ Англіей, и китайскіе воители были одинъ за другимъ разбиваемы, богдыханъ сгоряча велѣлъ отрубить головы первымъ генераламъ, проигравшимъ сраженіе, но угроза не подѣйство-

вала: слѣдующаго генерала также разбили, — онъ былъ уже только разжалованъ; на бѣду случилось, что это былъ Манчьжуръ и богдыханскаго рода, а прежде погибшіе—Китайцы. Цензоръ сейчасъ съ докладомъ: что̀ это за пристрастіе? Потому ли, что это свой, такъ и помилованъ? И императоръ распорядился, чтобы его родственникъ не выходилъ изъ дому до самой смерти.

Что̀ должно удивлять насъ въ этомъ деспотическомъ будто бы, правленіи, такъ это его откровенность въ ошибкахъ. Въ Европѣ принято за правило заминать всякій скандалъ, случившійся съ знатнымъ лицомъ. Въ Китаѣ нерѣдко отдаются подъ судъ, сажаются даже въ тюрьму князья и высшіе министры, какъ скоро открываются ихъ проступки. Даже если рѣшеніе совѣта министровъ было утверждено богдыханомъ, но оказалось вреднымъ по послѣдствіямъ, то постановившіе его не избавляются отъ преслѣдованія и наказанія. Никто не можетъ прикрываться высочайшею властію,—вотъ девизъ китайскаго правительства. Вообще китайское правительство не признаетъ за собою только силу, оно самые указы богдыхана называетъ не приказаніями, а наставленіями, подданные не рабы, а недоросли, которыхъ еще надобно учить. Отношенія отца къ сыну, мужа къ женѣ, не смотря на жестокость, заключающуюся въ предписаніяхъ древнихъ учрежденій, все-таки отчасти смягчаются общечеловѣческимъ чувствомъ, которое не чуждо и Китайцу. Только отношенія государя къ подданнымъ сохраняются съ глубокой древности во всей силѣ; собственно говоря, этихъ отношеній не существуетъ, китайскій богдыханъ живетъ замкнуто отъ всего народа; онъ никогда даже не видитъ этого народа, потому что и не появляется среди его,—во время его проѣзда народъ изгоняется съ улицъ. Онъ знаетъ о существованіи своихъ подданныхъ только по докладамъ своихъ чиновниковъ. Потому не удивительны анекдоты, разказываемые объ одномъ богдыханѣ. Когда онъ услыхалъ кваканье лягушки, то спросилъ: „Кто это поетъ, чиновникъ или народъ?“ На это ему доложили, что народъ умираетъ съ голоду, онъ наивно спрашиваетъ: „Отчего же онъ не ѣстъ“?

Что же изъ всего этого слѣдуетъ?—А то именно, что идеи Конфуція вообще не дурны, содержатъ много вѣрнаго, пожалуй, человѣчнаго; но спрашивается, что налито въ эти, еще не износившіеся, мѣхи?

Мы обратимся еще разъ къ конфуціанству, уже какъ къ религіи; но прежде этого должно познакомиться съ другими вѣрованіями, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже замѣтили, Китайцевъ-конфуціанцевъ считаютъ обыкновенно и поклонниками Будды.

II.

Буддизмъ.

Вотъ религія уже вовсе не консервативная, какъ будто имѣющая въ своей основѣ девизъ, написанный, по словамъ конфуціанцевъ, на умывальномъ тазу императора Тана, жившаго еще за 18 вѣковъ до Р. Х.: „Обновляйся, съ каждымъ днемъ обновляйся, и еще обновляйся!“ Въ буддизмъ консерватизмъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, консерватизмъ въ легендахъ, да и то свидѣтельствующихъ о богатствѣ его фантазіи, вызванныхъ тою же силою, требующею вѣчнаго обновленія. Мы хотимъ замѣтить это тѣмъ, которые стали бы, на основаніи нѣкоторыхъ буддійскихъ разказовъ, утверждать, что и буддизмъ любитъ древность, ведетъ свое начало отъ начала вѣковъ, или которые готовы повѣрить всему, что говорится о какой бы то ни было древности. Нѣтъ, эти тысячи Буддъ, которыхъ онъ вводитъ въ свою миѳологію, очень новаго происхожденія. Прежде и самого основателя этой вѣры, Шакіямуни, еще не называли Буддой; потомъ, когда другимъ показалась такая религія новенькою, отодвинули въ древность года его жизни, приставили впередъ еще трехъ Буддъ; показалось мало — изъ четырехъ сдѣлали 1.000; еще мало, — явилось безчисленное множество Буддъ, и наконецъ, нѣкоторые (въ Европѣ уже) выдумали Ади Будду — Будду Буддъ.

Въ основу конфуціанства, какъ мы видѣли, легла исторія. Индія страна не историческая; одинъ только буддизмъ, и то въ послѣдствіи, усиленными трудами ученыхъ, можетъ-быть, дастъ возможность хотя приблизительно составить какое-нибудь понятіе объ исторіи этой страны. Если около Вавилона произошло смѣшеніе языковъ, то мы еще съ большею достовѣрностію можемъ сказать, что въ Индіи происходило смѣшеніе вѣрованій, и должно быть, хороши же были эти вѣрованія, когда каждое изъ нихъ боялось исторіи такъ, что буддизмъ оказывается еще честнѣе на этомъ поприщѣ!

Что дѣлать, а и здѣсь намъ приходится также возставать противъ пресловутой индѣйской древности, изъ которой будто черпали свою мудрость даже греческіе философы, какъ мы возставали противъ древности китайской Пожалуй, если имя Индіи (луны) перенесено съ запада, такъ какъ цивилизаторы ея не были аборигены, а пробирались въ нее съ запада, то очень не мудрено, что послѣдняя ихъ стоянка была на западной сторонѣ Инда, можетъ-быть даже въ Бактріанѣ; но они могли прійдти туда еще издалека, —

а въ такомъ случаѣ и приходится сказать, что даже наука не отвергаетъ возможность первой цивилизаціи на берегахъ Тигра и Евфрата, что тамъ совершилось первое отдѣленіе семитическаго племени отъ арійскаго.

Въ какомъ видѣ представляетъ намъ Индію буддизмъ, который, какъ мы увидимъ, началъ свою письменность не тотчасъ по своемъ появленіи, но древніе памятники котораго все-таки дошли до насъ? Имя брахмачарьевъ, браминовъ, извѣстное и Грекамъ, на основаніи чего будто бы можно заключить, что нынѣшнее браминство ведетъ свое начало съ того времени, было общее и буддистамъ. Оно значило не болѣе какъ людей, ведущихъ нравственную жизнь, анахоретовъ; по другимъ даннымъ открывается, что эти анахореты чествовали огонь, слѣдовательно, имѣли нѣчто общее съ магами, съ преданіемъ о Прометеѣ, съ древними весталками. Письма рѣшительно не было въ Индіи: всѣ памятники буддизма ясно свидѣтельствуютъ, что первые послѣдователи этой вѣры были шраваки, то-есть, слушатели, которые должны были затверживать наизусть то, что имъ преподавалось, и передавать это другимъ также изустно. Какъ мы уже намекнули, буддисты хватались за всякую новинку; они, вѣроятно, первые воспользовались письменностію; слѣдовательно, предполагать, что другія школы имѣли письменность, нечего. Да и отчего же первый памятникъ, приписываемый Асокѣ, относится однакоже несомнѣнно только къ 260 году до нашей эры? Взгляните на санскритскій алфавитъ: онъ буквенный, и буквы въ немъ расположены правильно, гласныя отдѣлены отъ согласныхъ, послѣднія раздѣлены на гортанныя, зубныя, губныя и т. д. Не доказываетъ ли это, что онъ образовался позднѣе греческаго алфавита, въ которомъ гласныя еще смѣшаны съ согласными? Въ Индіи не находимъ мы ни клинообразныхъ, ни египетскихъ, ни китайскихъ знаковъ. Нѣтъ ни одной монеты, ни одного памятника раньше владычества Грековъ въ Бактріи. Мы сказали уже разъ навсегда, что какъ скоро нѣтъ письменности, то нѣтъ возможности и далеко возносить исторію народа отъ этого времени.

Что буддизмъ даетъ свидѣтельство о томъ, какъ недалека была цивилизація Индіи уже при появленіи письменности, стоитъ только открыть Лалитавистару, жизнеописаніе Будды, конечно, написанное не вскорѣ послѣ его смерти. Что же мы находимъ тутъ? Эта біографія, заставивъ его состязаться съ своими сверстниками, прославляетъ его физическую силу, искусство стрѣлять, знаніе математики, но въ чемъ проявляется послѣднее знаніе? Въ томъ, что Будда умѣетъ

считать до 60 нулей! А когда начался буддизмъ? Тѣ же любители древности охотно допустили бы, какъ долго и вѣрили этому въ Европѣ, начало буддизма за 1027 лѣтъ до Р. Х., по вычисленію Китайцевъ; обрадовались было несказанно, когда нашли, что Тибетцы считаютъ начало буддизма за 3000 лѣтъ. Но нынѣ съ сожалѣніемъ они должны отказаться отъ такой древности и рады, что встрѣтили цейлонскія исторіи, по которымъ можно положить, что Будда чуть ли не былъ современникомъ Конфуція и Лао-цзы. Однакожь, исторія Даранаты, надѣемся, выведетъ всякаго безпристрастнаго изъ пристрастія къ древности цейлонской; она свидѣтельствуетъ, что о буддійскихъ происшествіяхъ не прибавляютъ ни Цейлонцы, ни Китайцы, ни Тибетцы: факты все одни и тѣ же. Какъ по Даранатѣ, такъ и по сохранившемуся у Китайцевъ перечню патріарховъ до шестаго вѣка нашей эры нельзя бы даже полагать начало буддизма ранѣе нашей эры. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ никакая религія не согласится производить свое начало позднѣе дѣйствительнаго времени ея появленія, а всего скорѣе постарается связать это время съ отдаленною древностію, то можно допускать только то счисленіе, которое короче. Цейлонцы выдумали двухъ Асокъ, Индѣйцы знаютъ только одного; но вѣдь Индѣйцамъ ближе знать буддизмъ, такъ какъ послѣдній перешелъ въ Цейлонъ очень поздно; по первымъ легендамъ буддизма, въ Цейлонѣ жили еще или черти, или драконы; слѣдовательно, буддизма тамъ долго еще не было. Мы даемъ самое важное значеніе китайскимъ сказаніямъ. Когда Китайцы проникли на западъ за 100 лѣтъ до Р. Х., то они нигдѣ не встрѣтили тамъ буддизма, а между тѣмъ этотъ край, по легендамъ буддійскимъ, долженствовалъ быть просвѣщенъ вскорѣ послѣ смерти Будды. Не нашли буддизма ни потомки Александра, не замѣтили его послѣ и Китайцы; какъ же это онъ могъ ускользнуть отъ того или другаго народа, если бы существовалъ дѣйствительно? У Даранаты мы находимъ, что царь Аджаташатру, современникъ и покровитель Шакіямуни, назывался Пріядаршинъ, то-есть, тотъ Піядаси, современникъ Птоломея и Мага, который встрѣчается и на первыхъ письменныхъ памятникахъ Индіи; слѣдовательно, это не Асока, который жилъ еще позднѣе, и имя котораго надобно принимать за одно съ упоминаемымъ Китайцами Ху-цзю-ку, смѣшиваемымъ съ Канишкой или Канеркой. Объ этомъ Асокѣ положительно говорится, что онъ жилъ 116 лѣтъ спустя послѣ Будды, не болѣе, но можно и это число сократить. Мы скорѣе готовы допустить, что буддизмъ долго не зналъ своей исторіи; потомъ, когда онъ

сталъ припоминать, онъ обратился къ разказамъ Грековъ, Бактріанцевъ, къ памятнику Піядаси. И по этимъ ихъ розысканіямъ оказывается, что Будда былъ только современникомъ Цзандрагупты, союзника Селевка, потому что Вирудака, истребитель Шакія[1]), по другимъ убійца и самого Арта-Сидды, какъ назывался Шакіямуни, былъ изъ партіи Цзандрагупты.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ выходитъ, что появленіе Грековъ въ Бактріанѣ имѣло великое вліяніе на цивилизацію Индіи, и въ томъ числѣ, на появленіе буддизма. Да наконецъ, буддизмъ родился ли въ самой Индіи? Не былъ ли онъ сначала пришлою вѣрой? Самъ Шакіямуни долженъ ли былъ непремѣнно спасаться на берегахъ Найраньчжаны, быть въ Бенаресѣ? Родина его, Капила, была ли непремѣнно въ томъ мѣстѣ, на которое указываютъ китайскіе путешественники? Вѣдь по тибетскимъ опредѣленіямъ, она лежитъ гораздо западнѣе. Когда нѣтъ исторіи, то составлять легенды весьма легко. Основался монастырь, сталъ процвѣтать; чѣмъ лучше прославить его, какъ не заставивъ зайдти въ это мѣсто въ древности Будду? Кто станетъ опровергать, кто знаетъ, что этого не было? Да и легенда когда-то еще занесется въ другой край! Такимъ образомъ, Будду и заставляютъ странствовать изъ мѣста въ мѣсто.

Первыя легенды буддизма находятся въ самой тѣсной связи съ странами, лежащими на сѣверо-западъ отъ Инда; тамъ жилъ и Панини, индѣйскій граматикъ, а можетъ-быть, еще только изобрѣтатель алфавита; тамъ находимъ мы и историческихъ Шакія—Саковъ; тамъ дѣйствуютъ даже первые патріархи, тамъ являются первые историческіе памятники. Даже въ болѣе позднее время буддійскіе волхвы ходятъ учиться магіи въ Газну. А когда мы припомнимъ, что дерево Боди, подъ которымъ спасался Будда, напоминаетъ о древѣ познанія

---

[1]) Въ подтвержденіе того мнѣнія, что Шакія и Саки одно и то же, мы можемъ напомнить, что по извѣстіямъ греческимъ, Саки женились на своихъ сестрахъ. По буддійскимъ легендамъ, родъ Шакія пошелъ отъ прогнанныхъ царемъ въ горы своихъ дѣтей, о которыхъ онъ послѣ справляется и узнаетъ, что они расплодились, женясь на своихъ сестрахъ. «Ужели они *могли* это сдѣлать», воскликнулъ царь, по-индѣйски «мочь» есть *шакъ*, оттуда-де и вышло названіе Шакія Г. Григорьевъ замѣчаетъ, что у Саковъ встрѣчаются славянскія имена Зарина, Кудръ и проч., мы знаемъ это по греческимъ источникамъ; съ другой стороны, Вирудака, рожденный отъ рабыни и отмстившій шакіанцамъ истребленіемъ ихъ за презрѣніе, оказанное ему ими вслѣдствіе такого происхожденія, не есть ли искаженіе нашего слова *выродокъ*? Хотя бы для курьезу только скажемъ, что и столица шакіанцевъ—Капилавасту,—звучитъ по-славянски: кобылья паства.

добра и зла, когда на древнихъ памятникахъ являются имена Грековъ, въ книгахъ встрѣчается имя Вавилона, въ теоріяхъ находимъ сходство съ системами гностиковъ и нео-платониковъ; когда въ буддизмѣ мысли всѣхъ поклонниковъ обращаются на западъ къ живущему тамъ буддѣ Амитаба,—то невольно задаешь себѣ вопросъ о вліяніи запада на востокъ, вліяніи, необходимо вытекающемъ изъ превосходства силы западнаго духа По крайней мѣрѣ, несомнѣнно то, что буддизмъ самъ не имѣлъ силъ распространиться на западъ; упоминается объ одной кумирнѣ въ Персіи, думаютъ находить Будду въ скандинавскомъ Одинѣ, пожалуй, можно сравнивать Перуна или Перкуна съ монгольскимъ названіемъ Будды—Бурханъ, и видѣть искаженіе Бикшу въ нашемъ словѣ нищій; но даже еслибы это было и несомнѣнно, то и тогда все доказывало бы только, въ этихъ попыткахъ двинуться на западъ, безсиліе буддизма Между тѣмъ, какимъ образомъ быстрымъ потокомъ распространился онъ съ запада на востокъ? Онъ двигается туда и съ сухаго пути, и съ моря, стремится къ осѣдлымъ землямъ, не боясь тамошняго просвѣщенія; сначала какъ-бы пугается номадовъ, но потомъ, разъ утвердившись между ними, охватываетъ ихъ съ большою силою; буддизмъ, кромѣ Китая, господствуетъ въ Кореи и Японіи, точно также, какъ и во всей трансгангетической Индіи, Монголіи и Тибетѣ.

Мы начали съ того, что буддизмъ вовсе религія не консервативная: и дѣйствительно, она не останавливается ни передъ какимъ нововведеніемъ Три части составляютъ предметъ этой религіи: нравственность или аскетика теорія или догматы и практика или созерцаніе. Эти части появлялись каждая не вдругъ, но присоединялись къ буддизму постепенно, и въ то же время, въ каждой части происходило свое внутреннее развитіе, разростаніе. Разбирая конфуціанство мы видѣли, что оно началось народностію и наукой, а кончило церемоніями или нравственностію. О будизмѣ же мы можемъ сказать, что онъ началъ нравственностію, а кончилъ созерцаніемъ или чародѣйствомъ.

Что мы можемъ вывести изъ всѣхъ разказовъ о Буддѣ, отдѣливъ ихъ отъ всякихъ прикрасъ, выросшихъ со временемъ? Былъ онъ царевичъ; покидаетъ свое царство изъ-за того ли, какъ говорятъ легенды, что увидѣлъ суету міра, или потому, что спасся отъ истребленія своего рода Вирудакой, или по невѣрности жены, которая, по легендамъ, отъ скорби по разлукѣ съ нимъ, родила только черезъ шесть лѣтъ послѣ этого. Фактъ тотъ, что онъ бѣжалъ, ски-

тался, былъ нищимъ. Что онъ былъ изъ того же рода анахоретовъ, которыхъ мы назвали прежде Брахмачаріами (еще: Шрамана), это видно изъ того, что такъ назывались его первые ученики; но онъ не походилъ на другихъ, онъ не былъ огнепоклонникомъ: онъ былъ основателемъ ордена нищихъ. Не смотря на то, что дошедшіе до насъ письменные буддійскіе памятники относятся ко времени очень далекому отъ начала этой вѣры, въ нихъ мы находимъ постоянное указаніе, что первые послѣдователи Шакіямуни были нищіе, какъ это свидѣтельствуетъ и самое слово бикшу. Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы жить на кладбищахъ или подъ деревомъ, на открытомъ полѣ, въ извѣстномъ разстояніи отъ человѣческаго жилища, въ которое они должны были ходить каждое утро для испрошенія милостыни на столько, на сколько нужно, чтобы быть сытымъ, поѣвъ одинъ разъ въ день, прежде полудня. Платье ихъ должно было состоять изъ лоскутковъ, вынутыхъ изъ помойныхъ ямъ или валявшихся на кладбищахъ. Вотъ все, въ чемъ состояли ихъ первыя постановленія. Индія—страна благодатная; тамъ, какъ видно, человѣкъ могъ обходиться безъ нужды; анахореты индѣйскіе, какъ свидѣтельствуютъ и легенды, и греческіе писатели, жили до того, хотя и въ удаленіи, но въ домахъ, семействами, и вдругъ является такой строгій образъ жизни. Онъ возбуждаетъ во всѣхъ удивленіе, милостыня подается щедро, милостынедатели даже жалѣютъ, что имъ приходится такими пустяками выказывать свое сочувствіе и чествованіе. Бикшу легко могли распространиться по Индіи; сперва мы видимъ ихъ въ загородныхъ садахъ, потомъ они воздвигаютъ памятники въ честь своихъ знаменитыхъ личностей, въ память ихъ подвиговъ, и разумѣется, прежде всего въ честь подвиговъ Шакіямуни. Эти памятники двоякаго рода: прежде всего являются чайтія или ступа, пирамиды, невольно напоминающія заимствованія съ запада; онѣ глухія, передъ ними приносятся жертвы, вѣнки, матеріи. Потребовалось, для выраженія уваженія содержать памятники въ чистотѣ, охранять ихъ отъ разрушенія; внутри пирамидъ являются комнаты, а съ этимъ вмѣстѣ совпадаетъ построеніе храмовъ, въ которыхъ уже ставятъ кумиры Буддды. Опять нововведеніе, заимствованное съ запада; нынѣ сами брамины доказываютъ, что слово кумиръ было неизвѣстно въ ихъ древней религіи. Ступы, въ которыхъ теперь являются скрытыми или трупъ знатнаго лица, или его вещи, и храмы съ кумирами заставляютъ прежнихъ нищихъ построить жилища, образовывать вокругъ нихъ монастыри, въ которыхъ вскорѣ является во всемъ развитіи монашеская жизнь, являются и

кельи, и бани. Сперва кельи строятся извѣстной величины, въ 8 локтей, такъ, чтобы только можно было помѣститься; въ послѣдствіи это уже не нравится прежнимъ нищимъ. Вѣдь это учреждено Буддой, говорятъ они, — а онъ былъ развѣ нашего роста? Вѣдь онъ былъ 16 локтей, слѣдовательно, его локоть вдвое больше нашего, а мы мѣряемъ келью своимъ. Но и этого мало; если жертвователь построитъ келью еще больше, украситъ ее отъ себя, то чѣмъ же виноватъ нищій, ужели онъ долженъ отказаться и тѣмъ лишить жертвователя тѣхъ благъ, которыя доставила бы ему его жертва въ настоящей и будущей жизни? Вѣдь это значило бы огорчать его и подавлять въ другихъ чувство благочестія. И вотъ нынѣ монастыри въ Китаѣ удивляютъ своимъ великолѣпіемъ, своими храмами, великолѣпными пирамидами; вѣдь и разрушенная недавно, но всѣмъ извѣстная Нанкинская башня была не болѣе какъ ступа. Монастыри китайскіе отличаются чистотой и опрятностію; монахи разводятъ цвѣты, плодовитыя деревья, чайныя плантаціи [1]), виноградники; у нихъ есть и пашни, которыя обработываются учениками. А между тѣмъ въ первыхъ постановленіяхъ бикшу запрещалось копать землю, сажать цвѣты, рубить деревья. Въ Тибетѣ, въ Монголіи монастыри, можетъ-быть, не такъ чисты и опрятны какъ въ Китаѣ, но за то это часто цѣлые города, въ которыхъ насчитывается по три, по пяти и даже по восьми тысячъ монаховъ, не считая необходимыхъ при этомъ купеческихъ лавокъ, мастерскихъ и т. п. Жилища знатныхъ ламъ занимаютъ при этихъ монастыряхъ мѣсто княжескихъ дворцовъ; всякій сколько-нибудь достаточный лама имѣетъ свой дворикъ, и монастырь перерѣзанъ вдоль и поперекъ улицами. Для Монголіи, въ той части ея, въ которой нѣтъ еще осѣдлости, такіе монастыри почти единственные маяки гражданской жизни. Въ самой Индіи нѣкоторые монастыри были еще обширнѣе, какъ напримѣръ, Наланда.

И все это разрѣшено самимъ Буддой. Одинъ бикшу встрѣчается съ старшиною; тотъ удивляется его величественной наружности и скромности, спрашиваетъ—гдѣ онъ живетъ, чѣмъ питается.—Да живу подъ деревомъ, питаюсь милостынею.—Да почему же не въ домѣ?—Будда не позволилъ. — Ну, такъ доложи ему, что я хочу тебѣ построить жилище. И Будда разрѣшаетъ. Будда такой милостивый, что все, что̀ ни понадобится въ монастырѣ,—баня ли, кухня ли, диванъ

[1]) Чай, говорятъ, и выросъ изъ ногтей одного бодисатвы.

ли въ кельѣ, все позволяетъ. Это разрѣшеніе дается и касательно пищи и платья. Нужно ли говорить о томъ, что эти нововведенія, или лучше, прогрессъ, выработывались временемъ, возбуждали недоумѣнія, и разрѣшалъ ихъ не Будда, а потребность?

Монастырская жизнь сдѣлала невозможною и милостыню: да она оказалась и не нужною: цари, вельможи, простолюдины стали доставлять пропитаніе; сперва, вѣрно, присылали его ежедневно или приглашали къ себѣ, какъ видно и до монастырской жизни, на домъ бикшу цѣлыми толпами на угощеніе; затѣмъ, приписали къ монастырямъ имущества, сдѣлали вклады. Однакоже, постановленіе ѣсть одинъ разъ, и только до полудня, осталось въ силѣ, но его сумѣли обойдти тѣмъ, что можно ѣсть для лѣченія. Китайскіе хошаны [1]) и до сихъ поръ не ѣдятъ мяса и рыбы, даже не употребляютъ благовонныхъ древесныхъ маслъ, луку, чесноку, всего раздражающаго; ламы отыскали въ Винаѣ мѣсто, гдѣ говорится, что они были бы еретики, если бы не стали ѣсть мяса; надобно только, чтобъ оно не было нарочно для нихъ заколото. Точно также обойдено и запрещеніе пить вино: ни хошанъ, ни лама не станутъ пить его явно, если вамъ не довѣряютъ; но назовите вино лѣкарственнымъ ликеромъ, и они начнутъ сейчасъ лѣчиться.

И прежнее платье исчезло. Хошаны, правда, носятъ только полотняное или бумажное и чернаго цвѣта, стараго китайскаго покроя; ламы, разумѣется достаточные, щеголяютъ въ шелковыхъ желтыхъ и красныхъ матеріяхъ, носятъ великолѣпные бобровые и собольи кафтаны. Духовное платье, правда, шьется изъ лоскутковъ, но уже выкроенныхъ изъ новыхъ матерій и уже не для того, чтобы показать отвращеніе отъ міра, а чтобы не привлечь воровъ. Оно надѣвается только въ важныхъ случаяхъ (при обрядѣ Пошада или волхованіяхъ), а обыкновенная служба въ храмѣ производится въ носильномъ; много, если на него накидывается сверху перевязь, въ родѣ нашего ораря Старые буддисты не должны были ни торговать, ни прикасаться къ золоту, ни давать денегъ въ проценты; нынѣ въ Тибетѣ и Монголіи ламы—первые торгаши: это запрещеніе обойдено позволеніемъ заботиться о монастырскихъ доходахъ.

И то сказать, строгій аскетизмъ возможенъ былъ въ Индіи только на первыхъ порахъ. Самое распространеніе буддизма было причи-

[1]) Буддійскіе духовные по-китайски называются хошанами, а по-тибетски ламами; но собственно прежде ламами или хошанами называли только главныхъ учителей, настоятелей и дающихъ посвященіе.

ной его развитія или перемѣнъ. Это распространеніе произошло или естественнымъ путемъ увеличенія приверженцевъ, или, какъ свидѣтельствуетъ отчасти и исторія, возстаніемъ жителей, часто и подъ вліяніемъ другихъ ученій, противъ тунеядцевъ. Развѣ, мы обязаны кормить эту толпу? говорили Бенаресцы, — и бикшу потянулись въ сторону. Но когда имъ пришлось зайдти въ Гималайскія горы, странствовать по пустынямъ, то прежде всего сказались ноги, не знавшія доселѣ обуви, и первое отступленіе отъ прежняго образа жизни послѣдовало дѣйствительно въ обуви, а оттуда перешло и на платье; пища, какъ видимъ, удержалась ближе къ первымъ учрежденіямъ, но что бы стали ѣсть монахи въ странахъ, не знающихъ земледѣлія, еслибъ имъ не разрѣшено было питаться мясомъ? Въ холодныхъ климатахъ нельзя было жить и подъ деревомъ. Уже и при первыхъ учрежденіяхъ предполагалось, что бикшу, во время лѣтнихъ періодическихъ дождей, заберутся въ хижину милостынедателей, съ ихъ согласія, и будутъ кормиться на ихъ счетъ, потому что имъ нельзя было выходить въ это время никуда, чтобы не раздавить ползающихъ червей.

Но всѣ эти отступленія не обошлись безъ споровъ; спорили, какъ должно полагать, даже о числѣ лоскутковъ въ платьѣ, спорили о пищѣ, спорили о сборѣ денежномъ (соборъ Вайшавійскій) [1]). Но это только служило средствомъ распространенія буддизма. Не соглашавшіеся, но болѣе слабые, естественно, искали другихъ мѣстъ,—тамъ они группировались. Образовались совѣщанія, соборы, которые дѣлали постановленія даже до введенія монастырской жизни; такимъ образомъ явился обрядъ Пошады, въ которомъ повторялись обѣты, возлагаемые на себя бикшу, что предполагаетъ обѣтъ посвященія; явились правила для совершенія обрядовъ (карма), рѣшенія споровъ, изгнанія, преданія наказанію, выговору. Осилившіе нововводители прозвали своихъ противниковъ послѣдователями не Будды, а Девадатты, двоюроднаго брата Шакіямуни, и эта личность то проклинается, то восхваляется въ книгахъ; эту продѣлку мы встрѣчаемъ и въ послѣд-

[1]) Послѣ споръ перешелъ на догматы; когда познакомились съ логикою, то спорамъ не стало конца, и нынѣ ламы-теоретики только и учатся что діалектикѣ, только и упражняются что въ схоластическихъ спорахъ, хотя и не встрѣчаютъ ни отъ кого серіозныхъ опроверженій. Чтобы получить ученую степень габчу, чойрамбы, гарамбы, надобно защищаться отъ возраженій; диспутантъ сидитъ на коврѣ, оппоненты запугиваютъ его не одними словами, но замахиваются на него четками и кулаками, кричатъ, ругаются

ствіи: нововведенія приняли названіе великаго ученія (Махаяны), а прежніе порядки обозначили именемъ малаго, то-есть, тупаго ученія (Хинаяны). Древніе буддисты не исчезли; они, какъ видно, существовали даже въ X столѣтіи нашей эры; они не имѣли постояннаго жилища, питались милостыней, имѣли только два платья и проч. Но какое могли имѣть они значеніе? Можно ли было имъ бороться съ тѣми буддистами, которые, живя въ монастыряхъ, были сильнѣе своими учрежденіями, отличались знаніями, которыя только и могли быть усвоены, сидя на мѣстѣ? Старые же буддисты должны были многому учиться у новыхъ, и конечно, не послѣдніе обращались въ ихъ сторону,—вотъ почему не будетъ ничего удивительнаго, если мы почтемъ старыми бикшу и ту школу, которая называлась Ставирами (консерваторы); но она, отдѣлившись и удалившись отъ Махасангиковъ (большинство), да еще на сѣверъ, должна была скоро сдѣлать то же самое, что и тѣ, противъ которыхъ она ратовала.

Какъ скоро письменность сдѣлалась извѣстна буддизму, и онъ сталъ приводить свое ученіе въ письменный видъ, то очень не мудрено, что эта письменность, явившись прежде всего въ одной школѣ, заставила принять мнѣнія или ученія этой школы, потому что говорила отъ имени Будды. Очень не мудрено также, что и политическое вліяніе царей оказало содѣйствіе соединенію новыхъ буддистовъ, тѣмъ болѣе, что исторія не скрываетъ, что при многихъ царяхъ были соборы. Такимъ образомъ, новый буддизмъ мы находимъ довольно сходнымъ въ своихъ учрежденіяхъ, хотя имѣемъ памятники этихъ учрежденій отъ многихъ школъ. Движеніе было общее; притомъ монастырская жизнь также придаетъ много сходства.

Прежніе бикшу могли и не знать никакихъ обѣтовъ. Какъ скоро бикшу добровольно бросилъ міръ, жилъ отдѣльно, то какія могли быть правила? Само собою разумѣется, что онъ не могъ быть ни воромъ, ни убійцею, ни преступникомъ цѣломудрія. Но когда явилась монастырская жизнь, то явились и грѣхи, и грѣшки, и провинности. Надобно было ихъ регулировать: одни названы тяжкими, другіе отпускаемыми, третьи не требующими изслѣдованія, которое касается не только однихъ поступковъ монаха въ самомъ себѣ, но и въ сношеніяхъ его съ другими. Считаютъ всего 250 обѣтовъ: они раздѣлены на семь статей, но при тщательномъ разсматриваніи, такъ и видишь, какъ они наростали въ кодексѣ дисциплины, а не появились вдругъ.

Буддизмъ ввелъ у себя покаяніе, — оно было гласное. Буддизмъ допустилъ монахинь, число ихъ обѣтовъ увеличено; видно было, что

сначала это допущеніе принято было съ неудовольствіемъ. Ему приписываютъ даже паденіе буддизма. Замѣчательно, что прежде монахини имѣли то же посвященіе въ ту же высшую духовную степень, какъ и мужчины. Нынѣ этого нѣтъ у ламъ.

Съ монастырскою жизнью у ламъ явился всякаго рода обряды, явились и учителя, и ученики Прежде, при жизни Будды и при первыхъ патріархахъ, сознаютъ сами буддисты, — достаточно было явиться предъ Будду и изъявить желаніе сдѣлаться бикшу. Будда скажетъ, бывало: „милости просимъ, такой-то“, и онъ становился бикшу, при чемъ, прибавляютъ,—волосы сами спадали съ его головы Такой скорый пріемъ въ число братіи очень естественъ, потому что мы видимъ, какъ не сложны были обязанности бикшу; всякій такимъ могъ сдѣлаться и самъ собою, безъ всякаго посвященія. Но какъ скоро эти обязанности усложнились, какъ скоро появилась монастырская жизнь, то посвящаемаго стали допрашивать, свидѣтельствовать, испытывать, учить. Нынѣ обыкновенно берутъ учениковъ съ малолѣтства, обрѣютъ ихъ, одѣнутъ, какъ монаховъ, велятъ кланяться или вѣровать тремъ драгоцѣнностямъ [1]); но собственно посвященія еще никакого не дѣлаютъ; если онъ не прислуживаетъ, такъ его учатъ; потомъ возлагаютъ на него 8 обѣтовъ, и только въ 20 лѣтъ онъ можетъ быть посвященъ въ бикшу (у Китайцевъ даже въ бодисатвы), но у ламъ не всѣ въ этомъ возрастѣ принимаютъ такое званіе, и многіе до старости остаются при маломъ посвященіи.

Замѣтимъ, что ни въ какія высшія званія нѣтъ посвященія — ни въ настоятели монастырей, ни въ консисторіальные начальники. Далай-Лама и всѣ прочіе хутукты и хубилганы [2]) принимаютъ, когда наступитъ требуемый возрастъ, только посвященіе въ бикшу.

Богослуженія въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, собственно нѣтъ; только нынѣ приняты утреннія и вечернія молитвы. Есть

---

[1]) Буддѣ, его ученію и сангѣ (духовенству или церкви).

[2]) Слова хутукту и хубилганъ—монгольскія; послѣднее значитъ перерожденецъ, то-есть, такая личность, о которой опредѣлено кѣмъ-нибудь какою личностью была она въ прежнемъ перерожденіи, иначе, по ученію метемпсихозма, не только всѣ люди, но и всѣ живыя существа, конечно, хубилганы; да и по понятію нынѣшнихъ буддистовъ хубилганъ—еще не важная личность. Названіе же хутукту, которое есть переводъ тибетскаго пагба, что̀ значитъ возвышенный, святой, дается только извѣстнымъ личностямъ, утверждаемымъ правительствомъ, напримѣръ, Чжебцзунь дамба хутукту, Джанчжа хутукту и проч. Но тибетское названіе пагба явилось прежде даже ученія о хубилганахъ; оно давалось всѣмъ вообще знаменитостямъ.

обряды, касающіеся только исключительно учрежденій монашества, посвященія, припамятованія грѣховъ (покаяніе) [1]),—собранія для рѣшенія дѣлъ, споровъ и для выбора должностныхъ лицъ. У ламъ богослуженіе отправляется по заказу, то-есть, смотря по взносу или заказу жертвователя: для него читается или цѣлый Даньчжуръ, или Ганьчжуръ или Юмъ [2]). Соберется весь составъ монастырскій, раздѣлять книгу по листамъ, и читаютъ заразъ всѣ листы вдругъ, перерывая чтеніе выпивкою чашки кирпичнаго чаю, приготовляемаго на счетъ жертвователя [3]).

Будемъ ли мы имѣть въ виду строгія аскетическія требованія, или только послѣдующія монастырскія учрежденія, не надобно забывать одного, что какъ тѣ, такъ и другія, не имѣли назначенія быть собственно только вспомогательными средствами къ достиженію главной цѣли буддизма, но самымъ выполненіемъ этой цѣли, — другими словами: отъ бикшу сначала ничего, кромѣ этого, даже и не требовалось. Но въ чемъ же заключалась эта цѣль: въ спасеніи? Мы боимся, однакоже, не слишкомъ ли уже забѣжали впередъ, произнося это слово. Для спасенія нужно знать — отчего спасаться, и куда стремиться. Правда, какъ спасаться, теперь мы знаемъ, но для того, чтобъ опредѣлить цѣль и исходную точку, нужно знаніе, нужно отчетливое ученіе, а объ этомъ нельзя сказать утвердительно, чтобы оно было высказано въ самомъ началѣ буддизма. Нѣкоторые бикшу, говорятъ, стали посѣщать иновѣрческія капища, другіе напали на нихъ какъ на измѣнниковъ дѣлу вѣры. „Да мы ходимъ туда“, отвѣчаютъ они, „чтобъ учиться,—насъ здѣсь ничему не учатъ“. По этому-то случаю

---

[1]) Это Пошада, старѣйшій обрядъ, совершаемый 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца; въ Пошадѣ участвуютъ только бикшу, и никто не допускается быть даже зрителемъ.

[2]) Ганьчжуръ, Даньчжуръ и Юмъ—все это слова тибетскія. Первое значитъ переводъ (собраніе) словъ Будды, то-есть, такихъ книгъ, которыя ему приписываются; Даньчжуръ—переводъ шастръ, то-есть, истолковательныхъ книгъ, собраніе всѣхъ сочиненій, составленныхъ въ Индіи отцами церкви; сюда вошли даже логика, грамматика и медицина. Названія Ганьчжуръ и Даньчжуръ—новыя, появившіяся въ Тибетѣ не раньше XIV вѣка. Юмъ—мать,—есть названіе, даваемое тибетской Праджня Парамитѣ, уважаемой ламами столько же, какъ Лянь-хуа-цзинъ (Сатдарма пундарика—Lotus de la bonne foi) у Китайцевъ. Юмъ или Лотусъ лежатъ на олтарѣ вмѣстѣ съ кумирами, какъ представители одного изъ членовъ трехъ драгоцѣнностей, то-есть ученія.

[3]) Когда, при чтеніи книгъ, жертвователь угощаетъ чаемъ, то это называется маньчжа, всякое же другое приношеніе, дѣлимое между духовными—деньги, платье, и проч., называется ньчжедъ (дѣлежъ, раздача).

Будда и предписалъ, будто бы, собираться 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца въ Пошаду для слушанія, то-есть, повторенія принятыхъ обѣтовъ. Итакъ, о какихъ бы то ни было философскихъ теоріяхъ въ началѣ и помину не было. Одна аскетическая жизнь могла наполнять собою все—и внѣ, и внутри. Правда, сейчасъ представляется вопросъ: что же дѣлалъ буддистъ, сидя подъ деревомъ? Какъ не повѣрить, что онъ размышлялъ, или, какъ увѣряютъ книги, созерцалъ? Но что онъ созерцалъ, когда еще не было ученія?

Передъ нашими глазами огромные кодексы монашеской жизни, называемые Винаей. Все свидѣтельствуетъ, что они получили окончательную редакцію въ очень позднее время. Знаменитый китайскій путешественникъ Фа-сянь, еще въ началѣ V вѣка до Р. Х, съ трудомъ нашелъ одинъ экземпляръ Винаи одной школы; значитъ, редакція произведена была не задолго до него. Между тѣмъ, уже прежде того были извѣстны отрывочныя сочиненія, касающіяся нравственности. Но разумѣется, какъ скоро явилась письменность, и еще прежде, установилась монастырская жизнь, надобно же было дать отчетъ, на какихъ началахъ она основана. И вотъ является самое простое объясненіе, вполнѣ соотвѣтствующее первоначальной идеѣ нищенства. „Свѣтъ покинутъ потому, что въ немъ все мучительно, а мучительно все потому, что все не вѣчно, не прочно, обманчиво,—человѣкъ подверженъ болѣзнямъ, старости, смерти“. Эта причина охарактеризована общимъ именемъ случайнаго, составнаго. „Весь міръ есть пучина, водоворотъ, вращеніе, постоянный переходъ изъ одного состоянія въ другое; слѣдовательно, представляетъ вѣчныя хлопоты, заботы, однимъ словомъ, Сансара“ Мы не можемъ еще рѣшить, въ началѣ буддизма было ли уже усвоено Индѣйцами вѣрованіе въ перерожденія [1]),—кажется, Веды также ихъ не знаютъ,—очень не мудрено, что и это вѣрованіе пришло съ запада; мы говорили уже столько разъ о силѣ западнаго духа. Тамъ фантазія Египтянъ не сохранилась потому, что ее смѣнило другое, болѣе сильное семитическое убѣжденіе въ безсмертіи души, въ существованіи ада и рая. Но то, что вызказано было западомъ на угадъ и принято въ немъ временно, пускаетъ глубокіе корни на востокѣ. Такъ, мы думаемъ, что и самое устройство монастырской жизни, это огромное количество монаховъ, пришло также съ запада. Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ, письменный буддизмъ уже считалъ вопросъ о перерожденіяхъ вполнѣ

[1]) Иначе, терминъ Самудая (всепроисхожденіе) выразился бы иначе.

рѣшеннымъ и несомнѣннымъ. Но несомнѣнно то, что мысль о перерожденіяхъ родилась не въ буддизмѣ. Какъ ни фиктивна эта мысль, однакожь, она выдумана была для утѣшенія человѣчества въ его скорбяхъ. Человѣкъ не есть временное существо въ этомъ прекрасномъ мірѣ; жизнь, величайшій даръ неба или природы, не исчезаетъ, проявившись въ мгновеніи передъ вѣчностью; страданія и притѣсненія когда-нибудь измѣнятся къ лучшему; милыя встрѣчи не случайны и могутъ повториться послѣ загробной разлуки, — вотъ что̀ лежало въ основаніи метемпсихозма. Является буддизмъ и гонитъ прочь всѣ эти утѣшительные напѣвы, слышанные съ того свѣта, бичуетъ розовыя надежды утѣсненнаго, загнаннаго люда, который только въ фикціяхъ религіи и находилъ утоленіе своихъ горестей. Жизнь ему ненавистна; онъ хочетъ заглушить всѣ чувства, онъ отрицаетъ бытіе души, смотритъ на составъ человѣка,—какъ на остовъ телеги, на весь міръ—какъ на миражъ, сонъ, отраженіе въ зеркалѣ, пустое эхо; внѣшній и внутренній міры для него существуютъ условно. Вотъ почему онъ избралъ нищенство, отдалъ предпочтеніе монашеству; онъ требуетъ отвергнуть все, не допускать въ себя ничего для того, чтобы изъ этого ничего и не произошло ничего, то-есть, чтобы онъ такимъ способомъ освободился отъ существованія, безслѣдно исчезъ въ природѣ, достигнувъ совершеннаго исчезновенія; не унося съ собою ничего, не получивъ ничего и тамъ, въ этой Нирванѣ, которая его освободитъ отъ круга перерожденій, но не сохранитъ его ни отдѣльной личности, ни сольетъ въ одну общую, какъ говорятъ другіе, душу. Вотъ его цѣль, и потому его путь есть *путь безъ пути*.

Можно ли, однако же, допустить, чтобы такое ученіе явилось на первыхъ же порахъ буддизма, положено было тогда же въ его основу? не скорѣе ли всѣ буддисты, когда имъ пришлось давать отчетъ о своей системѣ, чувствовали необходимость выдумать что-нибудь необыкновенное, чтобы отличиться отъ другихъ религій или сектъ? И безъ того уже они отличались наружностью отъ другихъ; надобно было что-нибудь придумать особенное и для убѣжденій.

Но разъ принятая теорія должна была развиваться, и она развивалась до безконечности, какъ въ приложеніи къ не досказанному, такъ и внутри. Теорія о четырехъ истинахъ, то-есть, о мученіяхъ и ихъ причинѣ, отверженіи и пути, въ немъ происходящемъ, легкая и несложная въ началѣ, усложнилась въ послѣдствіи. Сначала, всѣ при Буддѣ и при первыхъ патріархахъ, легко прозрѣвали путь: встрѣтятся, поговорятъ, сейчасъ же уразумѣютъ, смотришь — взлетаютъ

на воздухъ, сгораютъ внутреннимъ огнемъ, разлетаются въ прахъ, и путь ихъ конченъ, — никогда они болѣе не возвратятся къ перерожденіямъ, потому что стали арханами, побѣдителями враговъ, заслуживающими чествованія. Но потомъ, куда какъ много потребовалось для исполненія пути, и путь этотъ состоитъ изъ пяти частей, между которыми путь прозрѣнія не есть еще конечный, а только средній; да и для того, чтобы достигнуть званія архана, надобно еще пройдти нѣсколько перерожденій, достичь различныхъ низшихъ степеней [1]).

Затѣмъ обратились къ изученію физическихъ и психическихъ законовъ; можетъ-быть, и они, эти пять скандъ [2]), какъ и ученіе о перерожденіяхъ, не были новостью для Индіи. Буддизмъ могъ ихъ вырвать по частямъ изъ различныхъ теорій, потому что онъ говоритъ о нихъ также, какъ уже о давно извѣстномъ. Но ему нужно было разслѣдовать душевныя состоянія въ различныхъ состояніяхъ, которыя онъ создалъ въ своемъ ученіи о путяхъ.

Ученіе о четырехъ истинахъ согласовано съ понятіемъ объ аскетической жизни; оно находится какъ-бы въ нѣкоторомъ подчиненіи послѣдней. Но какъ скоро допущена теорія, то она и стремится занять мѣсто, принадлежащее умствованію. „Нравственность, предполагаемая въ аскетической жизни [3]), не можетъ доставить спасенія; только знаніе, просвѣтленіе ума, вотъ что всего важнѣе“, стали говорить буддисты-мыслители. Послѣ пришли къ соглашенію, что нравственность есть пособіе ума, равно какъ и послѣдній — созерцанія. Создалась новая теорія, которая положила въ основаніе спасенія знаніе. Невѣжество — вотъ причина всѣхъ мученій, всѣхъ вращеній въ Сансарѣ; отъ невѣжества происходятъ дѣла, отъ нихъ воздаянія,

[1]) Эти степени: сротапанна, сакридагами и анагами, тоже могли являться не въ одинъ разъ; такъ, напримѣръ, сакридагами собственно называется тотъ, которому осталось одинъ разъ переродиться до полученія степени архана; но, по другимъ, вдругъ этотъ срокъ отдаляется на 60 калпъ, то-есть, мірозданій.

[2]) Пять скандъ или пять кучъ, пять аггрегатовъ суть: рупа (видимое), ведана (ощущеніе), санджня (сужденіе), санскара (дѣйствіе, жизнь) и виджняна (познаніе и потомъ душа).

[3]) Независимо отъ обѣтовъ, принимаемыхъ при посвященіи въ бикшу, послѣ составилось ученіе о десяти грѣхахъ; они происходятъ: 1) отъ тѣла: убійство, воровство, прелюбодѣяніе; 2) отъ слова: ложь, грубость, клевета, суесловіе; 3) отъ мысли: зависть, желаніе зла другому, заблужденіе. Такая классификація показываетъ уже сама собою, что она не принадлежитъ той древности, которую носятъ на себѣ ветхозавѣтныя заповѣди, которыхъ также десять.

отъ нихъ то или другое зарожденіе, та или другая жизнь, всегда оканчивающаяся смертью [1]).

Вѣроятно, къ этому времени относится и появленіе названія Будды, вмѣсто архана. Будда значитъ очнувшійся, пробудившійся, знающій, а также свергнувшій невѣжество; но онъ все еще тотъ же, такъ ушедшій (Татагата), то-есть, совершенно исчезнувшій изъ міра, нисколько о немъ не заботящійся, хотя и оставившій въ наслѣдство ему свое ученіе. Во это же время, конечно, явилось и ученіе о трехъ драгоцѣнностяхъ; стали, какъ видимъ, говорить: поклоняюсь Буддѣ, его ученію, его церкви (собранію духовныхъ или сангѣ). Санга предполагаетъ уже монастырскую жизнь; введеніе ея въ символъ вѣры, называемый прибѣжищемъ, защитою, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что онъ никакъ не могъ появиться раньше раздоровъ, которые стали разрѣшаться на соборахъ.

Согласить теорію невѣжества съ теоріей о мученіяхъ взялась новая система. Она отдала видимое преимущество разуму — праджня, а оттого и все ученіе свое назвала этимъ именемъ, но въ то же время въ этотъ разумъ, въ сущность его, ввела то же бездушіе, которое проповѣдывала теорія о четырехъ истинахъ. Это бездушіе она назвала пустотою; по той важности, которую придаютъ этой пустотѣ книги новой школы, можно подумать, что это новое метафизическое начало, но собственно говоря, оно—даже принимая, что приверженцы старой теоріи о четырехъ истинахъ заимствовали эту пустоту уже изъ новой системы,—какъ разъ вытекаетъ изъ ученія о невѣчности всего составнаго, слѣдовательно, объ отсутствіи *я* во всемъ, что̀ принимала, по всѣмъ свидѣтельствамъ, бо̀льшая часть первыхъ буддистовъ. Только пустота въ новой философіи, названной трансцендентальною (парамита), облечена большею туманностью, въ

[1]) Замѣчательно, что тогда какъ четыремъ истинамъ соотвѣтствуютъ четыре аскетическія нишрая (которыя суть четыре существенныя основанія нравственности для бикшу, это: сидѣть подъ деревомъ, питаться милостынею, носить лоскутья и бросать лѣкарство тотчасъ по намазаніи), двѣнадцати, какъ ихъ насчитываютъ, періодамъ развитія невѣжества, называемымъ нидапами, соотвѣтствуютъ 12 д'ута. Эти д'ута суть только развитіе четырехъ нишрая. Численность, какъ видно, играла не малую роль въ буддизмѣ, такъ, однѣ школы принимали 6, а другія 10 парамитъ. Явились численные лексиконы, въ винаяхъ также есть статьи по числамъ. Это показываетъ, что въ то время въ Индію только что проникли первыя ариѳметическія понятія и книги, подобныя Лалитавистарѣ,—поспѣшили пощеголять численностью А кто познакомилъ Индію съ математикой, если не вторженіе Грековъ?

въ видѣ выспренныхъ выраженій, ученію приданъ характеръ философскій: пустота и существуетъ, и не существуетъ, и нельзя сказать, чтобы она существовала, и не существовала вмѣстѣ; въ ней нѣтъ ни существованія, ни не существованія; должно отвергнуть всякое представленіе или мышленіе объ этомъ, но и усвоеніе этой идеи, или какъ говорятъ буддисты, этого разума, какъ разъ и спасетъ тебя. При такой теоріи нѣтъ ни добра, ни зла, нѣтъ ни святыхъ, ни грѣшныхъ, нѣтъ ни міра, ни вѣры, ни Будды, ни его ученія,—и между тѣмъ все это существуетъ.

Новое ученіе отличило себя особымъ названіемъ Махаяны—великаго хожденія, великаго бремени, потому что нужны великія силы, чтобы поднять его, не устрашиться его исповѣдывать. Но какъ же это? Вѣдь существуютъ книги тоже Будды, въ которыхъ онъ учитъ о четырехъ истинахъ, по другимъ—о 12-ти ниданахъ. Что же за важность объяснять это?... Будда училъ, смотря по способностямъ людей, по ихъ дарованіямъ, большему или меньшему развитію ихъ органовъ; потому для тупыхъ преподалъ ученіе о четырехъ истинахъ, для болѣе развитыхъ—о ниданахъ, наконецъ, для полныхъ умниковъ—праджняпарамиту. Съ четырьмя истинами, пожалуй, также можно спастись въ десятки калпъ, а калпа, по крайней мѣрѣ, равняется періоду существованія міра. Значитъ, всѣ тѣ арханы, которыхъ признавали старые буддисты, прозванные теперь отъ махаянистовъ Хинаянистами или малонесущими,—чего, разумѣется, послѣдніе сами не признавали,—исчезли. Не даромъ же Хинаянисты назвали эту Махаяну, какъ упоминаютъ даже и послѣдователи послѣдней, произведеніемъ демона.

Однакожъ, и это примиреніе не удержалось; явилось новое ученіе, которое хотя и не отвергало ученія о пустотѣ, о небытіи *я*, но въ то же время, признавало душу (алая), то-есть, то же *я* и душу, основываясь на допускающихъ всевозможное противорѣчіе выводахъ изъ ученія о пустотѣ; это вещь очень легкая, тамъ вѣдь признается въ одно и то же время тождество и различіе объекта и субъекта, доведеннаго до тождества съ объектомъ! (sic). Понятіе о душѣ также, какъ видимъ, было и у первыхъ буддистовъ,—вѣроятно, они-то и были первые приверженцы Ниданъ. Можно даже навѣрное сказать, что это были въ послѣдствіи сутрактики, а старые приверженцы четырехъ истинъ превратились въ вайб'ашиковъ [1]). „Всѣ міры произошли отъ

[1]) Сутрактиками назывались тѣ, которые основывались на словахъ самого Будды, называемыхъ сутрами; Вайб'ашики же взяли въ руководство общій

души, или отъ мысли".—вотъ какъ выразилась новая теорія. Міръ, дѣйствительно, не имѣетъ никакого содержанія, пустъ, но въ немъ заключена чистая душа, загрязненная міромъ, мучимая въ мірѣ. Ее то и надобно освободить, говоритъ новая система, называющая себя тоже Махаяной. Между обѣими системами возникаютъ споры; Китайцы, путешествовавшіе ранѣе, застаютъ въ Индіи у буддистовъ въ силѣ послѣднюю теорію, и ее главнымъ образомъ себѣ и усвоиваютъ. Тибетцы являются позже, когда Китайцы уже перестали ѣздить; потомъ къ нимъ явились прогнанные магометанами изъ Индіи учителя буддизма. Въ то время въ Индіи опять осилила система уничтоженія, и потому Тибетцы отдали ей предпочтеніе. Вотъ главное отличіе китайскаго хошанства отъ тибетско-монгольскаго ламайства На Цейлонѣ, какъ кажется, утвердился древній буддизмъ.

Эти споры взялась примирить пятая система, развившаяся также изъ началъ положенныхъ во всѣхъ четырехъ предыдущихъ системахъ. Созерцаніе тамъ заключалось въ усвоеніи теоретическихъ истинъ, въ полномъ углубленіи въ смыслъ ихъ, оно помогало только или нравственности, или уму проявиться. Теперь оно стоитъ на первомъ планѣ. Что вы тамъ хлопочете, говоритъ новая система; — правда, что арханы и пратьекабудды [1])—низшіе святые по понятіямъ, но развѣ и вашъ путь бодисатвы (махаянические вѣренъ)? Что вы толкуете о теоріи, все говорите только о разумѣ! Съ умомъ не далеко уйдешь, надобно искусство, хитрость,—тогда если не въ этомъ, такъ въ будущемъ перерожденіи можно сдѣлаться Буддою, стяжать его троякое тѣло. Это троякое тѣло, то-есть, магическое или временное, вещественное или блаженное и отвлеченное, признавалось уже и прежде всѣми махаянистами; уже послѣдніе учили, что бодисатва, сдѣлавшись буддою въ мірѣ, пока учитъ, есть уже не болѣе какъ магическое явленіе, что онъ въ то же время пріобрѣлъ тѣло духовное, не выходящее изъ небытія, хотя и пропитанное всесовершеннымъ разумомъ, но какъ воздаяніе за свои великіе подвиги, онъ имѣетъ еще тѣло блаженства, одаренное верхомъ красоты, то-есть, 32 признаками и

конспектъ буддизма, названный вайбашей, и составленный знаменитыми учителями.

[1]) Пратьекабудда значитъ Будда самъ по себѣ, то-есть, когда нѣтъ будды учащаго, а существо само по себѣ достигнетъ этого знанія безъ него, то называется пратьекабуддою; такое ученіе явилось въ той школѣ, которая отвергала высокое званіе архана, которое одно прежде достигалось безъ Будды. По всему видно, что оно создано принимавшими ниданы или сутрактиками.

80 примѣтами [1]). Признаніе алая,—мировой души, не противорѣчило этому понятію, и махаянисты могли допустить все, что угодно подъ условіемъ субъективности. Новая система, если съ одной стороны, она признаетъ множество буддъ равновременно существующихъ, что могло быть допущено и махаяной, то за то она готова утверждать, что можно обойдтись и безъ буддъ; что можно прибѣгнуть и къ помощи иновѣрческихъ боговъ, можно достигнуть радужнаго тѣла, то-есть, безсмертія, не превращаясь въ будду, а въ бога. Но объ этой системѣ мы будемъ говорить послѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что она хотѣла было сначала назвать себя особенною яной,—алмазною, преподанною Буддою таинственнымъ образомъ, но потомъ, чтобы не спорить, согласилась и на причисленіе себя къ махаянѣ.

Но махаяна отличается отъ стараго буддизма не однѣми своими теоріями; она хотѣла дать новое направленіе самой монастырской жизни; она даже ввела новое посвященіе въ бодисатву, удержавшееся до сихъ поръ въ Китаѣ. Въ старомъ буддизмѣ только одна монастырская жизнь, только одно посвященіе въ бикшу могло дать спасеніе; въ старомъ буддизмѣ не было никакой уступки міру, свѣтскимъ, которые, однако же, его кормили. Новый посмотрѣлъ на дѣло иначе, онъ поставилъ подаяніе на одну степень съ прочими парамитами, то-есть, паромами, перевозящими на другой берегъ — спасенія, и даже во главѣ ихъ; онъ готовъ былъ дать названіе бодисатвы [2]) всякому, кто только возымѣетъ желаніе спастись, произнести

---

[1]) Признаками называются слѣдующія отличительныя свойства красоты тѣла: на головѣ—чубъ (ушниша), волосы вьются направо, лобъ широкій, глаза голубые, языкъ длинный и тонкій, пальцы на ногахъ и рукахъ соединены перепонками, на ладоняхъ и подошвахъ есть изображеніе колеса и т. д. Примѣтами называются частныя красоты: ногти мѣднаго цвѣта, лоснящіеся, пальцы круглые, жирные, пропорціональные, не видно на нихъ ни жилъ, ни узловъ, лодыжки скрытыя, ноги ровныя, походка свиная, гусиная, слоновья и т. д. Признаки, какъ видно, извѣстны были еще древнимъ буддистамъ и не считались сначала исключительною принадлежностію будды, но всякаго махапуруши, то-есть, великаго человѣка они не пріобрѣтались съ измѣненіемъ внутренней природы, а напротивъ, сами свидѣтельствовали о внутреннемъ значеніи или только предполагали возможность внутренняго измѣненія. Такимъ образомъ, признаки и предметы, конечно, не въ такомъ количествѣ, въ какомъ ихъ выставили послѣ буддисты (не возможно, чтобы у одного человѣка было нѣсколько походокъ), составились первоначально въ народѣ, какъ понятіе объ идеальной красотѣ. Но едва ли вьющіеся волосы и голубые глаза, напримѣръ, были хоть въ древности принадлежностію Индѣйцевъ.

[2]) Бодисатва — святая мысль, прилагается къ личности, возымѣвшей желаніе

молитву объ этомъ; у него являются на сцену свѣтскіе семейные бодисатвы. Онъ отдалъ также уваженіе труду и терпѣнію. Но теоретическіе споры скоро отвлекли его отъ міра, и свѣтскіе только остались обычными милостынедателями, данниками. Только одно мистическое ученіе, введя особенное посвященіе, не требуетъ непремѣнно принадлежности къ классу высшаго духовенства, но одного усвоенія буддійскихъ теорій.

Мы видѣли уже выше, что по мѣрѣ развитія ученія о четырехъ истинахъ, раздвигается кругъ святыхъ; со введеніемъ ниданъ являются новыя личности — пратьекабудды, съ махаяной - бодисатвы; позднѣе и послѣднихъ раздѣлили на учащихся и не учащихся, назначили имъ десять степеней или земель, по которымъ они должны были возвышаться: явились бодисатвы, которые не хотятъ сдѣлаться даже Буддой, а вѣчно трудятся на пользу одушевленныхъ существъ, является бодисатва Ваджрапани—хранитель таинственнаго ученія, учитель всѣхъ буддъ.

Сперва стали учить, что Буддѣ Шакіямуни предшествовали три Будды, потомъ еще прибавили троихъ (не изъ другой ли системы?); далѣе назначили въ настоящемъ мірѣ 1.000 буддъ, наконецъ, явились другіе міры, существующіе въ одно время съ нашими: въ нихъ свои будды и бодисатвы; однихъ именъ ихъ въ буддійской миѳологіи можно найдти десятокъ тысячъ [1]).

сдѣлаться буддою; въ такомъ значеніи это слово могло сдѣлаться извѣстнымъ и древнему буддизму; затѣмъ, означало лицо въ послѣднемъ перерожденіи предъ полученіемъ званія будды. Потомъ является множество бодисатвъ, которые еще только учатся, между тѣмъ какъ другіе, напримѣръ, Авалокитешвара, Ваджрапани, ставятся едва-ли не выше самихъ буддъ.

[1]) Наконецъ, въ новѣйшемъ буддизмѣ у Тибетцевъ явились такъ-называемые живые боги (хоко-хутухты и хубилганы). Мы видѣли выше, какъ отнесся буддизмъ къ ученію о перерожденіяхъ; теперь онъ имъ вполнѣ воспользовался. Въ XV столѣтіи одинъ изъ учениковъ Цзонхавы, основателя новѣйшаго буддизма, называемаго ламайствомъ, въ доказательство, что существуютъ перерожденія, велѣлъ искать себя послѣ своей смерти въ извѣстномъ мѣстѣ; мальчикъ дѣйствительно нашелся и оказался способнымъ, изъ него вышелъ ученый; это и былъ Далай-Лама, которому стали изъ политики покровительствовать Монголы, доставивъ ему власть надъ Тибетомъ, признанную и китайскими богдыханами. Съ легкой руки, перерожденцы стали плодиться; надобно только чѣмъ - нибудь прославиться въ жизни, накопить большія суммы, написать нѣсколько книгъ, имѣть большое число учениковъ или просто пріобрѣсти покровительство правительства, — все это даетъ право имѣть послѣ себя перерожденцевъ. Узнаютъ даже, чей вы сами перерожденецъ, то-есть, какая древняя историческая или ми-

Изъ этого уже видно, что и самыя космологическія понятія расширялись, подобно отдѣламъ шравакскихъ обѣтовъ; сперва знали одного Индру, одну гору Сумеру, затѣмъ помѣстили повыше Браму, наконецъ еще выше—Махадеву и т. д. Независимо отъ этого, расширялись и самые міры [1]).

ологическая личность въ васъ перѣродилась Когда человѣкъ умираетъ, его просятъ приближенные не уходить изъ этаго міра, то-есть, не перерождаться въ другомъ мѣстѣ кромѣ земли и уже, разумѣется, православной, буддійской. При этомъ онъ самъ можетъ указать, гдѣ переродится; но, по большей части съ вопросомъ о томъ, гдѣ переродился такой-то, обращаются къ знаменитымъ лицамъ, хотя и не всегда къ такимъ, какъ Далай-Лама, а иногда и къ оракуламъ (чойнчжунъ) Разумѣется, во всемъ этомъ играетъ интересъ; имущество умершаго ламы не достается ни монастырю, ни его родственникамъ, оно остается въ рукахъ его казначея (шанцзова) и учениковъ; они и хлопочатъ объ отысканіи перерожденца. Затрудненія въ этомъ не предстоитъ: въ указанномъ мѣстѣ, — а можно и просить, чтобъ указали именно на извѣстное мѣсто, — всегда найдутся охотники сдѣлать своихъ дѣтей наслѣдниками почетнаго званія и богатства Тибетцы и Монголы и безъ того отдаютъ съ охотою своихъ дѣтей въ духовное званіе. Въ доказательство, что мальчикъ перерожденецъ, требуется немного; достаточно, если онъ признаетъ которую-нибудь вещь изъ употребляемыхъ прежнимъ ламою. Но иногда является много перерожденцевъ. Что же, и это не мѣшаетъ. одни переродились для этого, другіе для другихъ міровъ. Есть также особые перерожденцы тѣла, слова и духа. Если не хотятъ отдать предпочтеніе претендентамъ, то рѣшаютъ по жребію, вынимаемому изъ урны въ храмахъ послѣ молитвы. Есть перерожденцы изъ женщинъ; у насъ былъ знакомый перерожденецъ матери Чзонхавы, Ачжа-хутукту. Уменъ ли, глупъ ли перерожденецъ, — это его воля, распутенъ ли или нравственъ, объ этомъ не смѣютъ разсуждать набожные Тибетцы и Монголы: можетъ-быть, онъ нарочно притворяется. Почтеніе оказываютъ глубокое; гуано Далай-Ламы употребляютъ въ пилюляхъ, какъ лекарство!

[1]) Буддисты признали, что существуетъ три міра: міръ чувствъ, міръ формъ и невидимый. Въ первомъ находятся ады, животныя, люди, духи, живущіе на землѣ (Б'ома) и въ воздухѣ (антарикша). Затѣмъ, къ нему жъ отнесли и другія небеса: 1) Трястринха, обитаемое Индрою; 2) Яма, жилище бога правосудія; 3) Тушита, откуда низходятъ бодисатвы для полученія на землѣ степени будды; 4) небо превращеній, небо Мары—царя демоновъ Міръ формъ раздѣляется на четыре отдѣла, называемые четырьмя діанами, съ тринадцатью подраздѣленіями; въ низшей, то-есть, первой живетъ Брама; затѣмъ и надъ этими діянами надстроили небо небожителей: архановъ, анагамъ и проч.; потомъ прибавили небо Аканишта; еще не хватило—дали мѣсто небу Махешвары Міръ невидимый состоитъ изъ четырехъ небесъ: неба пустоты, неба безграничнаго знанія, неба ничего не заключающаго, неба непредставляемаго, ни непредставляемаго. Послѣдній міръ, конечно, одинъ можетъ назваться чисто буддійскимъ. Прочая космологія созидалась на основаніи народныхъ вѣрованій. Такъ и видно, какъ она разросталась. Основаніемъ ея служило древнее понятіе о горѣ Сумеру, на вер-

По мѣрѣ развитія теорій, увеличивалось и собраніе священныхъ книгъ; ни одна теорія не обходилась безъ того, чтобы не приписать своего ученія Буддѣ, не издать книги отъ его имени. Даже, какъ видно, старые буддисты многія книги (Абид'армы), сочинители которыхъ ужь извѣстны были по именамъ, хотѣли назвать словомъ Будды. Однако, почему же и нѣтъ? Вѣдь, собственно говоря, и то, что̀ принято называть словомъ Будды, вовсе не скрываетъ, что оно составлено послѣ. „Такъ мною слышано"..... вотъ слова, которыми начинается всякая книга, приписываемая Буддѣ; затѣмъ описывается обстановка, гдѣ находится Будда, что дѣлаютъ другіе. Затѣмъ, по какому-нибудь случаю, завязывается разговоръ даже невсегда Будды съ учениками, а между послѣдними, и Будда во всей книгѣ развѣ скажетъ только немного. Есть и такіе фокусы: поговорятъ о чемъ-нибудь, да потомъ и начнутъ восхвалять эту самую книгу, которую вы читаете — является и тотъ, и другой духъ, богъ и т. п. и обѣщаютъ всевозможныя блага тому, кто будетъ читать, хранить, распространять эту книгу.

Иногда книга служитъ чисто для монастырскихъ цѣлей, для показанія, что Будда былъ здѣсь или предсказалъ о насъ.

Поэтому, что же удивительнаго, что въ Ганьчжурѣ считается 108 томовъ, а въ китайскомъ собраніи, разгонисто напечатанномъ, 7.800 тетрадокъ (чжэцзы). Буддисты увѣряютъ, что книгъ было много, да онѣ сгорѣли. Но заглянемъ въ книги махаяническія: тибетскій Юмъ состоитъ на санскритскомъ изъ 100.000 шлокъ, у Китайцевъ парамита еще больше; но чѣмъ онѣ всѣ набиты? Обстановка, о которой мы сказали, какъ можно болѣе растянута. Но растянутѣе самаго изложенія трудно что̀ и вообразить; можно впередъ наизусть прочитать то, что̀ сказано въ цѣлыхъ томахъ, никогда ихъ не читавъ. Дѣло въ томъ, что въ праджня-парамитѣ перечисляется постоянно болѣе ста терминовъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе и проч., но если надобно сказать, что всѣ эти термины пусты, чисты, ни откуда не приходятъ, никуда не уходятъ, то въ книгѣ непремѣнно написано: зрѣніе пусто, слухъ пустъ, обонятіе пусто и т. д., перечисляются

шинѣ которой находилось небо Триястринха, обитаемое Индрою; тогда, значитъ, еще не знали Брамы. Вокругъ Сумеру ходятъ солнце, луна и звѣзды. Потомъ такая космологія показалась недостаточною — и допустили существованіе тысячи Сумеру, но и этого показалось мало; тысяча малыхъ тысячъ стала называться среднею тысячью, а тысяча среднихъ — великимъ трехтысячьемъ. Значитъ, въ то время еще не умѣли правильно выражать и счетъ.

всѣ термины; затѣмъ снова говорится: зрѣніе чисто, слухъ чистъ, зрѣніе ни откуда не приходитъ и т. д. Или, напримѣръ: зрѣніе пусто слухомъ, зрѣніе пусто обоняніемъ, и т. д., потомъ, слухъ пустъ зрѣніемъ, слухъ пустъ обоняніемъ. Словомъ, pronomina sunt odiosa.

Но что жь уполномочило буддизмъ не церемониться нисколько съ своими постоянными измѣненіями? Говорить ли о значеніи фразы, выступившей будто бы на первыхъ соборахъ: „Что̀ имѣетъ смыслъ (или что приноситъ пользу), то и есть ученіе Будды".

Въ послѣдствіи буддизмъ, увлекшійся въ полемическіе споры съ другими сектами, усвоилъ себѣ логику и діалектику. Китайцы еще не перевели этихъ книгъ, хотя и упоминаютъ о нихъ вскользь; ясно, что науки двигались въ Индію съ запада. И странная вещь,—этотъ буддизмъ, столь чуждающійся всего мірскаго, готовый на словахъ подавить всякую жизнь, является нынѣ лучшимъ представителемъ науки едва-ли не на всемъ востокѣ. Тибетскіе и монгольскіе монастыри имѣютъ факультеты не только богословско-философскіе, но и медицинскіе, математическіе, разумѣется, съ примѣсью астрологіи, и этими-то именно познаніями ламы и сумѣли распространиться, сдѣлать себя необходимыми. Въ то же время, хвалящійся покровительствомъ наукъ Китай не имѣетъ до настоящаго времени никакихъ школъ, въ которыхъ преподавалось бы что-нибудь другое, кромѣ классическихъ книгъ, — хотя бъ исторія и географія своей страны, или хотя какая-нибудь граматика!

III.

Даосизмъ.

„Даосизмъ есть самый разнородный составъ всякаго рода вѣрованій и пріемовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, даже не старавшихся обобщиться посредствомъ какой-нибудь системы. У всѣхъ у нихъ одного общаго только имя, да то, что всѣ они согласно признаютъ своимъ учителемъ Лао-цзы. Но Лао-цзы училъ о чистотѣ и недѣятельности, Чисунъ-цзы и Вэй-боянъ съ своими послѣдователями стали проповѣдывать о возможности достигнуть долгой жизни и безсмертія (лянь-янъ), и молчали о метафизическихъ началахъ чистоты. Послѣдователи Лу-шэна, Ли-шао-цзюнь'я и Люань-да толковали о снадобьяхъ, не говоря о созерцаніи; Чжанъ-дао-линъ и Коуцянь-чжи стали толковать о магическихъ талисманахъ, не заботясь ни о чемъ другомъ, а со временъ Ду-гуанъ-тина слѣдующіе учителя дао-

сизма стали заниматься исключительно цзинами и религіозными обрядами".

Вотъ какъ говоритъ о даосизмѣ извѣстный писатель Ма-дуаньлинъ. Но мы думаемъ, что общая связь всѣхъ разнородныхъ системъ даосизма заключается въ ихъ протестѣ противъ конфуціанства, въ принятіи именно того, что̀ не согласно съ этимъ ученіемъ, въ соединеніи подъ одно знамя всѣхъ недовольныхъ. Для этой цѣли даосизмъ старается сгруппировать вокругъ себя все, что̀ было не досказано конфуціанствомъ, что̀ было имъ не подобрано, въ свое время, изъ полуисторической жизни народа, чего оно не хотѣло принимать, какъ пришлое извнѣ. Съ этой точки, мы готовы даже болѣе еще расширить рамки даосизма; все въ китайской, хотя бы даже и конфуціанской литературѣ, что̀ не принадлежитъ къ псевдо-серіознымъ трактатамъ объ обязанностяхъ человѣка или къ философскимъ воззрѣніямъ новаго конфуціанства, о которыхъ будемъ говорить ниже, можно причислить къ даосизму. Такъ, китайская литература обладаетъ обширнымъ собраніемъ романовъ и повѣстей, основанныхъ на чудесномъ; это чудесное встрѣчается и въ драмахъ, намеки на него—любимый оборотъ поэтовъ; чудесное входитъ въ исторію дѣйствительныхъ историческихъ личностей, ихъ жизнь обставлена также легендами; всѣ такія произведенія китайской фантазіи, все, въ чемъ отражаются народныя повѣрія, хотя бы въ самой наукѣ, все можетъ быть названо даосизмомъ. Мы готовы причислить сюда даже всѣ мнѣнія тайныхъ обществъ и сектъ, потому что они борятся съ неудовлетворяющимъ ихъ конфуціанствомъ; самое слово „секретъ", талисманъ уже въ духѣ даосизма. Мы видѣли уже, что конфуціанство долго было распространяемо только между народомъ, но не находило исключительной поддержки ни въ одномъ правительствѣ, даже во времена удѣловъ; когда соединился Китай, то Циньши-Хуанди явился противникомъ и преслѣдователемъ этого ученія; Ханьскій домъ только по неволѣ призвалъ его для того, чтобы ввести дисциплину. Между тѣмъ, Циньши-Хуанди и первые Ханьскіе императоры были даосисты; извѣстный исторіографъ Сымацянь былъ также послѣдователемъ этого ученія, и можно сказать, что названіе даосизма давалось, въ то время, всѣмъ несогласнымъ съ конфуціанствомъ, а не предполагало какой-нибудь системы или правильно организованной религіи. Но что̀ могли противоставить конфуціанству недовольные? Китайская литература въ то время не была богата, конфуціанцы захватили въ руки всѣ лучшія книги и памятники, много трудились надъ ихъ обработкой и

развитіемъ. Оставалась одна старая книга, тогда еще не вошедшая въ конфуціанство,—это И-цзинъ, книга гадательная. Безсвязный языкъ ея свидѣтельствуетъ объ ея древности; китайская нація и правительство равно были пропитаны суевѣріями, гаданія были въ общемъ ходу, они особенно нужны были во время войнъ, веденныхъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Войны же, конечно, вызвали и медицину; при суевѣріяхъ и она обратилась въ волшебство. Мы находимъ, что уже въ самое древнее время въ Китаѣ были волхвы, умѣвшіе вызывать дождь: для чего онъ нуженъ? Конечно, скорѣе всего для сельскаго хозяйства. Конфуціанство держалось практической стороны, вопросовъ гражданской жизни; на первыхъ порахъ оно отказывалось говорить о загробной жизни, о какихъ-то таинственныхъ связяхъ съ духами. Конечно, оно не могло вполнѣ освободиться отъ суевѣрій, но если оно и допускало жертвы, то смотрѣло на нихъ, какъ на общепринятые обычаи, и внесло въ нихъ идею о томъ, что надобно приносить жертвы всему, что̀ приноситъ пользу человѣку [1]). Мы упомянули уже, что Циньши-Хуанди оставилъ въ покоѣ книги астрологическія, медицинскія и сельскаго хозяйства. Можно думать, что и послѣднее не чуждо было суевѣрій; въ самомъ конфуціанствѣ, въ книгѣ церемоній, мы находимъ астрологическій календарь. Итакъ, гаданіе и медицина, въ соединеніи съ суевѣріями, поддерживающими вѣру въ волшебство, вызвали даосизмъ на борьбу съ конфуціанствомъ.

Исторія говоритъ, что Циньши-Хуанди вѣрилъ суевѣріямъ, что онъ допускалъ къ себѣ шарлатановъ, которые увѣряли, что есть средства достигнуть безсмертія, летать по воздуху, принимать различныя превращенія. Не только первые Ханьскіе И-ры, но и У-ди вѣрили въ магическія заклинанія, въ волшебство: его старшій сынъ и наслѣдный принцъ былъ убитъ по наговору въ волшебствѣ. Надобно видѣть, какой шумъ произвело въ Китаѣ открытіе западнаго края, то-есть, подчиненіе Китаю всей Средней Азіи до Бактріаны, въ которой тогда еще не могло изгладиться воспоминаніе о греческомъ образованіи. Китайцы въ первый разъ тогда познакомились съ кумирами, которымъ во дворцахъ приносили жертвы, молились о счастіи, совершали какіе-то обряды. Память объ этомъ первомъ соприкосно-

[1]) Конфуціанству оказались чужды и прочія реальныя знанія. Когда одинъ князь сталъ спрашивать Конфуція о военныхъ дѣлахъ, то онъ, въ негодованіи, на другой же день оставилъ его царство. Когда ученикъ сталъ спрашивать его о земледѣліи, то онъ возражаетъ: «Куда мнѣ сравняться съ старымъ пахаремъ!»

вени съ западомъ осталась несомнѣнно въ сказаніяхъ даоскихъ; тогда появились сказки о садахъ гесперидскихъ, утопіи, мертвомъ морѣ, на которомъ тонетъ пухъ, о булатныхъ мечахъ, разсѣкающихъ яшму, о клеѣ, связывающемъ порванную тетиву. На западѣ существуетъ китайско-даосійскій Олимпъ съ дворцами Ванъ-му, матери боговъ, съ персиками, которые доставляютъ безсмертіе. Даосизмъ, видимо, обрадовался поддержкѣ въ своихъ суевѣріяхъ съ запада; онъ, видимо, старается извлечь Китай изъ односторонней замкнутости, покровительствуемой конфуціанствомъ, презирающимъ все иностранное; рисуетъ по образцу запада прелести и другихъ частей свѣта, какъ-бы хочетъ этимъ прямо сказать, чтобы Китай не думалъ о себѣ высоко. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ антагонизмъ конфуціанскимъ идеямъ помогъ много въ послѣдствіи и водворенію буддизма, какъ религіи, пришедшей съ запада. Оттого-то конфуціане такъ и осуждали усилія китайскаго правительства расширить свои владѣнія на западѣ, доказывая, что эти земли безполезны, требуютъ много издержекъ; они опять начали вооружать противъ правительства народъ, возбудили въ немъ ропотъ.

Какъ бы то ни было, въ основу даосизма легли одни суевѣрія— вѣрованія въ возможность достигнуть продолжительной жизни, безсмертія. Онъ стремился найдти средства къ этому въ діететическихъ предписаніяхъ, толкуя о пищѣ, вліяніи слюны, постукиваніи зубами, дерганіи волосъ, гимнастическихъ позахъ. Затѣмъ, когда даосизмъ познакомился съ буддизмомъ, то передѣлалъ изъ него созерцаніе. Другимъ средствомъ для продленія жизни считалось составленіе пилюль. Иные обратились къ составленію талисмановъ, заключавшихся большею частью въ вычурныхъ фигурахъ, предполагаемыхъ выраженіемъ сочетанія 8-и видовъ чистѣйшаго воздуха. Но и это едва-ли не сформировано по образцу буддистовъ, приписывавшихъ великую силу дарани, то-есть, заклинаніямъ.

Но даосизмъ, при всей поддержкѣ, оказываемой имъ суевѣріямъ, понималъ очень хорошо, что онъ не можетъ бороться съ конфуціанствомъ, если не оспоритъ самыхъ идей его, если не придастъ своимъ вѣрованіямъ исторической опоры. Вотъ почему онъ выставилъ своимъ основателемъ Лао-цзы, который былъ будто бы современникомъ Конфуція, но старше его годами. Лао-цзы значитъ старикъ или старшій годами философъ. Это не настоящее имя его; звали его будто бы Ли-дань. Конфуцій былъ историкъ, но кто его сдѣлалъ историкомъ? Лао-цзы былъ настоящій исторіографъ, исторіографъ правительственный, при Чжоускомъ дворѣ, а не при какомъ-нибудь удѣльномъ

княжествѣ. На этомъ основаніи, даосисты стали послѣ увѣрять, что ихъ ученіе происходитъ отъ исторіографовъ, и постарались, и безъ того уже искаженную, исторію обогатить новыми небывалыми фактами. Конфуцій начинаетъ свою исторію съ Яо и Шуня. Даосецъ Сымацянь начинаетъ ее еще раньше, съ Хуанди, жившаго будто бы около Пекина. Но Хуанди, кромѣ того, что вознесся на драконѣ на небо (о чемъ, однакоже, не говоритъ Сымацянь), знаменитъ тѣмъ, что ему приписывается древнѣйшая медицинская книга, толкующая о двухъ силахъ инь и янъ, и которою воспользовались даосы. Послѣдующіе даосы вознесли исторію еще выше: они создали государя изъ Фуси, положившаго будто бы начало И-цзину, и Шэньнуна, изобрѣтателя земледѣлія. Но исторія увѣряетъ, что собственно нѣкто Цао-шень сталъ толковать Ханьскому императору Вэнь-ди (179—156 гг. до Р. Х.) о Лао-цзы и Хуанди. Сымацянь, разказывая о встрѣчѣ Конфуція съ Лао-цзы, помѣщаетъ отзывъ послѣдняго о церемоніяхъ и затѣмъ отзывъ Конфуція о Лао-цзы, какъ о драконѣ, еще очень темно выражая мысль о превосходствѣ послѣдняго [1]). Изъ его разказа еще не видно, какъ названа была книга, которую Лао-цзы сочинилъ для начальника западнаго прохода, когда онъ проѣзжалъ на западъ, гдѣ не извѣстно что̀ съ нимъ сталось; Сымацянь говоритъ только, что эта книга заключалась въ двухъ главахъ, толкующихъ о *пути* (Дао [2]) и достоинствахъ (Д'э), и содержала 5.000 іероглифовъ. Странно, къ чему тутъ нарочно показанъ счетъ іероглифовъ въ книгѣ, какъ будто Сымацянь хочетъ непремѣнно освободить ее отъ подложности. Для насъ очень знаменательно и то, что Сымацянь, или лучше сказать, дошедшія до него легенды, ведутъ Лао-цзы на западъ, какъ

---

[1]) Кунцзы, прибывъ въ Чжоу, спросилъ его (Лао-цзы) о церемоніяхъ Лао-цзы отвѣчалъ: «Ты говоришь, какъ будто о человѣкѣ (ты говоришь, какъ человѣкъ?), который сгнилъ и съ костями, а остались одни слова; благородный мужъ, если найдетъ благопріятное время, то разъѣзжаетъ въ колесницѣ, нѣтъ—такъ ходитъ подъ тяжестію; я слыхалъ, что купецъ скрываетъ свои богатства, какъ будто у него пусто; благородный мужъ и при величайшихъ достоинствахъ имѣетъ видъ какъ бы глупаго; оставь свою гордость со страстями и пожеланіями похоти, которыя не приносятъ пользы тѣлу; вотъ что я могу сказать тебѣ и ничего болѣе». Кунцзы, разставшись съ Лао-цзы, сказалъ своимъ ученикамъ: «я знаю, какъ птицы умѣютъ летать, рыбы плавать, звѣри бѣгать; бѣгущаго можно остановить тенетами, плавающаго—сѣтями, летающаго—силками; но, что касается до дракона, я не знаю, какъ онъ по вѣтру и облакамъ восходитъ на небо; встрѣтивъ нынѣ Лао-цзы, я нахожу его подобнымъ дракону».

[2]) Это-го слово *дао* — путь — и дало названіе даосизму; названіе *дао жень* — человѣкъ пути, — давалось сначала и буддистамъ.

будто указывая на связь этой книги съ западомъ. Въ новѣйшее время, въ дошедшей до насъ книгѣ отыскали уже имя Іеговы; оно, хотя и переписанное китайскими іерографами, которымъ даютъ соотвѣтственное языку толкованіе, поражаетъ однако уже тѣмъ, что китайскій языкъ собственно не употребляетъ для названія больше двухъ іероглифовъ (а здѣсь три), да и идея, выражаемая ими, также подходитъ къ западнымъ понятіямъ о Божествѣ, совершенно прежде неизвѣстномъ на востокѣ.

Языкъ Лао-цзы тоже поражаетъ своею формой; онъ хотя и теменъ по отвлеченности идей, но правильнѣе граматически, чѣмъ языкъ, напримѣръ, того же Лунь-юй'я; онъ гораздо легче сформированъ, чѣмъ языкъ Чжуанъ-цзы, современника Мэнъ-цзы. А этого Чжуанъ-цзы собственно и называли прежде всего основателемъ даосизма. По крайней мѣрѣ, одно, что мы можемъ сказать о сочиненіи Лао-цзы утвердительно, такъ это то, что оно не могло быть написано въ то время, къ которому его причисляютъ. Свидѣтельство на лицо: хотя Лао-цзы и толкуетъ о бездѣйствіи и чистотѣ, но онъ ратуетъ отъ лица ихъ противъ церемоній, противъ конфуціанскаго человѣколюбія, мудрости. Значитъ, эта книга написана тогда, когда идеи конфуціанства уже пріобрѣли вѣсъ, сдѣлались до такой степени извѣстными, что заставили другихъ говорить, судить о нихъ:

„Если не уважать добродѣтельныхъ, то люди не будутъ спорить..

„Небо и земля не имѣютъ человѣколюбія.. святые (положимъ, высшія существа) не имѣютъ человѣколюбія.

„Когда великое *дао* потеряно, тогда уже является человѣколюбіе и истина; разумъ и благоразуміе вытекаютъ изъ великой лжи; когда нарушается гармонія въ родствѣ, тогда только является почтительность сыновняя и любовь родительская; когда государство возмущено, тогда только являются преданные престолу чиновники.

„Когда потерянъ путь (дао), являются доблести (д'э); потеряны доблести,—является человѣколюбіе, истина, церемоніи... Церемоніи жь имѣютъ самое ничтожное значеніе въ преданности и вѣрности, напротивъ, онѣ—глава безпорядка".

Ужели можно было говорить такъ опредѣлительно, не имѣя въ виду конфуціанства?

Но чего же добивается Лао-цзы, на какихъ началахъ онъ основываетъ свою систему? Еслибъ его трудъ дѣйствительно принадлежалъ VI столѣтію до Р. Х., то мы могли бы сказать съ полнымъ правомъ: смотрите на Китай, развившійся такъ рано въ граждан-

скомъ быту; онъ является въ человѣчествѣ представителемъ и самой выспренней философіи, какой въ то время еще и не существовало во всемъ мірѣ.

„Существующее и не существующее рождается другъ отъ друга.

„Самая высшая пустота прочно поддерживаетъ чистоту".

На этихъ основаніяхъ Лао-цзы говоритъ, что существуетъ путь непреложный, абсолютный, котораго нельзя обозначить именемъ; что общее имя, какъ существованію, такъ и несуществованію, которыя проявились вмѣстѣ, но различились по названію, есть темное (Сюань), темное изъ темныхъ. Потому святый мужъ (чтобъ обратиться къ самому высшему пути) пребываетъ въ бездѣйствіи; онъ держитъ свое сердце въ пустотѣ, не допускаетъ знанія до дѣйствій, не допускаетъ знанія внутрь себя для того, чтобъ ослабить свои желанія,—дѣйствуетъ въ бездѣйствіи.

„Когда святый мужъ небрежетъ о своемъ тѣлѣ, то его тѣло выступаетъ впередъ, и онъ можетъ достигнуть долголѣтія; когда онъ не думаетъ о собственной пользѣ, то можетъ совершить собственную пользу.

„Не спорить, то-есть, ничего не добиваться, быть подобнымъ водѣ, которая находится внизу, и между тѣмъ, приноситъ пользу всѣмъ тварямъ, заботиться о простотѣ и маложеланіи"—вотъ что рекомендуетъ Лао-цзы. „Домъ, наполненный золотомъ и драгоцѣнными камнями, нельзя оберечь; богатство и знатность возбуждаютъ гордость и влекутъ за собою вину (несчастіе); небесный путь требуетъ, чтобъ доблести отступали вслѣдъ за тѣломъ".

Но эти идеи не могутъ, въ одно и то же время, не поразить насъ сходствомъ со взглядомъ буддистовъ на міръ въ проповѣдуемомъ и ими отверженіи всякой дѣятельности, съ ея пустотою механическою. Ужели должно объяснять это тѣмъ только, что духу человѣческому сродно независимое проявленіе однѣхъ и тѣхъ же идей въ различныхъ мѣстностяхъ?

По крайней мѣрѣ мы думаемъ, что нашъ Лао-цзы не опередилъ Чжуанъ-цзы, а представляетъ, въ болѣе обработанной философскимъ языкомъ формѣ, идеи послѣдняго; и тотъ говоритъ тоже о бездѣйствіи, чистотѣ или отреченіи отъ всего; но онъ принялъ особую методу выяснять отвлеченныя идеи—въ формѣ басенъ. Китайцы думаютъ, что онъ писалъ басню для басни, выдумывалъ небывалые предметы, а даосы основываютъ на нихъ свою миѳологію. Правда, такое принятіе поэтическихъ вымысловъ за дѣйствительность есть очень обыкновенное явленіе у всѣхъ народовъ; но въ Чжуанъ-цзы главная цѣль

заключается не въ томъ, чтобы сохранить для потомства имена, а чтобы, такъ-сказать, наглядно выразить свои идеи. Можетъ-быть, онъ бралъ своихъ миѳологическихъ животныхъ и не существующія личности и духовъ и изъ народныхъ повѣрій; но не для того, чтобы, какъ сдѣлали послѣ, освятить ихъ существованіе, а для того, чтобъ облечь въ формы свои идеи. Онъ говоритъ о рыбѣ *гунь*, величиной въ нѣсколько тысячъ ли (миль), живущей въ Сѣверномъ океанѣ и превращающейся въ птицу *пынъ* (*ногъ* у Арабовъ) съ тѣмъ, чтобы, поднявшись на 90.000 ли вверхъ, летѣть на Южный океанъ, и изъ сравненія этой птицы съ мушками, которыя какъ бы ни старались взлетѣть на иву или тополь, при всѣхъ своихъ усиліяхъ падаютъ на землю, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: малое знаніе не доходитъ до большаго, живущій краткое время не пойметъ, какъ живутъ долго; слѣдовательно, остается судить о всемъ въ его границахъ.

Онъ выводитъ разговоръ Яо съ Сюй-ю, которому Яо будто бы уступалъ престолъ,— для того, чтобы сказать, что человѣку не надо многаго, подобно мыши, которая хотя и пьетъ изъ большой рѣки, но не болѣе того, сколько пойдетъ въ ея брюхо. У него нѣтъ цѣли доказать, что существовали государи южнаго моря Цзяо, сѣвернаго— Ху и средины—Хунъ-тунь, у котораго не было семи отверстій: глазъ, ушей, ноздрей и рта; разказывая, что Цзяо и Ху, принятые Хунъ-тунь'емъ въ гости, рѣшились изъ благодарности просверлить ему хотя одно отверстіе, отъ чего Хуанъ-тунь умеръ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду сказать, что всякій долженъ быть доволенъ тѣмъ, что ему дала природа [1]).

Но Чжуанъ-цзы и не скрываетъ, что ему знакомо конфуціанство: онъ очень часто выводитъ на сцену не только Конфуція (Чжунъ-ни), но и ученика его Яньхуй'я, котораго ставитъ даже выше учителя. Вотъ потому-то именно, что Чжуанъ-цзы сочиненъ былъ послѣ Конфуція, и составили легенду о Лао-цзы, жившемъ ранѣе, и дали ему книгу въ руки.

У Чжуанъ-цзы прямо высказывается антагонизмъ противъ конфуціанства, противъ его человѣколюбія, мудрости; онъ ставитъ въ вину святымъ мужамъ, что они изуродовали вселенную своими постановленіями, отъ которыхъ явились споры и корыстолюбіе. Вотъ статья.

---

[1]) Замѣчательна слѣдующая статья: «нѣкогда Чжуанъ-Чжоу (Чжуанъ-цзы) видѣлъ во снѣ, что онъ превратился въ бабочку, со всѣми свойствами и мыслями, какъ будто и не зналъ, что есть Чжуанъ-Чжоу; проснувшись онъ опять сталъ Чжуанъ-Чжоу»

больше всего не нравящаяся конфуціанцамъ, которые принимаютъ ее серіозно къ сердцу.

Разбитіе сундука (цзѣ-куй). „Чтобы защититься отъ воровъ, разламывающихъ сундуки, развязывающихъ мѣшки, лазящихъ по коммодамъ, крѣпко запираютъ или завязываютъ ихъ; и это въ мірѣ называется благоразуміемъ. Но приходятъ болѣе сильные воры (разбойники) и уносятъ сундуки, мѣшки и коммоды; такимъ образомъ то, что̀ названо было благоразуміемъ, не послужило ни къ чему противъ (сильныхъ) разбойниковъ. Такъ-называемые мудрецы (святые)—поставили ли и они преграду противъ разбойниковъ? Въ древности [1]), въ царствѣ Ци, города и селенія переглядывались между собою, лай собакъ, пѣнье пѣтуховъ слышны были на всемъ пространствѣ государства; слѣдовательно, какъ не сказать, что тутъ все было устроено по закону мудрыхъ людей. И что же? Въ одно утро, Тяньчэнъ-цзы убилъ государя царства Ци и укралъ не только его государство, но и всѣ законы мудрости и благоразумія; и такъ, онъ по имени былъ воръ и разбойникъ, а по мѣсту сталъ наравнѣ съ Яо и Шунемъ! Ученики спросили у (своего учителя) Чжи: у воровъ есть ли также путь (дао)? Чжи отвѣчалъ: куда ни повернись, вездѣ есть путь; думающій о богатствахъ внутри дома̀ называется мудрымъ; тотъ, кто идетъ впередъ, есть мужественный; выходящій сзади (то-есть, уступающій другимъ дорогу) называется справедливымъ; знающій, что̀ должно быть или нѣтъ, есть ученый; раздѣляющій пропорціонально называется человѣколюбивымъ; еслибъ не было этихъ пятерыхъ, то во всей вселенной никогда не было бы разбойниковъ.... Въ поднебесной хорошихъ людей мало, а дурныхъ много; поэтому пользы отъ святыхъ людей мало, а вреда весьма много; потому то и говорится: когда губы отпадутъ, то зубы озябнутъ..... Когда родится мудрый мужъ, то поднимаются разбойники, и они не переведутся пока не умретъ мудрость; управлять вселенною, уважая святыхъ, значитъ подстрекать разбойниковъ, и этого нельзя остановить! Потому и говорится: (не нужно) вынимать рыбу изъ пучины; дорогія вещи государственныя (нельзя) показывать людямъ, а эти мудрые люди суть дорогая вещь въ государствѣ и не назначены свѣтить во вселенной.

---

[1]) Если принять, что Чжуанъ-цзы жилъ въ послѣдней половинѣ IV вѣка до Р. Х., а происшествіе, о которомъ онъ упоминаетъ, случилось въ первой половинѣ того же столѣтія, то какъ могъ онъ назвать это происшествіе древнимъ? Очевидно ужь изъ этого одного, что Чжуанъ-цзы сочиненъ гораздо позже, какъ позже и современное ему сочиненіе Мэнъ-цзы.

Итакъ, если отбросить мудрость и благоразуміе, то не будетъ большихъ воровъ; если разрушить яшмы и жемчужины, то не будетъ воровъ малыхъ; если разломать мѣры и вѣсы, то не будетъ спору (далѣе нападается, такимъ образомъ, на учрежденія, музыку, искусства).... если прекратится большое искусство, то обнаружатся дѣйствія Лускаго историка (Конфуція), и зажмется ротъ ученикамъ Янъцзы и Мо-цзы; если отбросятъ человѣколюбіе и истину, то только съ той поры добродѣтели начнутъ быть повсемѣстными во вселенной!“ [1]).

Но даосизмъ принялъ окончательную форму религіи только тогда, когда распространился въ Китаѣ буддизмъ. Первые буддисты, какъ видно, были больше тоже фокусники, и Китайцы называли ихъ однимъ именемъ съ даосами (дао-жень). Но когда буддизмъ сталъ распространять свою литературу, то что̀ сдѣлали старые даосы? Они также стали издавать свои книги на образецъ буддійскихъ, примѣняя ихъ къ своему Лао-цзы, изъ котораго они теперь, по примѣру Будды, сдѣлали бога — Лаоцзюнь'я. „Этотъ Лаоцзюнь родился самъ собою прежде великаго несуществованія; онъ не имѣетъ причины (которая бы его произвела), его нельзя опредѣлить существованіемъ вселенной; катясь вмѣстѣ съ великимъ дао, онъ создаетъ вселенную, разливаетъ дыханіе во всѣхъ странахъ; онъ ниспускается, какъ государственный учитель, во всѣ времена, хотя люди и не знаютъ болѣе того, что при династіи Чжоу онъ снова воплотился въ фамиліи Ли и родился изъ лѣваго бока (какъ и Шакіямуни). Названіе Лао-цзы (стараго философа) показываетъ происхожденіе его прежде неба и земли, но и то между людьми, а то это названіе началось прежде безчисленнаго множества калпъ.

„Что̀ такое дао? Нить пустоты и несуществованія, корень творенія,

---

[1]) Къ даосскимъ философамъ, жившимъ въ древнія времена, относятъ еще: 1) сочиненіе того самаго Иньси, который будто встрѣтилъ Лао-цзы въ проѣздѣ на югъ, но оно составлено уже при Сунской династіи, царствовавшей съ 960 года по Р. Х.; 2) Лѣ-цзы, книга философа, жившаго будто спустя только 50 лѣтъ послѣ Конфуція; о существованіи этой книги свидѣтельствуетъ Эръ-я; Чжуанъ-цзы также не разъ ссылается на Лѣ-цзы; но въ сочиненіе его вошло много вставокъ, доказывасмыхъ тѣмъ, что упоминается о дѣлахъ, совершившихся послѣ Лѣ-цзы; 3) Вэнь-цзы почитается современникомъ Конфуція, ученикомъ Лао-цзы, котораго идеи онъ и истолковалъ; но оказывается, что это - компиляція, составленная только до Таньской династіи. Вань-ши-юань, жившій при Таньской династіи, написалъ Ханъ-цанъ-цзы или выборъ статей изъ Лѣ-цзы, Вэнь-цзы и прочихъ. Лао-цзы и Чжуанъ-цзы вовсе не такія книги, которыми бы пренебрегали конфуціанцы,—они ихъ не только читаютъ, но многіе знаменитые ученые, какъ напримѣръ, Сыма-гуанъ, не стыдились писать свои толкованія на Лао-цзы.

основаніе духовнаго, начало неба и земли; нѣтъ ничего внѣ его, нѣтъ ничего такого сокровеннаго, которое бы не заключалось въ немъ.

„Что̀ такое д'э (достоинство?) То, что̀ получено небомъ и землею, то, изъ чего получаютъ силы Инь и Янъ".

Буддисты говорятъ о безначальности міра, и даосы составили ученіе о калпахъ; буддисты толкуютъ о существованіи трехъ міровъ, и даосы вводятъ ихъ у себя, даже называютъ тѣми же именами, описываютъ, подобно буддизму, ростъ, образъ жизни, одѣянія небожителей. Но чтобы скрыть передѣлку, выше этихъ міровъ даосскія книги принимаютъ четыре неба Брамы и міръ Брамы Пурохиты, извѣстные и въ буддійской космологіи. Названіе четырехъ двиповъ также чисто буддійское. У буддистовъ есть ученіе о преемствахъ, и даосы сочинили, что ученіе Лао-цзы переходило отъ него изъ рукъ въ руки [1]).

У буддистовъ есть ученіе о трехъ янахъ, о двѣнадцати формахъ въ религіозныхъ книгахъ; даосы выводятъ на сцену трехъ Баоцзюней (Тянь-Линъ-Шэнь-бао-цзюнь), изъ которыхъ каждый произноситъ по янѣ, состоящей изъ 12-ти отдѣловъ [2]). Первая буддій-

---

[1]) Изъ этихъ преемниковъ шестой, Чжанъ-линъ, былъ названъ небеснымъ учителемъ (Тянь-ши), и Лао-цзы поручилъ ему управленіе Юньтай или облачною башнею, передалъ ему книгу объ огненномъ мохѣ (чжи) и огненномъ безсмертномъ (Хо чжи хо сянь цзинъ); научилъ, какъ принимать превращенія, достигнуть долгой жизни и безсмертія, какъ возноситься на небо. Послѣ пятнадцатаго преемника Сунь-бо, преемство будто прекратилось, но Лао-цзы передалъ его Юань-фан'у Потомъ двадцать шестой Гуанъ-ши удалился въ Нань э (южный пикъ) и на гору Тянь-тай-шань; но черезъ 85 лѣтъ Лао-цзюнь, ниспустившись на гору Лу-шень, приказалъ Ши-цунь'ю принять преемство. Тридцать-шестой Сюй-сюнь вошелъ на небо и преемство снова прекратилось; Лао-цзюнь послалъ Хэ-юаня приказать Чжэнъ-сы-юан'ю принять преемство. Изъ учениковъ Чженъ-сы-юаня замѣчательны двое: Гэ-хунъ и Личунь-фынъ; послѣдній одинъ считается прямымъ преемникомъ. Но настоящее преемство въ историческихъ лицахъ начинается не ранѣе 365 года, когда, говорятъ даосы, всѣ праведники, ниспустившись, вручили цзины и патенты (лу) Янъ-цзюн'ю. Ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ того, въ 465 году, при южномъ Сунскомъ дворѣ, въ первый разъ приказано собирать даосскія книги. Лу-цзюнь исправилъ, говорятъ, эти книги, учредилъ обѣты и посты и ввелъ нынѣшнія церемоніи; для него построена была даосская кумирня Чуй-сюнь-гуань. Преемникомъ Лу-цзюнь'я былъ Сунь-цзюнь; за нимъ извѣстенъ Тао-цзюнь, при которомъ собрано таинственное ученіе (Фа-ми-дянь). Потомъ были: Фань-цзюнь, Сыма-цзюнь и Ли-цзюнь. Послѣдній умеръ въ 769 году Мы видимъ, что названіе цзюнь стало съ Янъ-цзюнь'я придаваться всякому.

[2]) Къ этимъ тремъ янамъ полагаются дополнительными еще три: Тай-юань, Тайпинъ и Тай-цзинъ, и наконецъ еще Чжэнъ и фа-вэнь, — прямой и единый

ская книга, переведенная въ Китаѣ, называлась 42-хъ-статейною; у даосовъ является тоже 39 статей, изъ которыхъ каждая произнесена однимъ изъ бао-цзюней. Во многихъ книгахъ названія ихъ въ концѣ также сходны съ буддійскими; только даосы стараются перещеголять буддистовъ богатствомъ фантазіи, или лучше сказать, наборомъ словъ. Вотъ, для образчика, вкратцѣ, метода изложенія подобныхъ книгъ:

Слышалъ (у буддистовъ: такъ мною слышано), что когда не было еще неба и земли (далѣе перечисляется, чего еще не было), только нашъ Лао-цзюнь существовалъ еще въ пустомъ началѣ, о которомъ нельзя сказать, чтобъ оно было, потому что не было формы, и нельзя сказать, чтобъ его не было, потому что изъ него родились всѣ твари. Потомъ, внѣ восьми странъ свѣта (востокъ, сѣверо-востокъ и проч.), мало по малу начали образовываться міры (высчитываются различные періоды хаоса).... наконецъ является Тай-чу (зародышъ, первое существованіе). Въ это время Лао-цзюнь ниспускается изъ пустоты и дѣлается учителемъ Тай-чу; онъ произноситъ изъ своихъ устъ книгу о сотвореніи міра въ 48.000 главахъ (цзюань), каждая глава (которая въ Индіи полагалась въ 300 шлокъ) состояла изъ 48.000 словъ, каждое слово было въ 100 миль (ли!!!). Тай-чу тогда только раздѣлилось на небо и землю, чистое отдѣлилось отъ мутнаго, явились образы, опредѣлились сѣверъ, югъ, направились востокъ и западъ, поднялись солнце и луна; но еще не было людей, которые создались потомъ изъ чистой эссенціи неба и земли. За періодомъ Тай-чу является періодъ Тай-ши (первоначальный), за нимъ Тай-су (простой); далѣе періодъ Кунь-тунь (хаосъ), въ которомъ появляются горы и рѣки; затѣмъ идутъ періоды: Цзю-гунъ, Юань-хуанъ и проч. Во всѣ эти періоды Лао-цзюнь принимаетъ видъ учителя и преподаетъ такую-то или такую книгу (вычурныя названія которой приводятся въ текстѣ). Послѣ періода Тай-лянь является Фу-си, при которомъ Лао-цзюнь ниспустился подъ именемъ У-хуа-цзы для наученія его 8 гуа (въ И-цзинѣ); затѣмъ, при Шэнь-нунѣ, онъ ниспустился подъ именемъ Дачэнъ-цзы....

законъ,—всего семь янъ, которые, однакожъ, и въ этомъ объемѣ называются еще: истинною литературою трехъ пещеръ. Семь отдѣловъ послужили Чжанъ-цзюнь-фану основаніемъ назвать свою книгу Юнь-цзи ци-цань: «Семь выписокъ изъ облачнаго собранія», которая есть сводъ всего даосизма; онъ пользовался 4.565 главами (цзюаніями) даосскихъ книгъ и сдѣлалъ болѣе 10.000 выписокъ. Мы пользовались ею для послѣдующаго обозрѣнія Чжанъ-цзюнь-фанъ жилъ при Сунскомъ императорѣ Чжэнь-цзунѣ, который былъ поборникомъ даосизма.

По образцу буддистовъ и у даосовъ явились обѣты; есть пять обѣтовъ: не убивать живыхъ существъ, не пить вина, не одобрять словами того, чего не одобряешь сердцемъ, не воровать и не предаваться сладострастію. Есть десять добрыхъ дѣлъ (у буддистовъ тѣла, слова — духа, но отличныя отъ перечисляемыхъ): 1) почтительность къ родителямъ [1]); 2) уваженіе къ государю и учителямъ; 3) любовь ко всѣмъ тварямъ; 4) терпѣніе; 5) чистота; 6) самопожертвованіе; 7) питаніе всѣхъ тварей (въ томъ числѣ сѣяніе травъ, сажаніе деревъ, разведеніе лѣсовъ); 8) разведеніе гостинницъ по дорогѣ (караванъ-сараи?); 9) доставленіе другимъ пользы, просвѣщеніе неразумныхъ; 10) чтеніе священныхъ (даосскихъ) книгъ (трехъ драгоцѣнностей), принесеніе куреній, цвѣтовъ и жертвъ.

Однакоже, съ цѣлью скрыть слѣды, даосизмъ отпустилъ плохую штуку съ буддизмомъ. Чтобы не подозрѣвали его въ заимствованіи у послѣдняго, даосы написали книгу о томъ, какъ Будда былъ просвѣщенъ, или лучше, рожденъ [2]) Лао-цзы, и тѣмъ дали понять, что если ихъ книги и походятъ на буддійскія, то это значитъ, что послѣднія взяты отъ нихъ, такъ какъ Лао-цзы, что̀ извѣстно и по исторіи, отправился на западъ, слѣдовательно, просвѣтилъ тамошнія страны [3]). Буддисты страшно негодовали на такое оскорбленіе; имъ бы ничего, что даосы переняли у нихъ многое, но оскорблять ихъ Будду! Они, при всякой возможности, протестовали противъ существованія такой книги и при Монгольской династіи, въ царствованіе Хубилая, даже добились того, что велѣно было ее сжечь и истребить.

Но даосизму буддизмъ нуженъ былъ только для примѣра, для образца; прежде онъ не зналъ еще, какъ пишутся религіозныя книги, онъ началъ теперь писать ихъ и не поддѣлываясь къ буддизму — сочинять свое, передавая или народныя вѣрованія, или просто на-

---

[1]) Какъ сильно было вліяніе конфуціанства, видно уже изъ этого термина; даосъ по обѣтамъ—тотъ же буддійскій монахъ, отрекающійся отъ міра, погибшій не только для своего государя, какъ подданный, но и для своего отца, какъ сынъ. И между тѣмъ, чтобы не смущать конфуціанцевъ, и онъ ставитъ почтительность къ родителямъ во главѣ добродѣтелей!

[2]) По даосскимъ легендамъ Лао-цзы, въ одно изъ своихъ путешествій на западъ, оплодотворилъ спящую мать Шакія-муни, отчего и родился Будда.

[3]) Однакожь, и это доказываетъ, что въ то время еще не говорили, что Шакія-муни родился за 1027 лѣтъ до Р. Х., какъ принято въ Китаѣ; именно, въ опроверженіе такой легенды, китайскіе буддисты и приняли послѣ такое раннее лѣтосчисленіе, но за то и даосы сдѣлали изъ Лао-цзы еще болѣе древнее воплощеніе.

полняя ихъ своими фантазіями Въ этомъ случаѣ даосы возвращаются къ прежнимъ бреднямъ, стараются опять сдѣлаться Китайцами. Конфуціанцы уважали письменность,—теперь даосы стали говорить о первоначальномъ ученіи, что оно писалось іероглифами восьми сочетаній, составленныхъ изъ нѣжнѣйшаго воздуха, писанными кистью великаго праведника Кунъ-юпь (пустое облако), и что книги состояли изъ золота, листы изъ яшмы и полагались въ книгохранилищѣ, находившемся выше небесъ, въ башнѣ изъ семи драгоцѣнностей. Сверхъ этого общаго письма, есть еще письмена курсивныя восьми драконовъ, объемомъ въ квадратную сажень, составленныя изъ взлетѣвшаго въ высоту воздуха, и которыхъ начало принадлежитъ небесамъ. Есть письмена мистическія (фу-талисманы), въ которыхъ чистѣйшее дыханіе Дао, означенное на бумагѣ чернилами, встрѣчаясь съ чистѣйшимъ духомъ вещей, отвращаетъ ложное, помогаетъ прямому, призываетъ всѣ благополучія, управляетъ перерожденіями, сохраняетъ цѣлыя калпы. Есть письмена яшмовыя, драконовыя, фениксовыя, каменныя, золотыя на яшмовыхъ дощечкахъ.

Явилось 18 уже своеобразныхъ, хотя и различныхъ системъ, разказывающихъ различно періоды міросданія (въ нѣкоторыхъ боги небесъ называются Тянь-цзунь — почтенный въ небѣ, подобно буддійскому Ши-цзун'ю - почтенный въ мірѣ). Появились названія высочайшаго (Тай-шанъ), небеснаго праведника (тянь-чжэнь), Му-гуна (деревянный князь), Цзинь-му (золотая мать). Даосы составили свою космологію, по которой считается девять небесъ, управляемыхъ каждое своими государями (ди). Поверхъ этихъ небесъ, есть еще небо Да-ло (большая сѣть), не имѣющее уже властителя и облегающее всѣ небеса; эта великая пустота покрыта еще разноцвѣтною радугою, по цвѣту которой небо называется желтымъ, мрачнымъ (цанъ), голубымъ (цинъ) и т. д.

Звѣздное небо стало играть важную роль у даосовъ. Эссенція янъ составила солнце, эссенція инь—луну, а обѣ вмѣстѣ образовали звѣзды и созвѣздія, изъ которыхъ одни называются смежными, а другія нанизанными. Между ними главное мѣсто занимаетъ сѣверное (бэй-чень): оно составляетъ средоточіе всѣхъ духовъ; каждая звѣзда имѣетъ своего правителя, но всѣ они зависятъ отъ сѣвернаго духа, который живетъ въ темнокрасномъ дворцѣ (Сюань-дань-гунъ) и называется Тай-и-цзюнь (властитель великаго единства). Но духъ полярной звѣзды (бэй-цзи), по другой системѣ, еще выше,—онъ завѣдуетъ девятью

небесами [1]), пятью пиками, повелѣваетъ всѣми учащимися на землѣ. Сѣверная медвѣдица (бэй-доу) имѣетъ государя, который прежде былъ Китайцемъ изъ мѣстности Цзянъ-ся; онъ завѣдуетъ всѣми безсмертными (сянь-Риши[2]). Изъ девяти звѣздъ, составляющихъ это созвѣздіе, видно только семь, а двѣ сокрыты; одинъ рабъ Ханьскаго министра Хогуана, увидавъ ихъ, прожилъ 600 лѣтъ, и вообще, если увидѣть побочную звѣзду около третьей въ этомъ созвѣздіи, то получишь не только долгую жизнь, но сдѣлаешься духомъ, безсмертнымъ Хуанди сказалъ: „Когда поютъ пѣтухи, то думай о семи звѣздахъ сѣверной медвѣдицы, и духъ небесный пришлетъ тебѣ лѣкарство, отъ котораго никогда не состарѣешься".

Каждая звѣзда соотвѣтствуетъ какому-нибудь чиновнику на землѣ, и потому въ ней замѣтно колебаніе, когда это званіе потрясено.

Самая земля населена священными мѣстами даосскаго ученія, но здѣсь уже легенды сосредоточиваются на одномъ Китаѣ. Здѣсь насчитываютъ десять большихъ или главныхъ пещеръ-небесъ (дунъ-тянь), которыя, находясь между знаменитыми горами, обитаемы безсмертными, посланными туда съ неба для управленія.

Потомъ, вѣроятно въ послѣдствіи, по мѣрѣ распространенія даосизма прибавили еще, тоже разумѣется въ Китаѣ, 36 малыхъ пещеръ, управляемыхъ также знаменитыми духами. За ними, тоже между горами, являются 72 благословенныя мѣста (фу-ди), которыя управляются праведниками (чжэнь-жень); здѣсь-то, по большей части, пріобрѣтается путь (дао).

Кромѣ того, Чжанъ-дао-линъ, когда пять святыхъ, явившихся къ нему, провозгласили его (какъ Лао-цзы) государственнымъ учителемъ, учредилъ 24 управы, въ которыхъ назначилъ сеймы для духовъ вселенной, чтобъ они наказывали злое и ложное. 24 управы соотвѣтствуютъ 28 созвѣздіямъ, и всѣ онѣ находятся въ провинціи Сы-чуань, ознаменованной подвигами Чжанъ-дао-лина. Поэтому-то, вѣрно, даосское ученіе, подъ именемъ бонбоскаго, и распространилось въ Тибетѣ, смежномъ съ провинціей Сы-чуань.

Но кромѣ этого, въ различныхъ книгахъ является еще много боговъ и духовъ. Въ Лао-цзы чжунъ-цзинъ перечисляется 55 духовъ. Вотъ описаніе нѣкоторыхъ: Тай-и (крайнее единство)—отецъ *дао*, есть первоначальный воздухъ; у него человѣческая голова, птичье тѣло,

[1]) По древнимъ легендамъ, государь девяти небесъ живетъ на колокольной горѣ (Чжунъ-шань) острова Пынъ-лай на сѣверо-восточномъ берегу Восточнаго океана.

формою похожъ на пѣтуха. Сынъ его — *Юань-цзюнъ*, у него одно тѣло, девять головъ, носитъ пятицвѣтное жемчужное платье, шапку девяти достоинствъ. *Дунъ-ванъ-фу* (восточный царь-отецъ) завѣдуетъ восточною страной и живетъ на горѣ Фынъ-лай (на которой, какъ выше сказано было, живетъ царь небесъ). *Си-ванъ-му* (западная царица-мать), она есть первоначальный воздухъ—Тай-инь, управляетъ на горѣ Кунь-лунь въ золотомъ городѣ о девяти этажахъ, который окруженъ пятицвѣтными облаками и пиками въ 10.000 сажепъ; выше ей подчинена сѣверная медвѣдица (бэй-доу); у людей она находится въ правомъ глазѣ. Что даосизму были извѣстны иностранные боги, это видно уже изъ того, что они сохранили иностранныя имена для нѣкоторыхъ духовъ; такъ, богъ огня, говорятъ они, называется у ерстиковъ Цзи-бо-тоу, а богъ воды — Ишу-ло (Ишвара?)

Теперь даосизмъ, съ еще болѣе уродливыми бреднями своей фантазіи, можетъ воротиться къ старому своему началу — медицинѣ, которая соединяется съ астрономіей. Мы не будемъ здѣсь пока говорить о средствахъ къ достиженію безсмертія посредствомъ созерцанія; укажемъ, на первый разъ, на болѣе простыя средства къ питанію природы и продолженію жизни (янъ синъ'янъ минъ). Эти идеи основаны на той мысли, что духъ и тѣло истощаются и приходятъ въ упадокъ отъ напряженія; потому, если предаться спокойствію, беззаботности, сохранять дыханіе извѣстными пріемами, принимать хорошую пищу или полезныя лѣкарства, то какъ не прожить хотя сто лѣтъ? Такъ еще немногимъ задавался сначала даосизмъ; въ одной изъ первыхъ книгъ даосовъ, хотя и не столь древней, какъ они выдаютъ ее, въ Шэнь-нунъ-цзинѣ сказано: „Кто питается хлѣбомъ, тотъ уменъ (но не проживетъ долго); кто ѣстъ камни (то-есть, по толкованію, пилюли изъ распущенныхъ минераловъ), тотъ будетъ тученъ и не состарѣется, а кто ѣстъ траву чжи (которую иные называютъ исландскимъ мохомъ, но которая для даосовъ то же, что у насъ спрыкъ-трава), тотъ проживетъ долгое время; но тотъ, кто питается первоначальнымъ воздухомъ, того не зароешь въ землѣ, того не убьетъ и самое небо“. Въ самомъ сочиненіи, приписываемомъ Лао-цзы, одну темную фразу: „долинный духъ не умираетъ и называется Сюанъ-бинь“,— объясняютъ словами: „питая духъ, не умрешь и станешь на равнѣ съ небомъ и землей“. Изъ этого доказываютъ, что Лао-цзы допускалъ возможность безсмертія, по крайней мѣрѣ, онъ выразился въ другомъ мѣстѣ болѣе опредѣленно, что если жизнь человѣческая простирается сто лѣтъ, то ее можно сохранить и на

тысячу. Но прежде мы упомянемъ о самыхъ невинныхъ средствахъ, рекомендуемыхъ даосизмомъ. Начало болѣзней, сокращающихъ жизнь, заключается во вліяніи холода и жара на мозгъ и тѣло, въ потерѣ соковъ, особливо дѣтородныхъ. Если долго смотрѣть, то отъ этого портится кровь, если долго лежать, то страдаетъ дыханіе; отъ долгаго сидѣнья изнуряется мясо, отъ стоянья — кости, отъ хожденья — жилы и т. д. Для укрѣпленія здоровья и продолженія жизни рекомендуются различныя позы, называемыя игрою: поза тигра, оленя, медвѣдя, обезьяны, птицы и проч. Въ позѣ тигра надобно, ставъ руками и ногами на землю, прыгать взадъ и впередъ, вытягивать шею и проч.; въ позѣ оленя надобно, стоя въ такомъ же положеніи, вытягивать шею, смотря назадъ, протягивать и подтягивать ноги; поза медвѣдя состоитъ въ томъ, чтобъ обѣими руками обнять колѣна и т. д. Такія занятія предписывается продолжать до тѣхъ поръ, пока появится потъ. Если кто будетъ постукивать зубами объ зубы, у того они укрѣпятся, если языкомъ обчистить во рту всѣ жидкости и проглотить, то это также полезно [1]); если потирать пальцами глаза, то они будутъ свѣтлы; чтобъ не сдѣлаться глухимъ, нужно потирать обѣими руками уши; нужно потирать виски и *поднимать* (рвать) волосы кверху, чтобы кровь и воздухъ проходили, и голова не побѣлѣла. Нужно потирать лицо сверху внизъ, также и тѣло (это называется сухимъ омовеніемъ). Но важнѣе всего является питаніе; въ буддизмѣ мы видимъ воздержаніе отъ мяса и даже всего пряная го, — даосизмъ хочетъ въ этомъ перещеголять буддизмъ. Онъ предписываетъ воздержаніе и отъ хлѣба, потому что только матеріальная пища и препятствуетъ долгой жизни. Для этого онъ совѣтуетъ умѣть питаться слюною, называемою иногда золотою, иногда цвѣточнымъ озеромъ; слюна есть самая лучшая пища; если умѣть глотать ее, какъ слѣдуетъ, то не будешь никогда чувствовать голода; слюна есть живительный ключъ, который увлажаетъ тѣло, поддерживаетъ вены, питаетъ всѣ силы, — отъ слюны рождаются волосы.

Но другіе и это находятъ излишествомъ: нужно умѣть питаться однимъ воздухомъ, и то тѣмъ, который проходитъ въ ротъ чрезъ носъ; дао есть воздухъ, сказано въ одномъ мѣстѣ. Если сохранить воздухъ, то пріобрѣтешь дао, а чрезъ это и долгую жизнь. Такое питаніе воздухомъ рекомендуется и въ случаѣ болѣзни.

Еще выше этого стоитъ,—разумѣется, по рекомендаціи другой си-

---

[1]) Даосы постукиваніе зубами называютъ небеснымъ барабаномъ, глотаемую слюну — ключемъ нектара.

стемы,—дыханіе утробное, то-есть, чтобы не дышать ни ртомъ, ни носомъ, подобно тому, какъ живетъ человѣкъ, когда онъ находится еще въ утробѣ; искусственное дыханіе исцѣляетъ всѣ болѣзни, прогоняетъ заразу, змѣй и дикихъ звѣрей, останавливаетъ кровотеченіе; если дунешь на воду, то она потечетъ вверхъ, если дунешь на огонь, то онъ потухнетъ. Для пріученія себя къ такому дыханію нужно, затворившись въ уединенной комнатѣ, лечь на кровать на теплый тюфякъ и подушку въ $2^1/_2$ дюйма толщины, закрыть глаза, и затаивъ дыханіе въ груди, заткнуть носъ лебяжьимъ пухомъ; если, въ продолженіе трехъ сотъ моментовъ дыханія, пухъ не пошевелится, и ты дойдешь до того, что ничего не будешь ни слышать, ни видѣть, ни о чемъ не думать, тогда должно на короткое время отдохнуть. При этомъ не надобно ѣсть сыраго, прянаго, мяса, нельзя предаваться ни радости, ни гнѣву. Можно и не вдругъ удерживать дыханіе на триста моментовъ, а пріучаться постепенно; сверхъ того, въ полночь должно считать дыханіе про себя, не сообщаясь съ воздухомъ, и вообще, когда дышешь, надобно стараться больше выдыхать и меньше вдыхать, и притомъ, выдыхать ртомъ, а вдыхать носомъ. Это ученіе о дыханіи заимствовано, какъ увидимъ ниже, изъ знакомства съ буддизмомъ.

Впрочемъ, пріемовъ для дыханія чрезвычайно много; есть указанія, какъ дышать подобно жабѣ, черепахѣ, аисту и проч., которые живутъ по тысячѣ лѣтъ; одна метода называется глотаніемъ лунной эссенціи, другія методы называются по именамъ различныхъ даосскихъ учителей Конечно, мы говоримъ здѣсь кратко, но всякаго рода необыкновенныхъ рецептовъ въ даосизмѣ множество, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ него входитъ и описаніе многоразличныхъ болѣзней.

Вотъ, для образчика, еще одинъ замысловатый рецептъ: возьми зубы семилѣтняго мальчика, волоса дѣвицы такого же возраста, смѣшай ихъ съ потомъ своей шеи, сожги и ѣшь въ продолженіи года, и тогда не будешь знать старости.

Отъ сохраненія здоровья до продолженія жизни на нѣсколько сотъ лѣтъ, потомъ до полнаго безсмертія, не сходнаго, однакоже, съ буддійскимъ ученіемъ о перерожденіи, но соединеннаго съ вознесеніемъ на небо, принятія должности на небѣ,—для такой фантастической религіи, какъ даосизмъ,—было уже легкое дѣло. Одни и тѣ же средства сперва имѣлись въ виду, только какъ медицинскія пособія, потомъ—вѣроятно, потому, что они не оказывали и простаго дѣйствія,—имъ приписали болѣе чудотворную силу. Такъ, мы находимъ упоминаніе, что яшмовый напитокъ, золотой элексиръ, взаимная (sic) груша, огненный

жужубъ, все это снадобья для взлетанія на воздухъ. По другимъ, самое лучшее снадобье, это — киноварь, за нею слѣдуетъ золото, серебро, чудотворная трава чжи, пять яшмъ, пять облаковъ, свѣтлая жемчужина (мани?), конопля. Старая крыса также считается чудотворнымъ лѣкарствомъ, какъ и то, что лошадиный пометъ составляетъ чудотворныя дрова для приготовленія такихъ снадобьевъ. Но болѣе всего пріобрѣла извѣстность золото-киноварная пилюля.

Въ даосизмѣ есть особенное ученіе о составленіи пилюль (или философскаго камня—дань), которыя даютъ безсмертіе или сообщаютъ сверхъестественную силу. Мы знаемъ изъ исторіи, что китайскіе императоры даже умирали отъ такихъ пилюль. Мы дали также выше понятіе о толкованіяхъ на счетъ различныхъ родовъ пилюль, которое и послужило основаніемъ талисмановъ, имѣющихъ такую же силу.

Къ обыкновеннымъ гигіеническимъ и діететическимъ правиламъ присоединяется и астрологія; напримѣръ, въ день подъ циклическимъ знакомъ цзя-инь, нельзя сидѣть съ женой и разговаривать, должно мыться. Обращая особенное вниманіе на омовеніе, чтобъ оно предшествовало созерцанію или совершенію какого-нибудь обряда, даосизмъ указываетъ на тѣ дни въ мѣсяцѣ, въ которые омовеніе доставляетъ многознаменательную пользу: въ одинъ разъ (10-го числа 1-й луны) укрѣпляетъ зубы, въ другой — (8-го числа 2-й луны) доставляетъ тѣлу легкость, въ третій — уклоняетъ человѣка отъ споровъ, и т. п.

Такимъ образомъ, китайскій календарь, составляющій въ Китаѣ какъ-бы императорскую регалію, имѣетъ болѣе даосійское, чѣмъ конфуціанское значеніе. Но у даосовъ, кромѣ того, есть свои особенные праздничные дни, называемые обыкновенно постами: главныхъ изъ нихъ шесть, по одному въ каждую нечетную луну (1-я, 3-я 5-я и т. д.) и 10 въ каждомъ мѣсяцѣ: 1-го, 8-го, 14-го, 15-го, 18-го, 23-го, 24-го, 28-го, 29-го и 30-го чиселъ, изъ которыхъ въ нѣкоторые дни всѣ духи объѣзжаютъ вселенную и замѣчаютъ добрыя и дурныя дѣла людей. Эти праздники проводятся по извѣстнымъ предписаніямъ: во время ихъ совершаются церемоніи представленія духамъ, принимаются средства къ очищенію себя отъ различныхъ нечистотъ посредствомъ молитвъ или писанія талисмановъ; всего нечище считается мертвый трупъ и вообще все, что относится къ трауру.

Но занятіе приготовленіемъ снадобій не было окончательнымъ; болѣе высшимъ средствомъ найдено было послѣ все-таки созерцаніе, которое и въ буддизмѣ распространялось постепенно. Теперь даосы стали толковать, что и человѣкъ есть воплощеніе духа. И здѣсь каж-

дая книга не обращаетъ вниманія на то, что̀ сказано въ другой. По одной (Саньши-цзю-чжанъ), вверху девяти небесъ родился *Пифэй*— первоначальный воздухъ; пламя его, опустившись внизъ, превратилось въ свѣтлый воздухъ, который поселился внутри человѣческихъ внутренностей; зная происхожденіе пифэя, овладѣешь прадѣдовскимъ первобытнымъ несуществованіемъ, которое есть основаніе тѣла. Въ носу у человѣка есть духъ И-юань-юй-тунъ (юноша пера, помогающій первоначальному); всякое дыханіе черезъ носъ тревожитъ его, а потому надобно отъ этого воздерживаться; когда читаешь священныя книги, то въ носу у тебя тронъ Высокаго и Верховнаго!

По другой книгѣ (Исторія высочайшаго, но не имѣющаго самостоятельности Лао-цзюня), великое начало есть *дао;* первоначально оно было чистѣйшею эссенціей въ полной краснотѣ и называлось Тай-янъ (первоначальная мужская сила); потомъ красный воздухъ, измѣнившись, сдѣлался желтымъ и назвался чжунъ-хо (срединною гармоніей), которая приняла видъ Лаоцзюня и Шэнь-цзюня (государя духовъ). Желтый духъ, вошедши въ кости, мясо и форму, сдѣлался человѣкомъ, а желтый воздухъ, измѣнившись въ бѣлый, составилъ эссенцію воды.

Или: Зародышъ, изъ котораго образуется человѣкъ, есть превращеніе эссенціи, составившейся изъ окрѣпшаго воздуха девяти небесъ.

Еще: Человѣкъ, родясь въ срединѣ неба и земли, получивъ гармонію двухъ воздуховъ, стоитъ во главѣ всѣхъ тварей, составляетъ самое одушевленнѣйшее существо, включаетъ въ себя самое лучшее изъ пяти стихій [1]), имѣетъ достоинства общія съ небомъ и землею. Для полученія тѣла, желтокъ приходитъ изъ пустоты, превращается въ бѣлокъ, и окрѣпшая матерія превращается въ Инь-янъ (мужскую и женскую силу). Въ первый мѣсяцъ беременности ниспускается въ него воздухъ съ неба юй-тань, во второй—съ неба у-лянъ-шоу (Амитабы) и т. д. Черезъ девять мѣсяцевъ, когда 36.000 духовныхъ воздуховъ въ немъ вполнѣ поселяются, и рождается, наконецъ, человѣкъ; во время беременности въ образованіи его участвовали всѣ свѣтила; звѣзда *суй* образовала печень, созвѣздіе тайбо—легкія, семь звѣздъ сѣверной медвѣдицы способствовали къ развитію семи отверстій и ниспослали семь юношей окружать его тѣло; воздухъ этихъ семи звѣздъ, слившись въ одну звѣзду (ореолъ), носится надъ человѣческою головою въ трехъ футахъ разстоянія, и когда человѣкъ бываетъ

[1]) Китайцы принимаютъ пять стихій: металлъ, дерево, вода, огонь, земля.

добрый, то она свѣтла, и наоборотъ; когда звѣзда упадетъ, человѣкъ умираетъ. Въ рожденіи человѣка принимаетъ участіе само небо: Тай-и держитъ талисманъ, Ди-цзюнь вписываетъ въ реестръ, Сы-ма девяти небесъ посылаетъ бумагу о жизни, всѣ духи провозглашаютъ рожденіе... Человѣческая голова обозначаетъ небо, ноги — землю, волосы—звѣзды, глаза—солнце и луну, руки и ноги четыре—времени года, пять внутренностей—пять стихій и т. д. Въ другомъ мѣстѣ, тѣло представляетъ государство, грудь и желудокъ суть дворцы, кости и суставы — чиновники, душа есть государь, а кровь — народъ.

Теперь даосизмъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ прежнія теоріи о приготовленіи снадобій, о написаніи талисмановъ, всѣ діететическія и гигіеническія предписанія; для того, чтобы сдѣлаться безсмертнымъ, онъ рекомендуетъ исключительно созерцаніе; оно нужно для того, чтобы развязать тѣ двѣнадцать узловъ [1]), которые находятся въ его тѣлѣ, отъ которыхъ происходятъ болѣзни и, когда совсѣмъ окрѣпнутъ, смерть. Этотъ процессъ развязыванія называется еще разрѣшеніемъ отъ трупа [2]). Должно, въ день своей судьбы, раннимъ утромъ войдти въ келью, зажечь ѳиміамъ, и обратясь на сѣверо-западъ, девятикратнымъ поклоненіемъ привѣтствовать девять первоначальныхъ отцовъ; потомъ, пощелкавъ девять разъ зубами, три раза произнести ихъ таинственное имя. Затѣмъ, обратясь на юго-востокъ, послѣ трехъ поклоновъ произнести имена девяти сокровенныхъ матерей. Сѣвъ, послѣ того, на мѣсто и закрывъ глаза, слѣдуетъ представить первоначальнаго отца—ростомъ въ девять дюймовъ и девять линій, одѣтаго, какъ описано [3]), сидящимъ выше девяти небесъ въ описанномъ дворцѣ; представить затѣмъ, что двѣнадцать летучихъ драконовъ и двадцать-четыре безсмертные, прійдя съ сѣверо-запада, погружаются въ тѣло сидящаго въ макушку; потомъ, представить первоначальную мать [4]) ростомъ въ шесть дюймовъ и шесть линій, въ платьѣ, шапкѣ и прочемъ, какъ описано; затѣмъ—что двѣнадцать фениксовъ и тридцать шесть яшмовыхъ существъ, прійдя съ сѣверо-востока, погрузились въ

---

[1]) Одинъ узелъ находится въ макушкѣ, другой—во рту, третій—въ скулахъ, четвертый въ глазу и т. д.

[2]) Признаки разрѣшенія отъ трупа оказываются по смерти, когда видъ умершаго не измѣняется, или когда ноги не чернѣютъ, кожа не сморщивается, или свѣтъ глазъ не помрачается; когда умеръ и ожилаетъ; когда трупъ изчезаетъ, а остаются одни волосы.

[3]) Разумѣется, описаніе находится въ текстѣ, но мы пропускаемъ его какъ здѣсь, такъ и ниже.

[4]) Даосы называютъ жену краснымп воротами, а мужа—яшмовымъ столбомъ

тѣло; представить, что отецъ и мать превратились въ черный и желтый воздухъ и носятся вокругъ головы сидящаго. Послѣ этого, постукавъ девять разъ зубами, произнести слѣдующее заклинаніе (то-есть, молитву) „Хотя я и принялъ въ себя превращеніе девяти духовъ (то-есть, составленъ изъ девяти воздуховъ), но узлы и связки загораждаютъ двери души,—прошу васъ, отецъ и мать, развязать эти узлы (здѣсь только на первый разъ четыре)". Затѣмъ, должно идти представленіе различныхъ царей небесъ съ ихъ описаніемъ и свитою; далѣе слѣдуетъ представленіе восьми юношей-духовъ, каковы: духъ мозга въ головѣ, духъ волосъ, желудка, глазъ, мозга въ костяхъ, пузыря, носа и языка. Каждый изъ нихъ имѣетъ особенное описаніе, ко всякому слѣдуетъ обращаться съ извѣстнымъ заклинаніемъ. Послѣ того какъ разрѣшатся первые четыре узла, слѣдуетъ созерцаніе въ такомъ же родѣ для разрѣшенія прочихъ восьми узловъ. Затѣмъ предписывается проглотить внутреннюю *фу*, то-есть, написанныя извѣстнымъ образомъ каракули, которыя и показаны въ текстѣ.

По другой методѣ, человѣкъ родится изъ связи эссенціи и воздуха; девять духовъ поселяются въ его внутренностяхъ; люди знаютъ, что въ нихъ есть душа, состоящая изъ трехъ частей духовныхъ и семи матеріальныхъ, образуемая изъ міровой души (линь) и воздуха, получаемая отъ родителей; но не знаютъ, что, кромѣ ея, въ ихъ тѣлѣ присутствуетъ духъ, имѣющій девять дворцовъ, называемыхъ девятью правдами; въ различное время дня онъ находится въ различныхъ частяхъ тѣла, и въ это время, имѣетъ различныя названія. Если случится какая болѣзнь, то приготовившись къ созерцанію по опредѣленнымъ правиламъ, надобно вызвать духа того мѣста, которое подвержено болѣзни, и заставить его излѣчить. Если же вызвать общаго духа, то не подвергнешься вреду ни въ огнѣ, ни въ водѣ.

Но главную роль въ даосскомъ созерцаніи играетъ, какъ видно, созвѣздіе сѣверной медвѣдицы (Бэй-доу). Должно въ отдѣльной комнатѣ, возжегши куренія, лечь головою къ сѣверу, и отбросивъ всякія другія мысли, проколотивъ только зубами двадцать-четыре раза, представить себя лежащимъ подъ балдахиномъ посреди семи лучезарныхъ звѣздъ, изливающихъ свой свѣтъ въ отдаленное пространство и такъ ярко, что противъ этого свѣта ничего болѣе не видно. Затѣмъ, семь звѣздъ (сѣверной медвѣдицы) представляются въ видѣ юношей, изъ которыхъ одинъ называется Шу-минъ, другой Ю-минъ, и т. д. Надо представь, что семь мальчиковъ извергаютъ свѣтъ семи драгоцѣнностей (Шу-минъ — красный, Ю-минъ — бирюзовый и т. д.),

и всѣ они, вошедши въ тѣло, пропитываютъ его; потомъ, проведя дыханіе сорокъ-девять разъ, произнести слѣдующее заклинаніе: Эссенція золота, окрѣпши и превратившись, скрѣпила первоначальныя семь частей міровой души; все покрылось свѣтомъ, балдахинъ вращается, свѣтъ драгоцѣнностей лучезаренъ .. Затѣмъ, должно проглотить семь разъ слюну, и вставши, намазать тѣло крахмаломъ. Послѣ упражненій такимъ образомъ, въ продолженіе семи лѣтъ, въ тѣлѣ родится свѣтъ семи драгоцѣнностей; на головѣ покажется красный ореолъ, явятся семь яшмовыхъ дѣвъ, ниспустится облачная колесница, чтобы вознестись на сѣверное созвѣздіе и сдѣлаться верховнымъ безсмертнымъ, главою всѣхъ безсмертныхъ.

О связи этихъ даосскихъ созерцаній съ буддійскими мы не будемъ здѣсь говорить, потому что она сама собою представится читателю изъ того, что̀ мы говоримъ ниже о буддійскомъ созерцаніи.

IV.

Знаменитыя личности даосской миѳологіи.

Выше мы привели уже легенды о нѣкоторыхъ личностяхъ, въ этой главѣ также упоминаемыхъ; но варіація встрѣчаемыхъ здѣсь разказовъ вовсе не составляетъ противорѣчія для даосизма: у него что книга, то другой разказъ. Настоящій очеркъ составляетъ извлеченіе изъ такъ-называемой японской энциклопедіи и китайской энциклопедіи: Юань-цзянь лэй-хань. Мы приводимъ эти легенды потому, что имъ вѣрятъ не одни только даосы, — онѣ совершенно въ духѣ народа, и намеки на нихъ постоянно встрѣчаются у поэтовъ. Это только образчикъ тѣхъ разказовъ, которые содержатся въ многочисленныхъ китайскихъ повѣстяхъ и въ большей части романовъ, основанныхъ на чудесномъ.

Мы уже говорили, что и за самымъ Лао-цзы въ исторіи Сымацяня не признаемъ исторической личности. Въ послѣдствіи даосизмъ, познакомясь съ идеями о превращеніяхъ — быть можетъ, и не черезъ буддизмъ, но во всякомъ случаѣ, только послѣ сообщенія съ западомъ, сталъ толковать, что Лао-цзы есть воплощеніе высочайшаго существа, называемаго Тай-шанъ Лаоцзюнь—высочайшій старый властитель, — и что это перерожденіе не было первое, только о прежнихъ не сохранилось извѣстія. Первое перерожденіе полагается за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, когда Лао-цзюнь, отдѣливъ святой воздухъ, помѣстилъ его во чревѣ прекраснѣйшей яшмовой

дѣвицы, гдѣ онъ и пробылъ въ немъ 81 годъ (почему и родился съ бѣлыми волосами и названъ старымъ); однакоже, легенда показываетъ то же самое мѣсторожденіе его, которое приписывается и Лао-цзы Сымацяня: это деревня Цюй-жень, въ волости Лей, въ уѣздѣ Ку, въ царствѣ Чу (Ху-гуанъ). Онъ родился изъ лѣваго бока подъ деревомъ ли (каштанъ), и указавъ на него, сказалъ: оно будетъ моею фамилей; голова у него была бѣлая, лицо желтое, уши длинныя, глаза большіе, окладистая борода, широкая шея, рѣдкіе зубы, квадратный ротъ, на ладоняхъ крестъ. При Вэнь-ванѣ (около 1150 года) онъ былъ хранителемъ исторіи; при У-ванѣ (послѣ 1134 года) назначенъ столбовымъ историкомъ и отправился странствовать въ отдаленный западъ въ Да-цинь (Римское), Чжугань (Тогаръ?) и другія царства; около 1078 года, воротившись назадъ, опять сдѣлался столбовымъ историкомъ; въ 1029 году въ повозкѣ, запряженной чернымъ быкомъ, проѣзжая черезъ проходъ Хань-гу-гуань, сообщилъ свой путь начальнику прохода Инь-си; въ 1027 году [1]) прибылъ въ Сычуань, потомъ, вмѣстѣ съ Инь-си, переправясь черезъ сыпучіе пески, посѣтилъ варварскія страны; а при Му-ванѣ (1001 годъ) снова воротился въ Китай; въ 502 году, встрѣтился съ Конфуціемъ, который отозвался о немъ, какъ о драконѣ; въ 305 году опять вышелъ изъ Китая, взлетѣвъ на Кунь-лунь; при династіи Ци, онъ опустился на берегъ рѣки Цзя, почему и прозванъ Хэ-шанъ Гун'омъ (рѣчнымъ господиномъ), тутъ онъ передалъ свое ученіе Апь-ци-шэну; при Ханьской династіи, при императорѣ Вэнь-ди (179 — 157 года) извѣстенъ подъ именемъ Гуанъ-чэнъ-цзы; императоръ, не могши его дозваться, самъ къ нему поѣхалъ, и когда увидѣлъ, что онъ не кланяется, сказалъ: „Ты хотя и праведный, но мой подданный, отъ меня зависитъ богатство и знатность". — Тогда Гуанъ-чэнъ-цзы, поднявшись на воздухъ на сто слишкомъ саженъ, сказалъ: „Теперь, когда я вверху не на небѣ, въ срединѣ (на воздухѣ), не похожъ на человѣка, внизу не касаюсь земли,— что̀ значатъ твои, государь, награды!" Императоръ уразумѣлъ, слѣзъ съ носилокъ и извинился. Гуанъ-чэнъ-цзы далъ ему двѣ книги о Дао и Д'э (это сказаніе какъ-бы подтверждаетъ мою догадку о позднемъ появленіи книги).

Лао-цзы прозванъ такъ потому, что долго жилъ. Онъ указалъ средства, какъ добывать девять сортовъ пилюль, восемь камней, яшмовый напитокъ, золотую слюну, какъ покорять демоновъ и распоря-

[1]) Въ этотъ годъ, по китайскому счисленію, родился Будда.

жаться ими, питать природу, не ѣсть хлѣба, принимать превращенія. Изъ этого разказа видно, что и особыя личности, существовавшія послѣ Лао-цзы, принимаются за его аватары, но это не выдержано въ даосизмѣ до конца.

Инъ-ги, упоминаемый въ исторіи Лао-цзы, считается начальникомъ 24 царей и 80.000 святыхъ

Дунъ-ванъ-гунъ — восточный царь-графъ. Когда еще не было ни людей, ни тварей, онъ родился на Лазоревомъ океанѣ. въ пустотѣ мрачнаго чуда, и подвизаясь въ строгой тишинѣ и чистой недѣятельности, воспиталъ вселенную; онъ управляетъ востокомъ; всѣ мужчины на землѣ, сдѣлавшіеся святыми, пріобрѣтшіе путь, зависятъ отъ него; въ извѣстный день, подъ опредѣленнымъ циклическимъ знакомъ (динъ-мао), онъ выходитъ на башню, и ему прежде всего представляются всѣ святые девяти чиновъ (а девять классовъ введены въ Китаѣ только въ III столѣтіи Цао-пи—сыномъ Цао-цао), которые въ первый разъ удостоились этого пожалованія; послѣ этого ужь они представляются золотой матери (цзинь-му), и тогда уже могутъ отправляться на девять небесъ, войдти въ три чистыя неба, преклониться предъ высочайшимъ (Тай-шанъ), созерцать первоначальное.

Си-ванъ-му—западная царица. Вмѣстѣ съ Дунъ-ванъ-гун'омъ завѣдываетъ двумя воздухами и устроивала вселенную; она завѣдываетъ всѣми женщинами, сдѣлавшимися святыми. Ей на Яшмовомъ озерѣ представлялся Чжоускій императоръ Му-ванъ, когда онъ отправился на восьмеркѣ лошадей на западъ; но при Ханьской династіи она сама пожаловала во дворецъ У-ди (открывшаго западъ) и поднесла ему семь персиковъ, которые даютъ плодъ только одинъ разъ въ три тысячи лѣтъ [1]).

Чи-сунъ-цзы—красная сосна—учитель (богъ?) дождя; входитъ въ воду—не замочится, въ огонь—не горитъ; часто восходитъ въ палаты Ванъ-му на Кунь-лунѣ (О-лунь—Олимпъ), носится вверхъ и внизъ съ дождемъ и вѣтромъ Младшая дочь Янъ-ди (огненный царь—Яма?—Плутонъ) погналась было за нимъ и сдѣлалась святою.

Гуанъ-чэнъ-цзы, котораго мы видѣли выше, какъ воплощеніе самаго Лао-цзы, жившимъ при Ханьской династіи, является, по другимъ

---

[1]) Что ни о Си-ванъ-му, ни о Дунъ-ванѣ не знали ранѣе, видно изъ самой легенды о Си-ванъ-му, что когда, при началѣ династіи Хань, одинъ уличный мальчикъ запѣлъ пѣсню: «пойду на небо, поклонюсь золотой матери, деревянному Гуну» (Дунъ-ванъ-гуну), то никто не понималъ, что это значитъ, а между тѣмъ, Сымацянь ужъ извѣстны и Ванъ-му, и Олимпъ.

легендамъ (уже у Чжуанъ-цзы,—по этому можно судить, когда появился этотъ философъ), современникомъ Хуанъ-ди (2697 года), который, на вопросъ, въ чемъ состоитъ высочайшій путь—получаетъ отъ него отвѣтъ, что для этого не нужно ни смотрѣть, ни слушать, содержать духъ въ чистотѣ, тѣло въ спокойствіи и проч.

Пынъ-цзу (упоминаемый у Чжуанъ-цзы) — китайскій Мафусаилъ, праправнукъ Гао-янъ-ши (2513—2453 года), имѣлъ при концѣ династіи Инь (1783—1134 года) уже болѣе 700 лѣтъ, а нисколько не казался старикомъ. Му-ванъ (1001—946 годъ) отправился къ нему для полученія наставленій. Чрезъ 70 лѣтъ послѣ, ученики видѣли его на западѣ отъ сыпучихъ песковъ. Говорятъ, онъ перемѣнилъ 49 женъ и имѣлъ 54 сыновей.

Хэ-шанъ-гунъ жилъ на берегу рѣки (Хэ-шанъ) и постоянно читалъ Лао-цзы; Цзинъ-ди (156—140 годъ), также читавшій, но не понимавшій нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этой книги, отправился къ нему за изъясненіемъ, и Хэ-шанъ-гунъ далъ ему свой текстъ.

Тэ-гуай-сянь-шэнъ — учитель желѣзная палка. Подвизался въ пещерѣ Чжань-янь, гдѣ, отправляясь разъ на Хуа-шань къ Лао-цзы, оставилъ душу (по), но возвратившись черезъ семь дней, не нашелъ ея и принужденъ былъ духомъ (хунь) влѣзть въ трупъ умершаго отъ голода, почему онъ и безобразенъ

Гуй-гу-цзы — философъ изъ Чертовой долины. Такъ названъ потому, что жилъ на Гуй-гу—Чертовой долинѣ на рѣчкѣ Цинь-си. Жилъ нѣсколько сотъ лѣтъ во время періода Чунь-цю, сохраняя юношескій видъ; отъ него остались двѣ книги: Таинственныя письмена (Инь-фу) и Гуй-гу-цзы.

Тай-шанъ Лао-фу—старецъ горы Тай-шань. Когда Хашкій У-ди путешествовалъ на востокъ, то увидѣлъ по дорогѣ старца, на видъ 50 лѣтъ, но съ лицомъ юноши, и у котораго вокругъ головы былъ ореолъ въ нѣсколько футовъ. На вопросъ изумленнаго У-ди, онъ сказалъ: „Когда мнѣ было 85 лѣтъ, то я былъ близокъ къ смерти, голова побѣлѣла, зубы повыпали; одинъ даосецъ научилъ меня средству, какъ не ѣсть хлѣба, питаясь деревомъ и водою, и далъ мнѣ чудотворную подушку, въ которой были положены вещи, соотвѣтствующія двадцати-четыремъ воздухамъ и восьми вѣтрамъ. Черезъ это я изъ старика сдѣлался молодымъ—волосы почернѣли, зубы опять выросли; въ день хожу 300 миль (ли)“. Въ послѣдствіи старецъ, уйдя въ гору Тай-шань, въ продолженіе трехсотъ лѣтъ являлся съ нея то черезъ пять, то черезъ десять лѣтъ.

Боши-шэнъ — житель горы Бо-ши (бѣлые камни). Уже при Пынъ-цзу имѣлъ болѣе 2000 лѣтъ, а походилъ видомъ на тридцатилѣтняго: не любилъ летать, а предпочиталъ долгую жизнь, считая золотую слюну высшимъ лѣкарствомъ. Когда его спросили, почему онъ не летитъ, то отвѣчалъ: „Не знаю еще, рады ли на небѣ людямъ!“

Ань-ци-шэнъ, которому, по другимъ легендамъ, Лао-цзы передалъ ученіе, былъ родомъ изъ Фоу-сянъ въ Ланъя, то-есть, оконечности полуострова Шаньдунъ. Онъ занимался продажею лѣкарствъ, и современники называли его тысячелѣтнимъ господиномъ. Цинь-ши-Хуанди позвалъ его и наградилъ; но онъ оставилъ подарки и написалъ, чтобъ его въ слѣдующее тысячелѣтіе искали подъ горою Фынъ-лай. Ши-Хуанди неоднократно посылалъ въ море пословъ, но они не могли достигнуть Фынъ-лая за вѣтрами. Поэтому Ань-цзы-шэну воздвигли десять храмовъ, какъ на его родинѣ, такъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ на берегу моря.

Дунъ-фанъ-шо, на котораго Ванъ-му жаловалась, по другой легендѣ, что онъ три раза воровалъ у нея персики, былъ придворнымъ при У-ди, которому онъ самъ себя рекомендовалъ. Онъ нашелъ, что для того, чтобъ удалиться отъ міра, вовсе не надобно скрываться въ глубокихъ горахъ и въ соломенныхъ шалашахъ, что императорскій дворецъ для этого еще удобнѣе. Онъ, въ повѣрьяхъ у простонародья, играетъ роль Меркурія.

Чжунъ-ли-цюанъ былъ генераломъ при Ханьской династіи, но разбитый Тибетцами, спасся одинъ въ горы, въ которыхъ укрылъ его чужеземный монахъ и указалъ ему средства къ спасенію; послѣ, выйдя изъ горы, Чжунъ-ли-цюань поселился въ Шань-дунѣ [1]).

Хуанъ-анъ сидѣлъ на черепахѣ 15.000 лѣтъ.

Лю-сюань-инъ былъ министромъ у Яньскаго государя Лю-шоу-Гуан'а. Когда къ нему пришелъ даосъ, взялъ десять яицъ и десять монетъ, поставилъ на монету яйцо, на яйцо монету и такъ все сложилъ въ видѣ пирамиды; потомъ пояснилъ, что человѣкъ, живя въ богатствѣ и знатности, подвергается еще большей опасности. Образум-

---

[1]) Онъ, вмѣстѣ съ Ли-чжи, Люй-дун-бин'емъ, Чжанъ-гоинь'емъ, Лянь-цай-хэ, Хань-сянъ, Цао-го-цзе и Хэ-сянь-гу, составляетъ особую групу, называемую восемью святыми (Па-сянь). Чжанъ-го жилъ при Танской династіи и самъ разказывалъ про себя, что онъ еще служилъ при Яо, а при сотвореніи міра былъ бабочкою; Хань-сянъ то же, что Тэ-гуай; Хэ-сянь-гу была обращена Шуньян'омъ, который далъ ей персикъ и она съѣвъ половину, болѣе никогда не чувствовала голода

ленный Лю-сюань-инъ бросилъ службу, удалился въ горы Чжунъ наньшань, гдѣ занялся составленіемъ пилюли, растворяющей трупъ; бѣлый воздухъ, выйдя изъ макушки Лю-сюань-ина, превратился въ аиста (луань—собственно это баснословная птица). Лю-сюань-инъ сѣлъ на него и поднялся къ небу.

Лю-чэнь. Онъ вмѣстѣ съ Юань-чжао при Ханьской династіи, между 58 и 75 годами по Р. Х., взошелъ за лѣкарствами на гору Тянь-тай и заблудился; тринадцать дней они ничего не ѣли и не пили; найдя на горѣ персикъ, съѣли его и потомъ, спустившись къ рѣчкѣ, когда стали пить, то увидали плывущую чашку съ кашей изъ льняныхъ сѣмянъ, какъ знакъ того, что близко жилье. Дѣйствительно, перейдя еще гору, встрѣтили двухъ дѣвицъ, которыя приняли ихъ, какъ знакомыхъ, и угощали, какъ имъ казалось, съ полгода; все время природа сохраняла весенній видъ, птицы сладко пѣли. Но ихъ одолѣла тоска по домѣ. Двѣ дѣвицы сказали: „значитъ, ваши грѣхи еще не заглажены“, и показали дорогу. Когда они пришли домой, то ихъ деревня была въ развалинахъ; оказалось, что прошло уже семь вѣковъ или поколѣній.

Вэй-бо-янъ. Удалившись въ горы съ двумя учениками, онъ приготовилъ пилюлю, но чтобъ испытать учениковъ, далъ пилюлю сперва попробовать собакѣ — та околѣла, самъ съѣлъ — умеръ, одинъ ученикъ также умеръ; другой побѣжалъ изъ горъ. Тогда Вэй-бо-янъ ожилъ, оживилъ ученика и собаку, и всѣ они сдѣлались духами. Бѣжавшему ученику Вэй-бо-янъ послалъ книгу (Цань-тунъ-ци), въ которой, подъ видомъ изъясненія И-цзина, указывается—какъ дѣлать пилюлю.

Чжанъ-дао-линъ родился въ 34-мъ году по Р. Х., и когда ему было 60 слишкомъ лѣтъ, сдѣлалъ большую драконово-тигровую пилюлю и сталъ тридцати-лѣтнимъ. Войдя на гору Бэй-Сунъ, встрѣтилъ посланника съ неба, который сказалъ ему, что въ пещерѣ средняго пика этой горы хранятся книги трехъ Хуан'овъ, Хуанди и книга о пилюлѣ высочайшей чистоты, чрезъ которую можно вознестись на небо. Передъ тѣмъ какъ принять книги, онъ семь дней постился; потомъ, совершивъ по нимъ пилюлю, могъ раздѣлять свое тѣло, скрывать тѣнь. Въ одномъ мѣстѣ духъ бѣлаго тигра любилъ пить человѣческую кровь, и жители ежегодно убивали по человѣку ему въ жертву. Праведникъ (Чжэнь-жень, то-есть, Чжанъ-дао-линъ) позвалъ этого духа и укротилъ его. Въ другомъ мѣстѣ огромный змѣй, испуская испаренія, отравлялъ проходящихъ; Чжанъ-дао-линъ обуздалъ и его. Въ 142-мъ году Лао-цзюнь послалъ ему священныя книги,

два меча и печать: съ ними онъ укротилъ духовъ восьми сонмовъ, свирѣпствовавшихъ въ народѣ. На горѣ Хао-минъ-шань (гора поющаго аиста) была вѣдьма, онъ прогналъ ее, написавъ Фу, которая превратилась въ золотокрылую птицу (феникса); 12 дѣвъ поднесли ему яшмовое кольцо, онъ бросилъ его въ колодезь; дѣвы наперерывъ бросились туда доставать его; Чжанъ-дао-линъ закрылъ колодезь, и съ тѣхъ поръ эти дѣвы не безпокоютъ народъ. Наконецъ, высочайшій, первоначальнѣйшій почтенный въ небѣ (Таньцзунь) сдѣлалъ его небеснымъ учителемъ, раздающимъ наставленія между людьми, и онъ съ пика Юнь-тай-фынъ днемъ вознесся на небо.

Сяо-ши любитъ играть на флейтѣ; женившись на Нупъ-юй, научилъ и ее тому же, и она играла, подражая пѣнію феникса; дѣйствительно, фениксъ сталъ прилетать на ея игру; послѣ Нунъ-юй на фениксѣ, а Сяо-ши на драконѣ поднялись на небо.

Май-фу, служившій при концѣ первой Ханьской династіи, видя самовластіе Ванъ-Мана, который послѣ похитилъ престолъ, со вздохомъ сказалъ: „Жизнь составляетъ для меня огорченіе, наказаніе, срамъ, знаніе—ядъ, тѣло — темницу“. Вслѣдствіе того, онъ бросилъ домъ и сталъ скитаться по горамъ, и на горѣ Сянь-ся (радуга святыхъ) встрѣтилъ повелителя святыхъ въ Купъ-тунѣ, который открылъ ему секретъ составленія внѣшней и внутренней пилюли, послѣ сѣлъ на аиста и улетѣлъ.

Фэй-чанъ-фанъ, будучи смотрителемъ, увидалъ одного старика, продавца лѣкарствъ, который, по окончаніи торговли, влѣзалъ въ чайникъ. Фэй-чанъ-фанъ присталъ къ нему и тотъ взялъ его съ собою; тамъ увидѣлъ онъ яшмовый храмъ съ красивою площадью; старикъ угостилъ его отличнымъ виномъ и кушаньями, а потомъ сталъ звать его съ собою, но когда Фэй-чанъ-фанъ затруднился тѣмъ, что домашніе будутъ безпокоиться, старикъ сломалъ одну бамбуковину и велѣлъ ему повѣсить ее въ своемъ кабинетѣ; домашніе приняли ее за повѣсившагося Фэй-чанъ-фана и похоронили. Старикъ подвергъ Фэй-чанъ-фана испытаніямъ: онъ заставилъ его ходить по горнымъ терніямъ, оставаться посреди тигровъ, спать въ пустой комнатѣ подъ огромнымъ камнемъ, висѣвшимъ на гнилой веревкѣ, и въ добавокъ еще змѣи прилѣзли и стали перегрызать веревку,— ничто не устрашило Фэй-чанъ-фана и старикъ нашелъ его достойнымъ; только когда далъ ему поѣсть навоза, въ которомъ онъ увидалъ трехъ длинныхъ червяковъ, онъ почувствовалъ отвращеніе, и старикъ отказалъ ему, далъ палку, на которой, сѣвъ верхомъ, Фэй-чанъ-фанъ тот-

часъ воротился домой Когда онъ бросилъ палку, то она превратилась въ дракона. Послѣ того, Фэй-чанъ-фанъ излѣчалъ всякій родъ болѣзней и билъ демоновъ. У него учился Хуанъ-цзинъ; онъ сказалъ ему: „Девятаго числа 9-й луны въ твоемъ домѣ будетъ большое бѣдствіе, ты долженъ для избавленія со всѣмъ домомъ уйдти на гору и пить астровую водку". Хуанъ-цзинъ исполнилъ это приказаніе и по возвращеніи вечеромъ домой нашелъ, что коровы, бараны, курицы, собаки всѣ переколѣли. (У Китайцевъ и до сихъ поръ есть обычай въ этотъ день уходить въ поле и пить водку, настоянную астрами).

Ланъ-цай-хэ ходилъ въ изорванной рубашкѣ, одна нога въ сапогѣ, другая босая, ложился въ снѣгъ, и отъ него шелъ паръ; люди, видѣвшіе его въ дѣтствѣ, не замѣчали въ немъ перемѣны, когда у нихъ уже побѣлѣли волосы; ходилъ какъ сумасшедшій по рынкамъ, бормоталъ пѣсни, содержавшія непонятный для другихъ смыслъ духовный; дадутъ денегъ—тащитъ ихъ на веревкѣ, оборвутся—не смотритъ; то отдастъ бѣднымъ, то пропьетъ. Однажды, когда онъ пьянствовалъ на башнѣ одного кабака (Хао-лянъ-цзю-лоу), то услышалъ звукъ флейтъ и кларнетовъ, сѣлъ на аиста и поднялся, сбросивъ внизъ башлыкъ, поясъ и дубинку, которую носилъ всегда съ собою.

Люй-дунъ-бинъ, встрѣтившись съ Юнь-фаномъ, видитъ во снѣ исторію своей дальнѣйшей жизни въ продолженіе 50-ти лѣтъ, какъ онъ возвышается, богатѣетъ, и какъ потомъ все это у него отнимается. Юнь-фанъ разказываетъ ему, что онъ знаетъ что онъ видѣлъ во снѣ; Люй-дунъ-бинь проситъ его передать свои средства, и тотъ ему открываетъ рецепты, таинственное ученіе и нѣсколько пилюль. Онъ странствовалъ по различнымъ областямъ Китая въ продолженіе 400 лѣтъ, и всѣ принимали его за обыкновеннаго человѣка При Сунской династіи какой-то оборотень днемъ и открыто сталъ воровать во дворцѣ драгоцѣнности. Люй-дунъ-бинь явившись позвалъ латника, который убилъ оборотня. Этотъ латникъ былъ извѣстный Гуань-юй (герой троецарствія въ III вѣкѣ), котораго въ то время императоръ пожаловалъ почетными посмертными титлами, а другой сподвижникъ Гуанъ-юй'я, Чжанъ-фей, въ то время родился въ фамиліи Ю. Это—будущій Ю-фей (сражавшійся съ Чжурчженями). Такъ умѣетъ даосизмъ пользоваться историческими событіями.

Гэсянь-гунъ получилъ священную книгу о пилюлѣ отъ Цзо-цзы; однажды, когда онъ сидѣлъ за столомъ съ гостями, кушанье превратилось въ рой пчелъ, которыя налетѣли на гостей; Гэсянь-гунъ разинулъ ротъ, и пчелы влетѣли въ него и превратились опять въ

кушанье. Онъ могъ мановеніемъ руки заставлять ходить статуи, лягушекъ и всѣхъ насѣкомыхъ и птицъ пѣть, играть на инструментахъ, дѣлать представленія. Угощая зимою, подавалъ свѣжія дыни и финики, лѣтомъ—ледъ и снѣгъ; рюмки разносились сами; если рюмка была не полна, такъ не двигалась съ мѣста. Когда народу нуженъ былъ дождь, онъ напишетъ *фу*, положитъ въ капище, и вдругъ польетъ дождь. Проѣзжавшіе мимо кумирни одного духа, всѣ должны были слѣзать съ повозки, иначе подвергались діавольскому навожденію; Гэсянь-гунъ, написавъ одну *фу*, велѣлъ слугѣ бросить ее въ кумирню, и та сейчасъ сгорѣла. Проѣзжая мимо У-кана, увидѣлъ онъ, что въ домѣ одного больнаго пригласили шаманку умилостивить жертвами оборотня, — Гэсянь-гунъ велѣлъ привязать этого оборотня къ столбу лицомъ и бить плетью; одинъ мужчина страдалъ отъ змѣинаго сѣмяни,— Гэсянь-гунъ далъ ему проглотить фу и изъ него полѣзли черви, жабы и проч Однажды онъ занимался приготовленіемъ снадобій на горѣ Цзы-гай (красный балдахинъ) въ Цзинъ-мин'ѣ; время было холодное, а онъ былъ босой, въ изодранномъ рубищѣ; двѣ бѣдныя дѣвицы изъ сожалѣнія, проработавъ всю ночь, изготовили ему сапоги, но когда на другой день пришли съ ними, то онъ уже ушелъ; онѣ, пошаривъ въ золѣ, которая была еще тепла, нашли пилюлю, которую, раздѣливъ, проглотили и съ того времени не стали чувствовать ни голода, ни жажды. Однажды онъ ѣхалъ на судахъ съ государемъ царства У, но у устья Сань-цзянъ (три цзяна) сильная буря потопила суда, и неизвѣстно было что сдѣлалось и съ тѣмъ судномъ, на которомъ ѣхалъ Гэ-сянь-гунъ; но на другое утро увидѣли его идущимъ по водѣ и немножко подъ хмѣлькомъ. „Вчера, говоритъ онъ, - зять усильно зазвалъ меня къ себѣ на попойку, поэтому и случилась бѣда“. Однажды онъ толокъ лѣкарство въ каменной ступѣ, что на пикѣ Си-фынъ; нѣсколько зеренъ разлетѣлись, и птицы, подхватившія ихъ, не умираютъ до сихъ поръ; и нынѣ, ночью, при свѣтлой лунѣ и прохладномъ вѣтеркѣ, слышится голосъ этихъ птицъ, похожій на звукъ: динь-данъ, издаваемый при толченіи въ ступѣ, оттого ихъ и называютъ птицами, толкущими лѣкарство. Когда святой Цинь-гао узналъ, что Гэсянь-гунъ сдѣлался праведникомъ, то прибылъ на парѣ карповъ съ восточнаго океана навѣстить его; они хорошо попировали, и когда напились, то Цинь-гао заснулъ въ бѣломъ облакѣ; когда же проснулся, то карпы превратились въ камень; поэтому Гэ-сянь-гунъ далъ ему пару аистовъ, на которыхъ онъ и отправился. Однажды, плывя по рѣкѣ, Гэ-сянь-гунъ бросилъ одну фу въ

воду—она потекла по водѣ, потомъ бросилъ другую, та поплыла вверхъ, третью—она остановилась посрединѣ, и верхняя и нижняя фу воротились къ ней. Еще разъ рыбакъ продавалъ большую рыбу, уже умершую: Гэ-сянь-гунъ положилъ ей въ ротъ бумажку, и она тотчасъ ожила

Чжанъ-гэ-лао скрывался въ горахъ, ѣздилъ на бѣломъ ослѣ по десяти тысячъ миль въ день; когда станетъ отдыхать, возьметъ, сложитъ его въ коробку; а когда надобно ѣхать, вспрыснетъ водой, и онъ опять сдѣлается осломъ.

Хуанъ-ъ-женъ нашелъ на горѣ Ло-фу-шанъ, послѣ брата своего Гэ-хуна, сдѣлавшагося святымъ, пилюлю, проглотилъ и сдѣлался святымъ, ходящимъ по землѣ.

Ванъ-чжи пошелъ въ горы рубить деревья; на горѣ Ши-ши-шань (каменная комната) увидалъ нѣсколькихъ старцевъ, играющихъ въ шашки; положивъ топоръ, онъ сталъ смотрѣть; старики дали ему проглотить косточку, похожую на финиковую, и онъ не чувствовалъ ни голода, ни жажды. Потомъ сказали: „Ты уже долго стоишь, ступай домой“. Ванъ-чжи, взявъ топоръ нашелъ, что топорище сгнило; воротясь поспѣшно домой, узналъ, что прошло уже нѣсколько сотъ лѣтъ; онъ опять пошелъ въ горы и нашелъ спасеніе.

Тао-хунъ-цзинъ былъ извѣстный министръ при южныхъ дворахъ; оставивъ службу, онъ скитался по горамъ, изучая растенія, и составилъ ботанику. Даосы на основаніи этого обстоятельства причислили его къ своей школѣ; они говорятъ, что ученикъ его Хуань-кай, вознесшись на небо, явился оттуда къ своему учителю и объявилъ ему, что только ошибки его ботаники мѣшаютъ ему сдѣлаться надзирателемъ водъ въ Фынъ-лай'ѣ. Когда Тао-хунъ-цзинъ умеръ, предсказавъ напередъ свою смерть, то ароматъ наполнялъ воздухъ нѣсколько дней.

Чжанъ-чжи-хо сначала служилъ при дворѣ; потомъ, оставивъ службу, странствовалъ по различнымъ мѣстамъ; выпивъ три мѣры вина, не дѣлался пьянъ; сохраняя непорочность и питая воздухъ, могъ въ снѣгу не зябнуть, въ водѣ не замочиться; всякій разъ, какъ напивался, возьметъ рогожку, постелетъ на воду, сядетъ и ловитъ рыбу, а рогожка носится какъ лодка; разъ явился съ облаковъ аистъ и сталъ носиться надъ нимъ,—Чжанъ-чжи-хо вскочилъ на него и поднялся.

Чжанъ-линъ, или Чжанъ-дао-линъ, вмѣстѣ съ сыномъ Чжанъ-хэномъ и внукомъ Чжанъ-лу называются тремя учителями. О Чжанъ-лу легенда говоритъ, что когда Цао-цао шелъ на западъ съ войскомъ,

то Чжанъ-лу положилъ дощечку, и образовалась рѣка. Цао-цао подвелъ суда, Чжанъ-лу опять положилъ дощечку, и опять образовалась высокая гора.

Мэнъ-цинъ, когда его хотѣли убить по приказанію Фу-цзянь'я, улетѣлъ вихремъ.

Го-пу посыпалъ гороху вокругъ дома своего хозяина, и тому показалось на разсвѣтѣ, что домъ его окруженъ тысячами людей въ красныхъ платьяхъ.

Цзо-цзы, когда его хотѣлъ убить Цао-цао, ушелъ въ стѣну.

Хуанъ-чу-пинъ крикнулъ на камни, и они превратились въ барановъ.

Чжао-бинъ, когда лодочникъ не хотѣлъ его перевезти, сѣлъ въ зонтикъ, засвисталъ, поднялся вѣтеръ, и онъ переправился.

Таковы главныя личности даосской миѳологіи. Лу-сю-цзинъ, въ докладѣ своемъ, по повелѣнію Сунскаго государя въ 471 году, говоритъ: „Въ продолженіе 100 слишкомъ послѣднихъ лѣтъ не слышно, чтобы какой-нибудь святой мужъ спустился съ неба; не видно, чтобы какой даосецъ вознесся; ихъ книги не извѣстно откуда взялись. Давно уже (при Ханьской династіи) Вэнь-чэнъ-шу, обманутый Фань-ню'емъ, будто ему приказала Ванъ-му, написалъ Хуанъ-тинъ и Юань-янъ, въ которомъ подмѣнилъ Будду Дао. Чжанъ-линъ сочинилъ Линъ-бао (чудотворную драгоцѣнность, во время троецарствія въ царствѣ У); ученіе Шанъ-цинъ (верховной чистоты), началось съ Цао-юань'я. Между династіями Ци и Синъ (420 — 479 года), Бао-цзинъ сочинилъ исторію Сань-хуан'овъ, и, когда дѣло обнаружилось, то былъ казненъ".

V.

Изложивъ въ главныхъ чертахъ существенныя начала трехъ религій, мы не будемъ слѣдовать за ними въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи, не будемъ пускаться въ частности, хотя бы онѣ и имѣли свой интересъ. Мы взялись за перо не для того, чтобъ утомлять читателя, но чтобы показать ему, какъ часто духъ человѣческій падаетъ подъ давленіемъ той же фантазіи, которая и оживляетъ его, и чтобы представить, до чего доводитъ мышленіе, старающееся оправдать фантазію, къ какимъ изворотамъ прибѣгаетъ наука, наука только по имени, бѣгущая отъ всякой реальности. Поэтому мы ограничимъ свое изложеніе указаніемъ только конечныхъ результатовъ взятыхъ нами религій, то-есть, того, до чего онѣ дошли въ своемъ крайнемъ развитіи. Если мы

съумѣемъ изложить это, то читатель самъ съумѣетъ пополнить пробѣлы.

Мы не станемъ, однакоже, говорить больше о даосизмѣ; въ предидущей главѣ мы уже достаточно высказали и его конечную цѣль,— она будетъ еще понятнѣе, когда мы разберемъ — въ ихъ крайнемъ развитіи — буддизмъ и конфуціанство, во враждѣ съ которыми и въ заимствованіяхъ отъ которыхъ и выросъ даосизмъ. Признаемся, что мы не можемъ навѣрное сказать, что обозрѣли даосизмъ со всѣхъ сторонъ; для этого нужно было бы пересмотрѣть все собраніе книгъ, а не часть, не какой-нибудь учебникъ, порожденный самою религіей которая по справкамъ тутъ можетъ быть ни при чемъ, а говоритъ за нее одна школа, одна система.

Было бы слишкомъ дерзко ручаться, что мы изучили и весь буддизмъ, и все конфуціанство; кто знаетъ, что̀ значитъ изученіе, тотъ пойметъ, что и одной маленькой книженки не возможно изучить вполнѣ, литература же буддизма и конфуціанства представляетъ сотни томовъ китайскихъ или тысячи нашихъ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, мы могли осмотрѣться посредствомъ литературныхъ обозрѣній, посредствомъ чтенія главныхъ каноническихъ книгъ, такъ что именно скорѣе можемъ касаться существеннаго, избѣгая частностей.

Спрашивается: какая конечная цѣль буддизма, или на чемъ онъ остановился въ послѣднемъ своемъ развитіи? Мы видѣли уже, какъ онъ развивался почти изъ ничего, какъ изъ отрицанія всего у него возникаютъ утвержденіе, изъ смерти вызывается жизнь.

Не забудемъ, какъ мы охарактеризовали разбираемыя религіи востока. Мы сказали, что это не религіи сердца, а скорѣе религіи фантастическаго умствованія. Казалось бы, умствованіе никогда не дойдетъ до того, что̀ легко можетъ допустить сердце, и скорѣе всего возбудитъ сомнѣніе къ тому, чему другіе вѣрятъ на слово. Буддизмъ самъ поставилъ своимъ девизомъ, что истинно и принадлежитъ Буддѣ только то ученіе, которое сообразно со смысломъ (aparatio). Посмотримъ же, въ чемъ заключается этотъ смыслъ?

На долю буддизма выпало рѣдкое счастіе заинтересовать собою ученый міръ болѣе, чѣмъ всѣ религіи. Іудейство (талмудское), магометанство, браманизмъ, конфуціанство очень мало кого интересуютъ. Это предпочтеніе конечно, зависитъ отъ того, что прежде буддизмъ былъ недоступенъ для ознакомленія съ нимъ; когда Георги, Палласъ и Бергманъ обратили на него вниманіе, то новизна, естественно, была привлекательна; языки, на которыхъ писаны буддійскія книги, не такъ

доступны европейскому знанію; хотя между этими языками первое мѣсто занимаетъ все-таки китайскій, но синологамъ было трудно справиться и съ прочею литературой Китая, болѣе характеристическою,— имъ приходилось притомъ вновь учиться языку, потому что и простой китайскій ученый не пойметъ буддійскихъ книгъ. Между тѣмъ, какъ мы сказали, буддійская литература обширна, писана на многихъ языкахъ; ученые, какъ номады, нападавшіе на странствовавшихъ Евреевъ или Калмыковъ, наскакивали на буддизмъ со стороны Цейлона и Бирмана, Китая и Японіи, Тибета и Монголіи съ землею Калмыковъ. Какую бы книжку они ни взяли и ни перевели, и это уже доставляло имъ славу по новости предмета. Со временъ Бюрнуфа, впрочемъ, начинается серіозное изученіе, хотя прежніе наѣзды не прекращаются и до сихъ поръ.

Но, намъ кажется, что есть другая, болѣе тайная причина для изученію буддизма, это—предполагаемое въ немъ сходство съ христіанствомъ; сперва католическіе миссіонеры стали утверждать, что эта религія есть искаженное христіанство, проповѣданное въ Индіи апостоломъ Ѳомою, для котораго нашлось и соотвѣтствующее имя въ буддизмѣ — Д'арма (Tha-mo); потомъ они видѣли въ немъ козни діавола, который передразнилъ христіанство. Вслѣдствіе этого, какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе задались равно, хотя и съ различными побужденіями, вопросомъ: не откроется ли чего-нибудь въ буддизмѣ, что̀ для однихъ возвеличило бы, а для другихъ подорвало бы христіанство?

Мы и сами не прочь отъ этой задачи, потому что насъ также занимаетъ вопросъ: почему христіанство и буддизмъ создали особаго рода монастырскую жизнь, которой не встрѣчаемъ въ другихъ религіяхъ, почему они имѣютъ нѣкоторыя сходныя легенды, почему есть общіе термины (спасеніе), почему есть сходство даже въ костюмахъ? Но вѣдь все это хотя и бросается въ глаза, однакоже не самое существенное въ обѣихъ религіяхъ. Что онѣ дѣйствительно могли имѣть ускользнувшую пока отъ исторіи связь въ древности, этому доказательство въ столь же мало извѣстной, но несомнѣнно бывшей связи между несторіанствомъ средней Азіи и буддизмомъ тибетскимъ: онъ принялъ нынѣшнюю форму именно подъ вліяніемъ несторіанства. Такъ какъ мы не довѣряемъ древности буддизма, такъ какъ мы находимъ въ немъ ясные слѣды, что зародышъ его былъ гораздо западнѣе Индіи, и что отдаленный западъ несомнѣнно вліялъ на его древнее развитіе, то не мудрено, что если не христіан-

ство прямо, то все-же постороннее вліяніе, общее и христіанству, отразилось на буддизмѣ.

Мы скорѣе готовы, во всякомъ случаѣ, допустить мысль, что буддизмъ былъ искаженіемъ христіанства, а не послѣднее заимствовало что-нибудь изъ него. Въ религіяхъ искаженіе часто есть то же, что̀ и развитіе; догматы не сокращаются, а напротивъ разростаются, суевѣрія не очищаются, а становятся болѣе загрубѣлыми, даже во времена просвѣщенія. Мы уже говорили, что буддизмъ принималъ на себя различныя формы, переходилъ отъ теоріи къ теоріи, отъ одного принятія къ другому Индія и востокъ на это способны; слѣдовательно, и христіанство, особливо еслибъ историческія событія разорвали его связь съ западомъ, могло бы еще потерпѣть здѣсь многія искаженія.... ,

Однакоже, въ доказательство именно того, что мы все еще мало и плохо знаемъ буддизмъ, что поэтому мы еще плохо могли вдуматься въ его значеніе, мы скажемъ, что до сихъ поръ еще не обратили вниманія на существенное его различіе отъ всѣхъ другихъ религій. Это различіе всего рельефнѣе выдается въ конечной цѣли буддизма, которой ничего подобнаго не могутъ выставить никакія другія религіи.

Была ли въ человѣчествѣ когда-нибудь мысль дерзче, по просту, богохульнѣе, чѣмъ буддійская, которая хочетъ сдѣлать не только человѣка, но и всякую тварь божествомъ? А вѣдь такова именно его цѣль. Когда, подумаешь что грязный нищій, весь въ лохмотьяхъ, можетъ-быть, самый развратный и безнравственный, а ужь, безъ сомнѣнія, ничего несмыслящій и незнающій, изъ-за куска хлѣба, чтобъ ему не отказали въ милостынѣ, готовъ увѣрить простодушнаго милостынеподателя, что онъ за такое доброе дѣло сдѣлается святымъ, богомъ, Буддою, — то страшно становится отъ убѣжденія, до чего можетъ дойти корыстный обманъ и самолюбивое легковѣріе.

„Чтобы всѣ одушевленныя существа сдѣлались Буддами!“ Такова самая обыкновенная фраза всякой религіозной статьи, всякой молитвы, всякой буддійской легенды. Какъ могла возникнуть такая идея, такое ученіе въ религіи? Мы, да и все человѣчество, всегда соединяли съ понятіемъ о религіи понятіе о Богѣ, но мы не видимъ, чтобъ и у древнихъ Грековъ, Вавилонянъ, Египтянъ, по ихъ религіямъ, можно было сдѣлаться богомъ. Буддійскія понятія могли, напротивъ, возникнуть только при отсутствіи всякаго признанія, какъ Бога, такъ и боговъ. Эта мысль могла возникнуть только за границами запада, потому

что, дѣйствительно, чѣмъ восточнѣе, тѣмъ болѣе наши понятія о Богѣ изчезаютъ. Китай совсѣмъ не знаетъ Бога.

Но за то востокъ не любитъ шутить тѣмъ, что онъ признаетъ: онъ старается представить свои фантазіи въ болѣе осязательномъ видѣ. Ни язычники, ни Іудеи, ни христіане не показали, не даютъ отчета, какъ дѣлаются святыми; всѣ говорятъ лишь вообще, что надобно быть благочестивымъ, добродѣтельнымъ, молиться или приносить жертвы. Для буддизма этого не достаточно; онъ смотритъ на духовную природу, какъ на физическую, указываетъ въ ней механическіе и химическіе процессы, предполагаетъ вылѣплять изъ нея какія-угодно фигуры и не затрудняется въ заготовленіи нужныхъ формъ для этой отливки. Конечно, сначала и въ немъ не было строгаго объясненія—какъ и почему дѣлаются арханами и буддами: усвоилъ себѣ, то-есть, понялъ четыре истины и сдѣлался арханъ, усвоилъ Ниданы—и Будда-особнякъ (Пратіека-Будда), вникъ въ смыслъ Праджня Парамиты и полный Будда (Саміяксамъ-Будда). Но послѣ оказалось даже недостаточнымъ мудренаго ученія объ отверженіи, то-есть, о недопущеніи до себя ничего, при новомъ ученіи объ обладаніи всепроницающимъ разумомъ. По этому ученію надобно поставить свой духъ такъ, чтобъ онъ ничѣмъ не былъ возмущаемъ, находился въ совершенномъ спокойствіи, не допуская никакой дѣятельности, и чтобы, въ то же время, разсуждалъ, проникалъ глубокія истины буддійскаго ученія, былъ погруженъ въ нихъ или весь пропитался ими. На словахъ-то и у насъ можно сказать, чего требуютъ буддисты, но на дѣлѣ представить это не такъ легко. Если вы разсуждаете такъ, значитъ не въ покоѣ; если не въ покоѣ, то значитъ—не разсуждаете. И вотъ буддизмъ пишетъ цѣлую программу, какъ достигнуть этого состоянія. Надобно пройдти не менѣе пяти путей, изъ которыхъ каждый, можетъ-быть, потруднѣе исполнить, чѣмъ погрузиться одновременно и въ покой, и въ разсужденіе. Первый путь будетъ приготовительный, или лучше сказать, заготовительный: нужно запастись нравственностію, созерцаніемъ и памятованіемъ о четырехъ главнѣйшихъ догматахъ. Послѣ этого вступаешь на путь дѣйствительный, въ которомъ надобно переходить состоянія теплоты, вершины, терпѣнія (не рождающаго, то-есть, освобождающаго отъ дурныхъ перерожденій), проявленія святости. Далѣе вступаешь на путь прозрѣнія, въ которомъ переходишь отъ одной степени святости къ другой. Кажется, ужь и достаточно бы; нѣтъ, теперь только начинается еще путь созерцанія, который нуженъ былъ и сначала, который не отпадетъ и послѣ, когда ро-

пишь въ послѣдній путь неученія, хотя объ этомъ пути, такъ какъ въ немъ уже не надобно учиться, не знаютъ, что̀ и сказать

Изъ этихъ пяти путей мы займемся только путемъ созерцательнымъ, такъ какъ онъ служитъ основаніемъ всего практическаго буддизма, котораго мы еще и не касались. Безъ него же нельзя было ничего сказать и о первоначальномъ буддизмѣ, который, по самой сущности, долженъ былъ обращаться къ нему и въ то время, когда еще не былъ ознакомленъ ни съ какими философскими теоріями. Это требованіе заключалось уже въ самой идеѣ отверженія міра: какимъ образомъ осуществить это отверженіе, и что̀ долженъ былъ дѣлать бикшу, когда онъ, сходивъ въ селеніе за милостынею, возвращался въ поле и садился или подъ открытымъ небомъ, или подъ деревомъ? Еслибъ онъ обязанъ былъ и не думать ни о чемъ, то какъ выполнить эту обязанность? Созерцаніе буддиста, хотя, конечно, и не въ той формѣ, какъ уже передается въ послѣдствіи (Абидарма-Коша—проще, чѣмъ Парамита), заключалось въ двухъ видахъ—или въ созерцаніи отвратительнаго, или въ наблюденіи за дыханіемъ. Для возбужденія въ себѣ отвращенія ко всему и для обузданія страстей, бикшу представляетъ передъ собою трупъ въ различныхъ видахъ (сперва въ четырехъ, а потомъ въ девяти): почернѣвшимъ, гніющимъ, поѣдаемымъ червями, раздувшимся, покраснѣвшимъ, распадающимся, развѣявшимся, сожженнымъ, имѣющимъ въ остаткѣ однѣ только кости. Далѣе, онъ представляетъ все въ видѣ скелета, начиная отъ своего лба и наполняя скелетами безграничное пространство вселенной; наполнивъ ее такимъ образомъ, онъ убираетъ эти скелеты, очищая отъ нихъ вселенную вплоть до своего тѣла, котораго, на этотъ разъ, не долженъ касаться; затѣмъ, опять выдвигаетъ скелеты и убираетъ, оставивъ только одну половину своего черепа; въ третій разъ выдвигаетъ и потомъ, убирая, оставляетъ только свое междубровіе (?!). Процессъ, которому не скоро научишься, и который не скоро выполнишь.

Говоря о другомъ процессѣ—наблюденіи за дыханіемъ (анапана), буддисты замѣчаютъ при этомъ, что онъ не заимствованъ отъ тиртикаовъ (иновѣрцевъ), а свойственъ только имъ однимъ и имѣетъ въ виду устраненіе невѣжества. Этотъ процессъ заключается въ томъ, чтобы не думать ни о чемъ, кромѣ того, какъ считать свое дыханіе и выдыханіе отъ одного до десяти разъ; — пріучивъ себя къ этому, слѣдить потомъ за дыханіемъ уже безъ счету, отчего просвѣтлѣетъ душа, то-есть, будто будешь чувствовать, какъ дыханіе распростра-

няется по всему тѣлу. Послѣ этого, третье состояніе будетъ прекращеніе всѣхъ тѣлесныхъ дѣйствій или достиженіе покоя (шэмата). Въ новомъ (четвертомъ) періодѣ возникаетъ, съ чувствомъ радости, анализъ однихъ душевныхъ проявленій, которыя въ слѣдующемъ (пятомъ) также надобно уничтожить, обратясь къ себѣ. то-есть, въ шестомъ періодѣ, духъ уже не будетъ ни къ чему обращаться, или ты будешь уже ощущать (душею?) душу (безъ всякихъ ея проявленій!).

Но собственно созерцаніемъ буддисты называютъ такое состояніе, въ которомъ мысль, обыкновенно переходящая, измѣняющаяся съ каждымъ моментомъ, остается неизмѣнною и во второй моментъ. Замѣчательно, что буддисты признали въ мірѣ существованіе атомовъ въ пространствѣ и моментовъ во времени и на нихъ основали утвержденіе о невѣчности или разрушеніи, потому что все, съ каждымъ моментомъ, становится другимъ, не тѣмъ, чѣмъ было. Слѣдовательно, если можно удержать душу неизмѣнною на другой моментъ, то это значитъ, можно придать ей вѣчность; фантастическія легенды поэтически олицетворяютъ это погруженіе въ разказѣ о томъ, какъ святой, достигшій подобнаго состоянія, извлекаетъ себя изъ подчиненности природы. Время его не касается, пространство не переноситъ его съ мѣста, на которомъ онъ утвердился; міры создаются и разрушаются, а онъ все неподвиженъ, все тотъ же, даже въ томъ же тѣлѣ; начинается новый періодъ мірозданія; можетъ-быть, его охватитъ морская пучина; можетъ быть, его закроетъ гора—что̀ ему за дѣло до этого! Случайный феноменъ развалитъ эту гору, люди подойдутъ къ этому мѣсту и увидятъ этого, за много міровъ погруженнаго, созерцателя; если они сумѣютъ обращаться съ нимъ, польютъ его масломъ, начнутъ воспѣвать религіозные гимны при звукахъ религіозной музыки, то могутъ вывести его изъ самопогруженія, — онъ очнется, спроситъ (на какомъ языкѣ?), гдѣ тотъ будда, который проповѣдывалъ при началѣ его самопогруженія.—Да это было въ періодѣ такого-то мірозданія, теперь уже другой будда, скажутъ ему. — При этихъ словахъ, онъ поднимется на воздухъ и сгоритъ собственнымъ огнемъ или разсыплется прахомъ. Это значитъ, онъ достигъ Нирваны: то былъ будда самъ по себѣ. Такимъ образомъ метода созерцанія, здѣсь разсматриваемая, создана извѣстною школою.

Дѣйствительно, исполненію предписаній анапаны приписываютъ способность переносить человѣка изъ нашего чувственнаго міра, называемаго обыкновенно міромъ страстей, въ другой міръ. Это опять не простая фраза, какъ мы понимаемъ ее на своемъ языкѣ: у восточ-

ныхъ жителей что слово, то и дѣло. Если не этого міра, то какого же? Если буддійская космологія пришла извнѣ, то буддисты, признавъ въ природѣ разницу міровыхъ слоевъ, — чѣмъ міръ выше, тѣмъ чище, — приноровили къ этой космологіи и свои психологическіе законы; если же психологія не заимствована, то она создалась именно вслѣдствіе самостоятельнаго ученія о тѣхъ превращеніяхъ, которымъ душа, или пожалуй, тѣло съ душею должны подвергаться для того, чтобы постепенно довести себя до изчезновенія изъ міра, до сліянія съ Нирваной. Итакъ, кромѣ чувственнаго міра, существуютъ еще два другіе: міръ формъ и міръ невидимый (опять, что слово, то и дѣло); каждый изъ нихъ раздѣляется на четыре сферы или слоя [1]). Въ психическомъ мірѣ должны быть точно также два различныя состоянія души (лучше существа), съ восемью соотвѣтствующими подраздѣленіями. Созерцанія, или лучше сказать, погруженія, соотвѣтствующія міру формъ, называются діянами, а соотвѣтствующія міру неформенному — самапатти. Когда мы излагали нашимъ мірскимъ языкомъ, въ чемъ заключается анапана, то конечно, не предполагали, что въ ней заключается такая мудрость, чтобы вознести человѣка дѣйствительно въ другой міръ; точно также и теперь, на нашемъ языкѣ слово будетъ расходиться съ воображаемою буддійскою дѣйствительностію.

Буддисты говорятъ: „Когда исполнишь предписанія анапаны, то вступишь въ первую діяну. Въ ней будешь находиться, когда, отдѣлившись отъ всего дурнаго, предаешься размышленію, обдумыванію и происходящимъ отъ этого отдѣленія радости и блаженству. Вслѣдствіе этого, въ этой діянѣ являются еще пять членовъ, то-есть, новыхъ состояній: 1) витарка—обсужденіе или пробужденіе, когда, перенесясь въ міръ формъ, чувствуешь прикосновеніе къ своему чувственному тѣлу чистоты этого міра, не отвлекаясь, однакожь, отъ обращенія разума къ аналитическому разбору; 2) обсужденіе новаго состоянія; 3) радость отъ этого чувствуемая; 4) спокойное пользованіе такимъ состояніемъ; 5) сосредоточеніе мысли послѣ этихъ ощущеній — на одномъ концѣ.

„Когда, прекративъ общее и частное (метафизическое и аналитическое?) обсужденіе и очистивъ свою внутренность, достигнешь сосредоточенія мыслей на одномъ концѣ, то почувствуешь отъ этого новое состояніе радости и блаженства и вступишь во вторую діяну

[1]) Образовавшіеся въ этихъ мірахъ наросты, значитъ, явились уже послѣ принятія соотвѣтствующихъ имъ созерцаній.

Тутъ четыре факта: 1) внутренняя чистота, свободная отъ всякаго мышленія, 2) радость, 3) наслажденіе, и 4) сосредоточеніе мысли снова.

„Освободившись этимъ новымъ сосредоточеніемъ отъ приманокъ радости, когда погрузишься въ равнодушіе, помня и ощущая тѣломъ блаженство, то вступишь въ третью діяну называемую не имѣющею радости. Она состоитъ изъ: 1) равнодушія, 2) памяти или заботливости о возращеніи блаженства, 3) умѣнья усвоить своему тѣлу это блаженство, 4) распространенія этого блаженства по всему тѣлу, при чемъ оно является совсѣмъ особымъ отъ того, какое чувствовалось въ предыдущей діянѣ, и 5) сосредоточенія мысли.

„Когда, уничтоживъ самое блаженство, добрыя и дурныя помышленія, чувство удовольствія и ощущенія, достигнешь полнѣйшаго равнодушія и памяти (заботливости), то вступаешь въ четвертую діяну, въ которой: 1) отсутствіе пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, 2) равнодушіе къ покинутому блаженству, 3) память (заботливость) о сохраненіи настоящей чистоты, 4) самое полное и совершенное сосредоченіе мысли".

Только эта діяна и есть настоящее созерцаніе или самопогруженіе. Она считается даже выше созерцаній, относящихся къ міру безформенному. Послѣднихъ тоже, какъ мы сказали, четыре самапатти, и онѣ носятъ названіе по именамъ четырехъ космологическихъ областей этого міра.

„Когда, истребивъ всѣ представленія, приводишь душу въ состояніе (?) безграничнаго неба, то и достигаешь состоянія, называемаго безграничнымъ небомъ". Тутъ, на мѣсто міра формъ, является міръ пустоты, остается только жизнь и теплота. Для этого надобно разбранить форму и выставить всѣ прелести безформенности, представить свое тѣло пустымъ, рыхлымъ, подобнымъ флеру; отъ тѣла должно переходить къ подобнымъ же представленіямъ о внѣшнемъ мірѣ: уничтожай ухо, глаза и прочіе органы и внѣшніе предметы, возбуждающіе ихъ. Но и пустота имѣетъ свои недостатки; надобно погрузиться въ безграничное знаніе, въ которомъ сливаются настоящее, прошедшее и будущее. Пустота есть нѣчто внѣшнее, нужно перенестись внутрь; разбрани пустоту, восхвали знаніе.

„Надобно погрузиться въ то, въ чемъ ничего нѣтъ. Отсюда въ состояніе, въ которомъ нѣтъ ни представленія, ни непредставленія".

Эти постепенные переходы изъ одного состоянія въ другое, изъ міра въ міръ (понимай буквально), начавшіеся съ анапаны, совер-

шаются будто съ помощью восьми созерцаній, соотвѣтствующихъ какъ бы продолженію перваго процесса, то-есть, созерцанія отвратительнаго. Здѣсь эти созерцанія называются восемью отрѣшеніями — вимокша. Въ первомъ отрѣшеніи созерцаются внѣшнія формы въ отвратительныхъ картинахъ до тѣхъ поръ, пока не получится свѣтъ восьми родовъ, въ которомъ явится изображеніе будды. Во второмъ, чрезъ разсматриваніе отвратительныхъ картинъ очищается внутренность, кости и тѣло распадаются, и изъ внутренней чистоты выходитъ лучевой свѣтъ, освѣщающій всѣ десять странъ (то-есть, всю вселенную, всѣ міры). Третье отрѣшеніе состоитъ какъ во внутренней, такъ и внѣшней чистотѣ, при чемъ разсматривается одинъ свѣтъ во всемъ его великолѣпіи, и оттого рождается самое глубокое созерцаніе, соединенное съ блаженствомъ, свойственнымъ третьей діянѣ. Четвертое отрѣшеніе заключается въ созерцаніи пустоты, когда отвергнешь предыдущій свѣтъ и погрузишься въ напряженное состояніе безграничнаго неба. Далѣе переходятъ къ безграничному знанію, къ „ничему“ въ чемъ нѣтъ ни представленія, ни непредставленія, и наконецъ, къ уничтоженію ощущенія и представленія или къ состоянію нирваны.

Въ связи съ этими созерцаніями, которыя и сами, какъ діяны и самопатти, могли явиться въ разное время и даже сначала могли составлять особую систему практики, въ буддизмѣ есть еще другія созерцанія, также появившіяся, вѣроятно, не одновременно, какъ напримѣръ, восемь превосходныхъ и десять повсемѣстностей. Первыя состоятъ изъ созерцанія внѣшнихъ формъ не только въ отвратительномъ, но и въ прекрасномъ видѣ, безъ чувства къ нимъ отвращенія или влеченія сперва въ маломъ видѣ, потомъ въ увеличенномъ размѣрѣ, въ представленіи всего, по полученіи свѣта въ третьемъ отрѣшеніи, то чернымъ, то желтымъ и т. д.

Въ десяти повсемѣстностяхъ все пространство, котораго только можетъ достигнуть мысль, вся вселенная представляются не только въ черномъ, а потомъ въ желтомъ, красномъ и бѣломъ цвѣтахъ, но и освѣщенною подобными цвѣтами; такъ какъ этого нельзя достигнуть вдругъ, то совѣтуютъ начинать съ небольшаго пространства Затѣмъ, представленія заключаются въ наполненіи всего пространства сперва землею, потомъ водой, огнемъ, воздухомъ, пустотой (или небомъ), знаніемъ

Посредствомъ этихъ созерцаній, и именно посредствомъ восьми отрѣшеній, достигается верховное званіе, сопровождаемое шестью яснови-

дѣніями и прочими аттрибутами Будды. И вотъ, вмѣсто уничтоженія существованія, исчезновенія изъ міра, создается существо высшее, самостоятельное, всесильное. Будда владѣетъ окомъ и ухомъ боговъ, знаніемъ чужихъ мыслей, воспоминаніемъ прошедшаго, чудотворною силою—силою прекратить сансару, то-есть, все существованіе. Онъ можетъ дѣлаться невидимымъ, взлетать на воздухъ, изъ верхней части тѣла испускать огонь, а изъ нижней—воду; изъ одного сдѣлать многое, а изъ многаго одно; быть въ одно и то же время видимымъ и невидимымъ; проходить сквозь стѣну, гору, выходить изъ земли и проваливаться сквозь землю; ходить по водѣ; испускать дымъ и пламя; держать въ рукахъ солнце и луну, управлять міромъ и проч. Развѣ это не то же понятіе, которое мы имѣемъ о нашемъ Творцѣ? И между тѣмъ Будда—самъ существо созданное, постепенно возвышавшееся до этого званія. И какія немудреныя средства нужны, собственно говоря, чтобы сдѣлаться буддою!

Въ послѣдствіи, Будда представляется, однакоже, въ болѣе облагороженномъ видѣ; онъ имѣетъ особый міръ для жилища (д'армадату), особые ингредіенты (сканды), изъ которыхъ состоитъ его тѣло, и притомъ три тѣла, особые виды разума. Но, какъ мы говорили уже, въ догматы буддизма вошло столько разнородныхъ теорій и процессовъ, которые то сливаются, то расходятся между собою, что на этомъ нельзя останавливаться, и распутать все смѣшеніе мы вовсе не имѣемъ здѣсь въ виду.

Но если въ послѣдствіи времени буддисты согласились, какъ должно понимать Будду, согласились, что Будда одинъ и тотъ же всюду и всегда, въ прошломъ и будущемъ, то они согласились также признавать, что способы сдѣлаться Буддою не одинаковы, то-есть, старались согласить отдѣльно возникавшія теоріи.

Сейчасъ приведенный процессъ не единственный, но и не послѣдній. Махаяническое ученіе требуетъ отъ Будды выполненія вполнѣ въ продолжительныхъ перерожденіяхъ шести парамитъ: за добродѣтели онъ получаетъ тогда тѣло блаженства, за метафизическія размышленія—высочайшій разумъ. Но мы не будемъ пускаться въ разъясненіе этого. Отъ процесса созерцательнаго, начавшагося еще, конечно, можетъ-быть, не въ той полнотѣ, какъ мы изложили его. перейдемъ къ процессу практическому.

Сторона буддизма всего менѣе извѣстная и изслѣдованная, а между тѣмъ представляющая именно послѣднее его развитіе и богатая литературою, которая составляетъ въ послѣднее время у Тибетцевъ едва-ли не

единственный балластъ, это система волхвованія. Первоначальный буддизмъ былъ чуждъ ея; въ предписаніяхъ Винаи бикшу именно было запрещено заниматься чарами. Но буддизмъ очень эластиченъ въ своемъ развитіи; онъ съ своимъ догматомъ: „все что̀ полезно, то и есть ученіе Будды“, сумѣлъ все допускать и оправдывать, когда видѣлъ возможность привлечь къ себѣ поклонниковъ; мы должны однакоже по всему заключить, что исторія его представляетъ отраженіе умственной исторіи Индіи,—вопросовъ, которые ее занимали, идей или системъ, которыя, въ извѣстное время, въ ней преобладали. Преобладаніе волшебства въ послѣднее время показываетъ опять, что оно, въ томъ видѣ, какъ преподается, не было чисто индѣйское произведеніе и занесено въ Индію послѣ перваго распространенія буддизма. Мы ни у кого даже изъ китайскихъ путешественниковъ не видимъ, чтобы въ ихъ время, хотя бы у тиртиковъ, преобладала система волхвованія въ такомъ видѣ. Легенды Сюаньцзана далеко не того характера, что̀ у изданнаго нами Даранаты; стремленія буддійскаго волшебства въ послѣднее время опять не тѣ, что̀, напримѣръ, въ исторіи Нагарджуны [1]), въ которой разказывается, что онъ еще сумѣлъ только достигнуть до средства дѣлаться невидимымъ.

Если нельзя не видѣть, что буддизмъ и въ теоретическихъ догматахъ передѣлывалъ по своему чужое, то тѣмъ очевиднѣе это становится касательно волхвованія. Всѣ легенды указываютъ, что волхвованіе пришло въ буддизмъ съ запада и юга, — послѣдній также имѣлъ морское сообщеніе съ западомъ Ближайшимъ пунктомъ къ Индіи былъ городъ Газна, который почитается именно хранилищемъ таинственнаго ученія. Потому, хотя буддисты и упоминаютъ о существованіи и у браминовъ Тантръ, но это скорѣе можетъ доказать только, что Индія въ цѣломъ составѣ подвергалась вліянію запада. И такъ какъ, съ одной стороны, христіанство, а съ другой—магометанство истребили памятники западно-азіатской культуры, то въ этомъ случаѣ значеніе буддизма опять выигрываетъ Мы всѣ знаемъ, что въ западной Азіи были волхвы, были жрецы и маги; но чѣмъ они занимались, это остается для насъ неизвѣстно. Теперь буддизмъ приподнимаетъ предъ нами покровъ съ этой таинственности: Память о волшебствѣ и волшебникахъ сохранилась у всѣхъ народовъ, но какъ именно волхвовали, мы узнаемъ объ этомъ только изъ буддизма. Трудно отличить только въ немъ что̀ было простымъ заимствованіемъ,

[1]) Она приведена въ I-й части нашего сочиненія: «Буддизмъ»

и что̀ выработано своего; вѣроятно, однакожь, что та часть въ волхвованіяхъ, въ которую входятъ теоретическія размышленія принадлежитъ самому буддизму и составляетъ главную, если, можетъ-быть, не единственную связь его съ чисто постороннимъ предметомъ.

Мысль о волхвованіи и вѣрованіе въ него, конечно, основаны на суевѣріяхъ и на не истребленномъ до сихъ поръ въ человѣческомъ духѣ убѣжденіи въ возможности сверхъестественнаго. Но если обратиться къ волхвованію буддійскому, то источникъ его едва-ли, прежде всего, не кроется въ томъ магическомъ вліяніи, которое произвело на Индійцевъ знакомство съ письмомъ и съ граматикою; какъ то, такъ и другое пришло съ запада. Невѣжественную чернь и до сихъ поръ не убѣдишь, что телеграфъ передаетъ вѣсти безъ помощи дьявола, что мельникъ не водится съ чертомъ; что̀ же мудренаго, что и письмо, при первомъ знакомствѣ съ нимъ Индійцевъ, было почтено за волшебство? Такъ какъ самый древній памятникъ индійской письменности относится къ временамъ Піядаси, то если это не современникъ Будды Аджаташатру, а болѣе поздній Асока, мы видимъ въ исторіи Даранаты легенду о томъ, какъ грамота этого царя заставила драконовъ принести захваченныя ими богатства; тутъ вся легенда вертится именно на силѣ грамоты. Въ знакомствѣ съ граматикою, которая потребовала вдумываться въ сверхъестественное значеніе слова и отношеніе его къ предметамъ, буддизмъ отождествилъ слово съ означаемымъ имъ предметомъ, который по его теоріи пустъ. Такимъ образомъ первымъ зародышемъ волхвованія было вѣрованіе въ Д'арани. Это не то, что̀ заклинанія, не то, что̀ таинственныя формулы; это формулы, выражающія собою сущность или предмета, или силы, дѣйствующей въ природѣ, сущность теоріи, душу духа, бога, высшаго существа. Собственно это иногда простая молитва, призываніе, имя (Манипадма, Амитаб'а), иногда же наборъ словъ (Ириди, ириди, мириди, мириди, шириди, шириди, пхуюе, пхуюе, сваха), можетъ-быть, даже иностранныя слова (о нѣкоторыхъ говорятъ, что они изъ языка Млечча). Уже въ теоретическомъ буддизмѣ нерѣдко встрѣчается толкованіе о мистическомъ значеніи буквы [1]); въ прак-

[1]) По мистическому ученію, каждая изъ санскритскихъ буквъ считается символомъ тѣла и духа какого-нибудь будды или бодисатвы, выраженіемъ духовнаго бытія (дармадату), догматовъ, званій, пріобрѣтаемыхъ волхвованіемъ. Буква *А* есть выраженіе безпризрачнаго бытія (дармадату), *А* представляетъ тѣло Вайрочаны, дармад'ату, сердце Боди; *Омъ* — отворяетъ доступъ ко всѣмъ вратамъ ученія и есть мать д'арани, *Хумъ* — заключаетъ въ себѣ всѣ д'арани, тѣло Ваджрад'ары, представляетъ трое воротъ спасенія, и т. д.

тическомъ буддизмѣ эти буквы, вошедшія въ составъ д'арани, предписывается созерцать, то-есть, представлять или внутри себя, или передъ собою, въ извѣстномъ расположеніи, въ извѣстномъ свѣтѣ. Кто знаетъ, быть можетъ, такая практика была введена сначала для того только, чтобъ учащійся запоминалъ начертаніе буквъ (оно и нынѣ всегда въ формѣ древнѣйшаго почерка Лань-цза), заучивалъ главныя граматическія правила. Если санскритъ не существовалъ уже въ это время, какъ разговорный языкъ, то чтобы заставить ему учиться, стали прибѣгать къ восхваленію его таинственной силы; то же, можетъ-быть, дѣлали и для другихъ языковъ (Млечча), которые были забыты пришедшими въ Индію и переродившимися инородцами.

Но разсмотримъ поближе, какое значеніе выработалъ, конечно, не съ перваго разу, буддизмъ въ д'арани. Мы беремъ здѣсь нарочно китайскій источникъ, потому что въ Китаѣ мистицизмъ или волхвованіе не пошло далѣе того, что находимъ здѣсь, а нынѣ его можно считать едва-ли не прекратившимся совсѣмъ. Обращаемся къ книгѣ: Сянь-ми-юань-тунъ, то-есть, взаимная связь раціональнаго и таинственнаго ученія. Сочинитель этой книги сначала распространяется о томъ, что раціональное и мистическое ученія не противорѣчатъ другъ другу, о чемъ подробнѣе находимъ и у тибетскаго Дзонхавы; затѣмъ, мистическое ученіе онъ видитъ только въ д'арани, и какъ представительницу ихъ, разбираетъ одну только д'арани Чжуньда.

„Формула Чжуньда, которая есть душа и мать семидесяти милліоновъ буддъ, слѣдующая: „Намо саптанамъ саміяксамъ Будда котинамъ тадіята: омъ чжалэ чжулэ чжуньдэ сваха, б'румъ". Будда говоритъ, что эта формула можетъ очистить всѣ десять простыхъ и пять смертныхъ грѣховъ [1]), устранить всѣ препятствія, происходящія отъ проступковъ, доставить всѣ достоинства... Если владѣющій ею, — все равно духовный ли онъ или свѣтскій, — произноситъ ее отъ чистаго сердца, то можетъ увеличить долгоденствіе, излѣчить даже, не говоря о другихъ недугахъ, самую болѣзнь кямало. Если кто прочитаетъ ее ровно 49 дней, то бодисатва [2]) пошлетъ двухъ духовъ неотступно за нимъ слѣдовать и сказывать ему о всѣхъ его помышленіяхъ: которыя дурны, которыя хороши. Если кто несчастливъ, не можетъ добиться званія, страдаетъ отъ бѣдности и огорченій, то пусть только читаетъ эту формулу, и тогда даже въ настоящей жизни

[1]) Убійство матери, архана, отца, произведеніе раскола, пролитіе крови будды.
[2]) Бодисатва, а не какъ въ Тантрахъ, извѣстный Богъ.

онъ можетъ достигнуть званія чакраварти (самодержца), не только чего другого Кто ищетъ разума, тотъ получитъ разумъ, кто проситъ дѣтей, тому дадутся дѣти, — словомъ, нѣтъ ни одного желанія, которое не исполнилось бы; эта формула подобна драгоцѣнности чинтамани, удовлетворяющей всѣ желанія. Читая ее, снискиваешь любовь и уваженіе отъ царя, вельможъ и народа четырехъ кастъ; когда они увидятъ тебя, то будутъ радоваться. Повторяющій эту д'арани не сгоритъ въ огнѣ, не потонетъ въ водѣ; ему не причинятъ вреда ни ядъ, ни завистники, ни непріятель, ни сильный злодѣй, ни злые драконы, звѣри, черти и проч. Если хочешь вызвать Браму, Индру, четырехъ Махарачжа, боговъ Яма и другихъ, и дать имъ какія-нибудь приказанія, стоитъ только прочитать эту д'арани, которая имѣетъ великую силу въ южномъ Джамбудвипѣ; черезъ нее можно сдвинуть гору Сумеру, изсушить океанъ; когда прочтешь ее надъ засохшимъ деревомъ, оно дастъ цвѣты и плоды; нечего и говорить о томъ, что, повторяя ее какъ слѣдуетъ [1]), можно измѣнить свое тѣло, пріобрѣсти Рид'и-патти (магическую стопу) [2]) и отправиться на небо Тушита Если хочешь вѣчно жить или получить снадобье безсмертія, прочитай только эту формулу и тогда явится къ тебѣ кто-нибудь: или бодисатва Авалокитешвара, или Ваджрапани, и подадутъ его; съѣвъ снадобье, тотчасъ сдѣлаешься Риши, котораго жизнь продолжается столько же, сколько жизнь боговъ солнца или луны. Если повторить эту формулу, какъ слѣдуетъ, миллионъ разъ [3]), то получишь силу побывать во всѣхъ мірахъ буддъ десяти странъ, поклониться имъ, послушать отъ нихъ превосходное ученіе и черезъ то достигнуть бодди.

Если ты намѣренъ заняться совершеніемъ этой д'арани по закону манд'ала [4]), то заготовь какъ можно болѣе жертвъ, выкопай землю и устрой жертвенникъ изъ благовонной глины; возьми новое, еще не упо-

---

[1]) Какъ слѣдуетъ, то-есть, внятно; чисто по-санскритски, съ удареніями, не измѣняя ни долгихъ, ни короткихъ слоговъ, такъ какъ Китайцы не мастера произносить чисто иностранныя слова, то имъ, вѣря въ дѣйствительность д'арани, было отчего придти въ отчаяніе; о другихъ видахъ повторенія говорится ниже.

[2]) А еще не Шиди

[3]) Вотъ для этого-то повторенія огромнаго числа разъ молитвъ, не возможнаго для силъ человѣческихъ, ламы и выдумали вертящіяся машинки (хурду — колесо), въ которыхъ вложены д'арани, написанныя въ огромномъ числѣ; каждый разъ, какъ повернется колесо, значитъ д'арани прочитаны столько разъ, сколько ихъ тамъ написано; для бога все равно, читаютъ ли ихъ, или вертятъ.

[4]) Мандала — магическій кругъ.

треблявшееся, зеркало [1]) и поставь его передъ кумиромъ будды; пятнадцатаго луннаго мѣсяца ночью, обратясь лицомъ къ востоку, стань передъ зеркаломъ, принеси какъ можно лучшія жертвы, воскури успокоивающіе фиміамы, возлей чистѣйшую воду [2]); потомъ, положивъ на сердце мудру [3]), прочитай надъ зеркаломъ формулу 108 разъ и положа его въ мѣшечекъ, носи всегда при себѣ; всякій разъ, какъ вздумается произносить д'арани, поставь передъ собою зеркало, которое будетъ служить вмѣсто мандала, и сдѣлавъ мудру, повторяй; если нельзя будетъ повторять каждый день передъ зеркаломъ, то требуется дѣлать это только въ десять постныхъ (по нашему, праздничныхъ) дней мѣсяца [4]), а въ другіе дни можно повторять и безъ зеркала (а число повтореній примется въ счетъ).

Эта формула почитается выше всѣхъ и служитъ для приведенія въ силу и другихъ.

Если кто не въ силахъ запомнить всей формулы, то начинай только со слова „омъ“ [5]), потому что до этого слова формулы суть только выраженія почтенія, а самая д'арани начинается съ омъ. Всякій разъ, когда повторяешь ихъ, сложи пальцы правой руки въ формѣ алмазнаго кулака [6]) и этою рукою запечатлѣвай пять мѣстъ на тѣлѣ: сперва на лбу, потомъ на лѣвомъ и правомъ плечахъ, на сердцѣ, и наконецъ, на горлѣ (!?). Это можетъ уничтожить всѣ демонскія навожденія, доставить все превосходное. Когда хочешь изгнать демоновъ изъ своего жилища, то должно прочитать дарана Чжундэ 21 разъ надъ благовонною водой и окропить ею всѣ стѣны, углы, верхъ и низъ.

Однакоже, впослѣдствіи навѣрно оказалось недостаточно простаго повторенія; придумали, что для того, чтобы д'арани имѣла обѣщан-

---

[1]) Зеркало играетъ роль тоже, вѣроятно, по своей рѣдкости, какъ и азбука.

[2]) На зеркало, въ которомъ отражается изображеніе будды; обмываніе значитъ почтеніе; у насъ въ сказкахъ дорогаго гостя прежде всего ведутъ въ баню.

[3]) Руки въ извѣстномъ положеніи пальцевъ, чрезвычайно трудно складываемомъ; они, съ одной стороны, прообразуютъ совершаемаго бога, съ другой — имѣютъ значеніе жертвы

[4]) 1-го, 8-го, 14-го, 15-го, 18-го, 23-го, 24-го, 28-го, 29-го и 30-го чиселъ мѣсяца

[5]) Этого не сказали бы, если бы санскритскій языкъ былъ извѣстенъ, потому что предыдущія слова значатъ только: поклонюсь семидесяти милліонамъ буддъ.

[6]) Четыре пальца прижимаютъ большой, приложенный къ первому составу безыменнаго.

ную силу, было соблюденіе извѣстныхъ условій, называемое выполненіемъ.

Отъ этого частнаго ученія о значеніи одной д'арани, китайское сочиненіе переходитъ къ объясненію введенныхъ послѣ пріемовъ, для выполненія какой бы то ни было. Эти пріемы находятся въ прямой связи съ тѣми системами, которыя вошли въ составъ послѣдующаго развитія мистицизма, передаваемаго Тибетцами.

Выполненіе д'арани бываетъ весьма разнообразно, судя по способностямъ занимающагося и выбору д'арани Выполненіе бываетъ или: 1) югическое (созерцательное), когда, беря въ примѣръ д'арани Чжуньда, представляешь въ срединѣ своего сердца чистою и прозрачною, какъ кругъ луны, букву „омъ", и вокругъ нея обвиваются съ правой стороны слоги *чжа*, *лэ*, *чжу*, и т. д. до *сва ха;* 2) выполненіе дыхательное, когда, при каждомъ вдыханіи и выдыханіи изъ себя воздуха, представляешь ясно, какъ выходятъ изъ тебя и входятъ слоги д'арани. Это вхожденіе должно представляться непрерывною цѣпью или нанизкою буквъ, въ видѣ лучезарныхъ жемчужинъ; или, при выдыханіи изъ себя воздуха, представляй, что расположенные на лунномъ кругѣ твоего сердца девять складовъ (омъ, чжа, лэ, чжу, лэ, чжун, до, сва, ха), выходятъ черезъ твой ротъ въ видѣ нанизки, издавая пятицвѣтные лучи, и войдя въ ротъ бодисатвы Чжундэ, кладутся на лунный кругъ сердца бодисатвы, а при вдыханіи въ себя, наоборотъ, буквы бодисатвы входятъ въ твой ротъ; 3) алмазное выполненіе состоитъ въ томъ, что во время произнесенія д'арани, не шевеля губами и зубами, чуть ворочаешь языкомъ внутри рта; 4) повтореніе тихое, когда слышишь только самъ, а между тѣмъ каждый слогъ произносится отдѣльно и внятно; 5) чтеніе громкое. Сверхъ того, повтореніе бываетъ или по счету на четкахъ [1]), или безъ счету; въ первомъ случаѣ, должно опредѣлить напередъ число разъ, которое намѣреваешься повторить, и уже никакъ не прекращать до тѣхъ поръ, пока не кончишь. Чтеніе производится или одинъ разъ въ день поутру, или дважды, трижды, то-есть, сверхъ утра—въ сумерки и въ полдень. Читающій д'арани долженъ привести въ таинственное соотвѣтствіе съ формулою свое тѣло, слово и духъ; первое выражается мудрами, второе—самымъ чте-

[1]) Зерна въ четкахъ бываютъ различныя, смотря по богу, котораго совершаютъ; нитка, на которой они нанизаны, должна быть спрядена непорочною дѣвицей и ссучена втрое.

ніемъ, а третье, когда или представляешь себѣ самое начертаніе буквъ, или слѣдишь за звуками, или представляешь себѣ бодисатву Чжунда или его аттрибуты, держимые имъ: пестъ, вазу, цвѣты, плоды и проч.

Передъ началомъ повторенія какихъ бы то ни было д'арани, нужно еще соблюдать извѣстный пріемъ: должно сперва погрузиться въ созерцаніе (самади), очищающее духовное бытіе (д'армад'ату) Оно состоитъ въ томъ, что представляешь на своей макушѣ (слогъ) рамъ лучезарный, какъ драгоцѣнность мани или полную луну: затѣмъ, должно произнести 21 разъ: омъ, рамъ! Этому процессу приписывается сила очищенія жилища, платья, тѣла, что̀ и называется очищеніемъ духовной стихіи: оно выше, чѣмъ омовеніе водой Или есть другой пріемъ: преврати представляемый на макушкѣ слогъ рамъ въ трехугольное (?) огненное колесо (?), которое пережигаетъ все твое тѣло отъ макушки до пятокъ такъ, что останется только одно духовное бытіе. Потомъ представь, что возродилась вновь буква А и произвела твое тѣло. Затѣмъ представляй слогъ Амъ посреди крестоваго шва макушки,—это почитается символомъ возліянія или таинственнаго посвященія буддами своего сына. Еще другой пріемъ состоитъ въ представленіи своего сердца въ видѣ луннаго круга, посреди котораго находится или буква омъ, или буква А, или слогъ хумъ; или, вмѣсто сердца, эти слоги можно представлять и на языкѣ. Также представляютъ, что изъ шеи выходитъ лотосъ, и на немъ является буква А, которая превращается въ лунный кругъ, а этотъ въ слогъ хумъ, онъ — въ пятиколѣнчатыи алмазный жезлъ, который мысленно переносится на языкъ, ставшій оттого алмазнымъ. Еще можно представлять девять лучезарныхъ слоговъ д'арани Чжунда расположенными на различныхъ частяхъ тѣла: омъ—на головѣ, чжа—на глазахъ, лэ—на шеѣ, чжу—на сердцѣ, лэ—на плечахъ, чжунъ—на пупкѣ, дэ—на ягодицахъ, сва—на голеняхъ, ха—на ногахъ. Послѣ такого рода пріемовъ, приступаютъ и къ самому повторенію.

Разставаясь теперь съ китайскимъ буддизмомъ, мы обратимъ здѣсь вниманіе только на то обстоятельство, что въ уровень съ нимъ, хотя, конечно, не слово въ слово, развился и даосизмъ; онъ остановился, какъ мы видѣли, на однѣхъ только молитвахъ, созерцаніяхъ и мистическихъ пріемахъ.

Между тѣмъ, какъ мы уже не разъ говорили, тибетскій мистицизмъ образовалъ собою цѣлую огромную систему, создалъ полное и новое ученіе. Не смѣя вдаваться въ подробности, мы ограничимся

изложеніемъ этой системы по сочиненію знаменитаго ламаиста Цзонхавы.

Надобно замѣтить, что буддизмъ почти позже всѣхъ странъ внѣ Индіи распространился въ Тибетѣ; эта страна сначала не была для него благопріятна, развѣ только юго-западная ея часть, служившая иногда сухопутнымъ сообщеніемъ между Китаемъ и Индіею, была знакома съ буддизмомъ. Въ первый разъ эта религія была занесена туда едва-ли не изъ Китая, и то въ VII столѣтіи, когда Китайцы почти уже окончательно пополнили свою буддійскую литературу. Только когда магометанство, встрѣтившее сильный отпоръ въ Средней Азіи, — благодаря именно Тибетцамъ, которые въ то время сформировали сильное царство, — проникло въ Индію и обратилось къ преслѣдованію буддизма, индѣйскіе ламы стали искать убѣжища въ гористомъ Тибетѣ, который къ тому времени распался на части. Это распаденіе всего больше помогло распространенію въ Тибетѣ новой вѣры, но за то и образовало изъ нея множество своеобразныхъ школъ. Каждая мѣстность училась религіи по тѣмъ книгамъ, которыя были занесены бѣжавшими въ нее ламами, или по тѣмъ, которыя обращенные Тибетцы сами могли добыть. Одни изучали часть теоретическую, другіе—только мистицизмъ съ различными подраздѣленіями и толками. Созидались и свои особенныя системы; сочинялось не мало и книгъ апокрифическихъ, хотя и всѣ индійскія нельзя освободить отъ такого названія. Единства вѣры не было; не было ея даже и во времена Юаньской династіи, хотя Хубилай и отдалъ, по политическимъ соображеніямъ, Тибетъ во власть извѣстнаго Пагба ламы, представителя одной только школы. При Юаньской династіи, Тибетцы даже и не славились своею религіозною ученостію; когда понадобилось Пекинскому двору сдѣлать сводъ и пополненія въ буддійско-китайской литературѣ, тогда обратились не къ Тибетцамъ, а къ Уйгурамъ Но при концѣ Юаньской династіи родился въ Амдо, сѣверо-восточной части Тибета, давно уже вошедшей въ составъ собственно Китая, — Цзонхава; еще въ дѣтствѣ онъ поступилъ на родинѣ ученикомъ въ монастырь, и подросши. отправился въ Тибетъ оканчивать свое образованіе Тамъ, переходя съ мѣста на мѣсто, изъ монастыря въ монастырь, отъ учителя одной школы къ другой, онъ изучилъ всѣ существовавшія въ то время въ Тибетѣ разрозненно системы буддизма и потомъ изъ всего имъ узнаннаго началъ составлять одинъ общій сводъ, приводя его въ систему, примиряя противорѣчія и исправляя уклоненія. Его труды, можно сказать, были чисто

ученые; прославившись ими, онъ пріобрѣлъ, конечно, уваженіе не только отъ свѣтскихъ, выражаемое въ матеріальныхъ приношеніяхъ, но и въ кругу духовныхъ: у него явилось множество учениковъ. Съ ними и на суммы жертвователей онъ основалъ, подъ конецъ жизни, недалеко отъ Хлассы, особый монастырь, ввелъ въ него особый уставъ, основанный будто бы на строгомъ исполненіи предписаній Винаи, и далъ своимъ ученикамъ особый костюмъ того желтаго цвѣта, который будто бы предписывается въ Винаѣ; ввелъ особую шапку, которую носили въ Индіи ученые пандиты буддійскіе въ знакъ побѣды надъ еретиками: оттого-то основанная имъ школа и получила общее названіе желтошапочнаго ученія. Если эта школа поразила католиковъ сходствомъ въ наружности съ ихъ монашествомъ, то надобно еще изслѣдовать, не заимствовалъ ли Цзонхава чего-нибудь отъ христіанъ (и не однихъ несторіанцевъ), которые существовали въ Средней Азіи еще до владычества Монголовъ, а при этомъ владычествѣ, волей и неволею, были привлечены въ Монголію, можетъ-быть, въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ намъ пока извѣстно.

Между многочисленными сочиненіями Цзонхавы два служатъ руководствомъ къ изученію всего новаго тибетскаго буддизма. Одно изъ нихъ, Ламъ-римъ — порядокъ пути, есть изложеніе всей теоріи буддизма: ученія о четырехъ истинахъ, ниданахъ парамитахъ, пяти путяхъ, Шемата и Вэйпашіяна. Другое, Нгагъ-римъ — порядокъ заклинаній, обозрѣваетъ все существенное содержаніе мистическаго ученія Содержаніе этого-то послѣдняго мы и постараемся здѣсь передать, хотя понятно, что огромное сочиненіе, наполненное цитатами съ ихъ объясненіями и сближеніями, касаясь совершенно новаго предмета, не можетъ быть передано вполнѣ на нѣсколькихъ страницахъ.

Надобно замѣтить, что мистическое ученіе не нашло себѣ мѣста въ теоретическомъ буддизмѣ, хотя послѣдній давалъ доступъ многимъ нововведеніямъ. Мистическій буддизмъ хочетъ увѣрить, что и онъ принадлежитъ къ ученію будды, что переходъ духовнаго отъ размышленій теоретическихъ къ практическому исполненію его предписаній есть самый естественный. Но спрашивается: почему же,—когда составлялись обозрѣнія теоретическія, когда самъ будда говоритъ въ нихъ, какія части составляли его ученіе, въ чемъ оно заключалось,— онъ не упоминаетъ о нихъ? Очевидно, что буддисты заимствовали чары извнѣ, стали ими заниматься сначала между дѣломъ, а потомъ предались имъ исключительно. Еще яснѣе становится, что занятіе чарами, равно какъ и книги, къ нимъ относящіяся, появились уже

очень поздно. Какъ же оправдать себя въ этомъ? Цзонхава, опираясь на мнѣніяхъ, высказанныхъ прежде его и другими, приходитъ къ убѣжденію, что все, показанное въ книгахъ подраздѣленіе, взятое вмѣстѣ, составляетъ только одинъ отдѣлъ, который надобно называть теоретическимъ (яною признаковъ — Цаннитъ) [1]), въ противоположность другому практическому; впрочемъ, по другимъ, послѣднее можетъ составлять только подраздѣленіе Махаяны. Махаяна состоитъ изъ двухъ частей — изъ яны причинъ и яны слѣдствій, или яны парамитъ и яны таинственныхъ заклинаній (мантръ). Послѣдняя называется еще: 1) алмазною, 2) хитростною, 3) питтакой умовладѣльцевъ (созерцателей Вид'іядара), 4) отдѣломъ тантръ. Таинственнымъ она называется потому, что не сообщается никому, не имѣющему способностей; слѣдствіемъ или плодомъ потому, что доставляетъ самые высочайшіе плоды каковы: 1) разумъ будды и изъ его свѣта созданный дворецъ; 2) тѣло, украшенное всѣми аттрибутами изящества и красоты (32 признака и 80 примѣтъ); 3) неистощимое богатство; 4) могущество дѣйствій. Будда можетъ однимъ прикосновеніемъ своего свѣта сдѣлать всѣ существа ваджрасатвами (святыми). Такого тѣла нельзя достигнуть посредствомъ одной теоріи; для этого нужно исполненіе предписаній таинственнаго ученія, которое требуетъ, въ соотвѣтствіе этихъ свойствъ, созерцать дворецъ будды съ его свитою, приносить жертвы, очищать въ созерцаніи весь міръ. Какъ алмазъ не разсѣкается и не раздѣляется, такъ и махаяна не можетъ быть раздѣлена. Яна причинъ не можетъ составить собою отдѣльнаго цѣлаго безъ яны слѣдствій, равно какъ и послѣдняя безъ первой, — вотъ почему это ученіе и называется алмазнымъ; въ немъ отвлеченная идея пустоты сливается съ чувствомъ великаго милосердія; шесть парамитъ, сокращаясь въ парамиту хитрости и разума, чрезъ нихъ образуютъ одно съ боди, которая есть ничто иное, какъ созерцаніе Ваджрасатвы, а это самое и есть алмазъ, заключающій въ себѣ причину и слѣдствіе. Хитростною яною называется потому, что здѣсь требуется больше искусства, чѣмъ въ янѣ парамитъ [2]). Питтакою вид'іядара умодержателей называется потому, что здѣсь излагаются различныя методы для приведенія въ исполненіе чаръ. Тантрами называются книги мистическаго содержанія потому, что черезъ

---

[1]) У Тибетцевъ есть особые факультеты, въ которыхъ преподается этотъ цаннитъ, сюда входятъ логика, діалектика и богословіе.

[2]) Но вѣдь и тамъ есть парамита хитрости.

нихъ сохраняютъ (тра—охранять) постоянно (танъ продолжительно) пріобрѣтенныя силы. Посредствомъ парамитъ достигается болѣе духовное тѣло; но такъ какъ и званіе будды пріобрѣтается не для себя, а для блага другихъ, то и требуется видимое тѣло, которое совершается чарами. Одной пустоты не достаточно для достиженія званія будды, потому что она не искусство. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ тантрѣ Ваджрапаньджара (Ганьджуръ, т. I, л. 26): „Если бы пустота была искусствомъ (хитростью), тогда нельзя было бы сдѣлаться буддою, потому что слѣдствіе не было бы отлично отъ причины; (итакъ) искусство не есть пустота; побѣдоносные будды изложили ученіе о пустотѣ только для отвращенія отъ ошибочныхъ воззрѣній — отъ принятія *я*, отъ отыскиванія теоріи о *я;* но только мандала (магическій кругъ) составляетъ главное искусство, а совокупленіе (искусства съ пустотой) есть главное средство къ достиженію блаженства (блаженнаго тѣла): тогда только Югачари (волшебникъ), вооруженный гордою мыслью, что онъ есть богъ, вскорѣ дѣлается и самъ богомъ,—и 32 красоты (признаки) учителя (будды), 80 прелестей властителя совершаются только этимъ искусствомъ; итакъ, въ немъ заключается образъ будды".

Тантры указываютъ, какъ совершить искусственное *я*, безъ котораго нельзя было бы величайшимъ разумамъ доставлять пользу существамъ. Еслибъ отъ созерцанія пустоты и получились плоды, то не избѣжишь впасть въ совершенную апатію или недѣятельность для пользы существъ. По (однѣмъ) парамитамъ, званіе будды достигается по прошествіи безчисленныхъ періодовъ времени, тогда какъ черезъ мистическое ученіе, особливо черезъ Ануттара югу, можно достигнуть его даже въ одну жизнь. У изучающихъ парамиты органы, то-есть, способности, не такъ остры, какъ у занимающихся тантрами, такъ что то, что̀ привело бы другихъ къ дурной судьбѣ, здѣсь приводитъ въ чистую страну будды. Хотя ужь и въ парамитахъ указываются средства, какъ излѣчить, напримѣръ, болѣзни посредствомъ подвижничества, обѣтовъ, извѣстныхъ позъ, но какое сравненіе этихъ мѣръ съ мандалами чаръ!

Тантръ чрезвычайное множество; но ихъ раздѣляютъ на четыре отдѣла: крія, ачара, юга и ануттара юга. По одной книгѣ въ крія тантрѣ считается 4.000, въ ачара 8.000 книгъ, и сверхъ того, 6.000 относящихся какъ къ той, такъ и другой, и еще 12 000 къ югѣ; по другой—въ одной ануттара югѣ мужскихъ 60, а женскихъ 160 милліоновъ книгъ. Но оставляя въ сторонѣ такія фантастическія счи-

сленія, мы скажемъ, что въ извѣстномъ Ганьджурѣ, въ 21-мъ томѣ отдѣла тантръ, находится 648 названій; но между ними только немногія носятъ собственно названіе тантръ, бо̀льшая же часть состоитъ еще изъ д'арани или изъ описаній (калпа) божества. Такъ какъ Тибетцы говорятъ, что къ ачара принадлежатъ только три статьи, а тантры двухъ югъ опредѣлены съ большею точностію, то поэтому все остальное мы въ правѣ были бы отнести къ крія. Но такъ какъ д'арани должны составлять особый отдѣлъ, то подъ кріей, въ такомъ случаѣ, должно разумѣть всѣ, сохранившіеся въ Ганьджурѣ, зачатки мистическаго ученія, еще не приведенные въ строгую связь и не облеченные правильною методою волхвованія. Мы видимъ, что многія изъ божествъ ея перешли и въ другія отдѣленія тантръ [1]). Дѣло въ томъ, что хотя послѣдующіе мистики (по крайней мѣрѣ, Цзонхава) и доказываютъ, что всѣ четыре рода тантръ имѣютъ цѣлію превратить человѣка въ бога, до̀ставить ему верховную шидд'и или силу чудотвореній, но первыя тантры, равно какъ и д'арани, имѣли болѣе спеціальныя цѣли, которыми исключительно и ограничивались. Первоначальное волхвованіе имѣло въ виду цѣли: 1) укрощающія (шантика): отвращеніе преждевременной смерти, излѣченіе отъ болѣзни, остановленіе эпидеміи, отвращеніе бѣдствій и вреда [2]) отъ навожденія демоновъ, вліянія зловѣщихъ звѣздъ, очищеніе грѣховъ, подавленіе суетности; 2) питательныя, подкрѣпительныя, усиливающія и развивающія дѣятельность: увеличеніе жизни, сохраненіе молодости, свѣжести, силъ, пріобрѣтеніе высокаго сана, полученіе богатства, плодородіе, отысканіе кладовъ, напитокъ безсмертія и проч. [3]); 3) насильственныя: убійство, погибель всѣхъ злыхъ и вредоносныхъ духовъ драконовъ, не повинующихся законамъ государственнымъ (?),

---

[1]) Первоначальное назначеніе юга тантры было только совершеніе моленія по усопшимъ, чтобъ избавить ихъ отъ ада или другихъ дурныхъ перерожденій,— ею-то и пользуются китайскіе хошаны, когда ихъ приглашаютъ на похороны.

[2]) При исполненіи д'арани Чжундэ: для этого предписывается сѣсть предъ кумиромъ, обратясь лицомъ къ сѣверу, представлять себѣ какъ мандала, такъ и бодисатву, приносимыя ему жертвы, себя и свое платье бѣлыми, въ натираніяхъ употреблять бѣлое алоэ Читать д'арани должно съ 1-го по 8-е число мѣсяца; ѣсть только три бѣлыя кушанья (молоко, творогъ и рисъ или похлебку).

[3]) При исполненіи д'арани Чжундэ: для этого должно сидѣть, обратясь лицомъ къ востоку; все, что̀ представлялось прежде бѣлымъ, представлять желтымъ; натиранія и коренья должны быть другіе; занятія повореніемъ д'арани должны производиться съ 9-го по 15-е число мѣсяца.

старающихся погубить буддизмъ [1]); 4) привлекающія: расположеніе другихъ, боговъ и драконовъ, покровительство высшихъ, любовь друзей и родственниковъ искусство проповѣди [2]).

Но едва-ли и эти цѣли не болѣе позднія, прежде просто имѣлось въ виду смастерить, посредствомъ волхвованія, сапоги-скороходы, шапку-невидимку (явиться вдругъ въ какомъ угодно мѣстѣ и изчезнуть невидимкою), мечъ-кладенецъ, коверъ-самолетъ, отыскать клады, пропадавшія вещи, не тонуть въ водѣ, не бояться яда и зла, идти на Сумеру. Для такихъ цѣлей прежде прибѣгали къ вызыванію мірскихъ боговъ, каковы: Чжамбала, ѣдущій на змѣѣ, богъ богатства. посылавшій на Адишу, распространившаго буддизмъ въ Тибетѣ жемчужный дождь [3]); другіе болѣе извѣстные боги были Кувера или Вишравана [4]), Ганапати, подчиняющій три міра [5]), Ямари [6]), изъ котораго послѣ будди-

[1]) При исполненіи д'арани Чжундэ, цвѣтъ долженъ быть черный, сидѣть на югъ, питаться сокомъ гранаты.

[2]) Д'арани Чжундэ требуетъ тутъ желтаго цвѣта

[3]) То-есть, Адиша ввелъ въ Тибетѣ волхвованіе этому богу

[4]) Въ древности у Риши Пурна былъ всѣмъ извѣстный по своимъ достоинствамъ сынъ, прозванный Вишрава (очень извѣстный); отъ него-то родился этотъ Вэйшраванъ, возведенный якшасами на царскій престолъ въ столицѣ Ивовой. По случаю войнъ боговъ съ Асурами, онъ получилъ различныя прозванія, а именно: успокоитель—потому что успокоилъ боговъ и устрашилъ Асуровъ; хранитель мѣста — потому что защитилъ жилище боговъ, явившись на страшномъ львѣ; безобразный — потому что, превратившись въ страшнѣйшаго змѣя, испугалъ Асуровъ,—по другимъ, онъ испугалъ ихъ цвѣтомъ своего тѣла, подобнымъ Вэйдурія. По другимъ легендамъ, Вэйшравана есть одинъ изъ четырехъ Махарачжа, охранявшихъ будду Шакямуни, приподнесшихъ ему каменную чашу и поклявшихся защищать его ученіе. Это — Би-шамынь у Китайцевъ, изъ котораго Монголы сдѣлали Бисманъ-Тэнгри. Имя Кувера, какъ видно, очень распространенное между народами, жившими на сѣверъ отъ Индіи, не сохранилось ли въ русскомъ названіи: кумиръ? NB. Мы приводимъ въ выноскахъ эти легенды о богахъ въ томъ предположеніи, что онѣ будутъ не безинтересны и для санскритологовъ.

[5]) Чрезъ него Сакія Пандида сдѣлался царскимъ учителемъ (то-есть, при Монголахъ; это былъ дядя Пакгба-ламы); съ его помощію одинъ Гелунъ, въ провинціи Хамъ нашелъ кусокъ золота съ баранью почку Ганапати, вмѣстѣ съ Шестибровнымъ, былъ сынъ Вишну и Умы; Асуры пересѣкли ему шею, но Вишну, замѣтивъ нѣкоторую теплоту, приставилъ ему слоновью голову, и онъ ожилъ Во время игры съ братомъ, тотъ перешибъ ему клыкъ; Ганапати покорилъ себѣ всѣ три міра, но Будда, войдя безъ него къ нему въ домъ, принялъ его видъ, и когда онъ воротился —укротилъ и заставилъ его клясться, что не будетъ дѣлать вреда одушевленнымъ существамъ: потому онъ и до сихъ поръ, въ извѣстные дни, обходитъ всѣхъ и покровительствуетъ занимающимся ученіемъ.

[6]) Есть три рода убійцъ (Яма) Якшасовъ: внѣшніе, внутренніе и духовные,

сты сдѣлали Ваджрапани, если только онъ не назывался такъ еще внѣ буддизма [1]). Несомнѣнно, что въ связи съ этимъ Ваджрапани,

---

то-есть, живущіе въ пространствѣ — прета, въ тѣлѣ — мара и въ духѣ — страсти. Укротитель ихъ есть Ямари. Якшасы обитали въ южной сторонѣ, въ глубинѣ моря, въ крѣпости, окруженной кровью и трупами Самый страшный изъ нихъ Пивасатва—черный, голый, съ гривою, разинутымъ ртомъ, торчащимъ клыкомъ, свернутымъ языкомъ (въ трубку?), свирѣпыми глазами, красными бѣлками и голубыми зрачками. съ петлей и дубиною въ рукахъ, съ пламенемъ страстей въ сердцѣ. Его жена Цзамунти — также страшная; у нихъ восемь дѣтей.

[1]) Онъ-то, принявъ видъ Ямари, укротилъ вышесказанныхъ Якшасовъ По другой легендѣ, когда Руда Тарава, сдѣлавшись полководцемъ надъ восемью отрядами Асуровъ, причинялъ вредъ вѣрѣ, то Ваджрапани пришелъ къ нему въ домъ и, принявъ его видъ, послѣ спора, проглотилъ Руду и выпустилъ изъ заднаго прохода. Еще является онъ подъ именемъ Четверолицаго Чернаго, отнимающаго силу; изображается въ страшномъ видѣ. цвѣтъ тѣла его какъ синяя утпала, въ рукахъ держитъ черепа Еще извѣстенъ подъ именемъ брата съ сестрою. въ сѣверо-восточной сторонѣ за мѣдными воротами, красною горой и долиной, есть Кровяное море, откуда сверкаютъ молніи, несется красная мятель. Тамъ есть крѣпость съ мѣдными вратами, съ брустверами изъ слоновой кости, верелми изъ яшмы и бронзы, съ коралловыми лѣстницами, корридорами изъ человѣческихъ головъ и костей,—стѣны вымазаны человѣческою и лошадиною кровью; медвѣдица стучитъ рукою, чакалъ ногою, хищные звѣри, коршуны и совколы—зловѣщія птицы—гнѣздятся тамъ. Въ этомъ-то страшномъ мѣстѣ, отъ соединенія Якшаса Мѣдногриваго съ чертовкой Экацзади или Кровавогривою, вышли два яйца: коралловое и слоновой кости, которыя, взлетѣвъ на небо, побѣдили восемь великихъ боговъ, восемь планетъ, восемь драконовъ. Отецъ и мать, не могши сладить съ ними, вызвали изъ кладбищенской якшасской пещеры Махадеву, который ударилъ по нимъ своею каченгою (родъ жезла—наша кочерга?); тогда изъ этихъ двухъ яицъ вышли братъ и сестра; у перваго — краснокоралловаго цвѣта тѣло, волосы связаны на затылкѣ, надѣтъ мѣдный панцырь и шелковый затылыникъ, держитъ мѣдный лукъ и стрѣлы, мѣдную саблю, красное копье изъ слоновой кости, — это воплощеніе слова Чернаго Ямари, его зовутъ еще краснымъ владѣльцемъ жизни, краснымъ Ямшут'омъ, Ракшасомъ, Мѣднопалицнымъ и проч. Изъ другаго яйца вышла Зеленоцвѣтная, съ зубами раковины, съ бровями яшмы, съ огненною гривою; въ волосахъ вплетены перламутръ и мумэнь, держитъ мѣдный ножъ и гвоздь, ѣдетъ на медвѣдицѣ; имя ея—краснолицая Деви, а таинственное — властительница пляски.

Четверорукій—гнѣвное воплощеніе Чакра самб'ары—сынъ Махешвары, укротитель Нандипрашвары Ванг-Чука, истреблявшаго вѣру; онъ же превратился въ корову, отнесшую письмо къ Арлядевѣ, съ приглашеніемъ въ Наланда укротить Ашвагошу.

Другихъ названій Ваджрапани чрезвычайно много· Пріобрѣвшій великую силу, Голубоплатяный, Свирѣпый, Учжарія. Укротитель Б'ута, Побѣдитель владѣльца смерти, Побѣдитель всѣхъ строптивыхъ, Побѣдитель трехъ свирѣпыхъ, Алмазный коршунъ, Дракшатъ и т. п. Въ одномъ мѣстѣ онъ изображается желтымъ,

еще языческимъ, находится и ученіе о богиняхъ [1]), вѣдьмахъ Дакини [2]). Съ этимъ вмѣстѣ и волхвованіе буддійское принимаетъ напра-

въ другомъ зеленымъ, то объ одномъ лицѣ и двухъ рукахъ, то о трехъ лицахъ и шести рукахъ (какъ пріобрѣвшій великую силу, онъ цвѣта синяго, объ одномъ лицѣ и двухъ рукахъ, въ одной держитъ ваджру, въ другой — колокольчикъ и красный ненюфаръ) Вообще, по мѣрѣ развитія тантръ и отношеній ихъ къ теоретическому буддизму, измѣняется и ученіе о Ваджрапани По однимъ книгамъ, онъ есть воплощеніе будды Амитабы (увѣряютъ, что онъ вышелъ изъ сердца Аріябало, когда его голова растреснулась на 1 000 частей съ тѣмъ, чтобы приносить пользу одушевленнымъ существамъ посредствомъ главнаго или грознаго пути). По другимъ, онъ одинъ изъ 1 000 сыновей одного древняго царя, которые всѣ сдѣлаются будами, а онъ будетъ всѣхъ ихъ защищать, а потомъ и самъ сдѣлается будою. Но и тутъ видно, что Ваджрапани заимствованъ извнѣ, потому что другой его братъ есть Махабрама, который обѣщался всегда увѣщевать буддъ, преподавать ученіе (по другимъ, однакоже, Махабрама есть сынъ гончара, благоговѣвшаго къ буддѣ Кашіапѣ) Между тѣмъ, другія легенды ясно указываютъ на его внѣшнее заимствованіе. Ваджрапани приглашаетъ къ себѣ Шакіямуни въ свою столицу Ивовую, и онъ тамъ проводитъ семь дней Эта столица находится, по однимъ легендамъ, на вершинѣ горы Хомутовой, лежащей на сѣверъ отъ Сумеру построена изъ различныхъ драгоцѣнностей, имѣетъ въ окружности 1.000, а въ вышину (?) 16 миль; на каждой сторонѣ находится по 2 500 колоннъ изъ лазурика, падмарака и золота; по другимъ—отъ востока къ западу она простираетси на 64, а отъ юга къ сѣверу—на 42 мили. Еще по однимъ, въ верхнемъ этажѣ живетъ самъ Ваджрапани, а внизу Кувера (Вэйшраванъ, который, какъ мы видѣли, также живетъ въ Ивовой столицѣ). По другимъ же, самая столица находится на вершинѣ Сумеру (то-есть, здѣсь Ваджрапани Индра — какъ и братъ Брэмы, потому что въ другихъ легендахъ Индра и Брама всегда сопутствуютъ буддѣ). По инымъ, въ четырехъ странахъ Сумеру обитаетъ множество Якшасовъ Ваджрапани, но главный изъ нихъ есть хранитель таинственнаго ученія.

[1]) Между этими богинями можно упомянуть Сварасвати, мать боговъ всѣхъ трехъ временъ; по другой легендѣ, она вышла изъ клыка Аріябало. Касательно этихъ богинь, мы приведемъ слѣдующія легенды. Когда боги не могли побѣдить Асуровъ, которые тѣмъ болѣе разрождались чѣмъ болѣе ихъ убивали, Ваджрапани сбилъ своимъ жезломъ желѣзную шишку со лба Вишну, и изъ нея вышла Ума, жена Вишну, отъ которой родились Махакала и Чжамунти, остригшая голову Хэрамгуша, начальника Асуровъ, и черепомъ его черпавшая кровь умершихъ людей и духовъ (?), отчего и прекратилось распложеніе Асуровъ Потомъ на ея пупѣ построили крѣпость и побѣдили Асуровъ. Въ Тибетѣ, какъ хранительница Хлассы, она извѣстна подъ именемъ хламо (богиня) Дунчжонмы — защитницы Дуна, дракона, которому угрожала птица Гаруд'и; она представляется одѣтая въ листья дерева-тала. Кромѣ того, отъ женитьбы Ишвары на якшаскѣ Налачжэ, родилась главная пепельноцвѣтная богиня. Тибетцы говорятъ, что всѣ богини (деви), извѣстныя въ Тибетѣ, считаются происшедшими отъ соединенія Ишвары съ этими двумя богинями.

[2]) Дакини, по тибетскому переводу—ходящая по небу, летающая въ воздухѣ,

леніе, если такъ можно выразиться, и развращенное, и злодѣйское Они болѣе всего занимаются имъ для того, чтобы подъ видомъ защиты ученія, имѣть силу творить зло; чтобы, для превращенія себя въ божество, достигнуть связи съ неземными духами женскаго пола. Собственно, тибетскій мистицизмъ начинается только съ Ануттара-Юги.

Буддисты раздѣляютъ мірскихъ боговъ на три разряда: на владѣющихъ богатствами (Чжамбала, Кувера), наслажденіями и просто

имѣетъ силу ясновидѣнія и превращенія и считается покровительницею волхвовъ. Въ древности, въ Аканштитѣ, учитель Маха Ваджрапани для укрощенія всѣхъ въ мірѣ, обратясь въ женщину, проповѣдалъ умственнымъ Дакини различныя таинственныя тантры Ануттара Юги и особенно тантру о Ваджрапани; изъ нихъ дакини Львинолицей велѣлъ онъ отправиться на Джамбудвипъ, но она обойдя его весь, не нашла никого способнаго и поселилась на кладбищѣ острова Синга, что̀ на юго-востокѣ Инди; тамъ учила множество дакини. Въ одно время волхвъ Саварипа, браминскаго происхожденія, въ городѣ Нанд'ари, въ восточной Инди, будучи мальчикомъ по имени Ваджрараджадева, игралъ съ другими мальчиками у восточныхъ воротъ того города, вокругъ которыхъ росъ шиповникъ; увидя проходившую мимо внѣшнюю колдунью, совершившую чары Махамудры, они напали на нее и начали колотить колючками, такъ что она разсердилась и проклята ихъ и городъ; на Саварипу напала драконова болѣзнь, отъ которой онъ никакъ не могъ вылѣчиться; но какъ онъ усердно молился тремъ драгоцѣннностямъ, то въ одинъ день, поутру, голосъ съ неба послалъ его на западъ къ брамину Парамита для пріобрѣтенія обыкновенной Шидд'и; Парамита посвятилъ его въ кругъ Алмазнаго Побѣдоносца и онъ, пріобрѣвъ силу чаръ, излѣчился отъ всѣхъ болѣзней; потомъ онъ укротилъ на сѣверо-востокѣ, на горѣ Сава, которую считали правою грудью богини Умы Спасительницы (лѣвою считается гора Цзава въ восточной Инди; тутъ живетъ богиня Дракшата Ремати. Другая, подобная же, легенда приписываетъ Тибетцу Вари Лодзавѣ встрѣчу съ Львинолицею дакини, которая послала его къ горѣ, похожей на буйвола; тамъ онъ, дорывшись до угольной ямы, нашелъ ящичекъ, а въ ящичкѣ еще ящичекъ, и такъ далѣе, пока не дошелъ до ящичка изъ лапись-лазурика, въ которомъ лежала обернутая шелкомъ д'арани четырнадцати-буквенная—сердце и жизнь всѣхъ дакини. Ее велѣно было передавать только одному человѣку) Якшасовъ, предводительствуемыхъ Махакалою, который сдѣлался послѣ того извѣстнымъ подъ именемъ Дракшатъ. Затѣмъ голосъ съ неба послалъ его на Синга, и онъ отъ Львинолицой получилъ посвященіе въ чары Укротителя трехъ свирѣпыхъ. Между дакини у Тибетцевъ извѣстна всего болѣе сестра волхва Неропы, подъ многими именами: Побѣдоносной, Югистки, Нигумы и проч.; у нее учился тибетскій волхвъ Райчунба, подъ именемъ котораго извѣстна одна система совершенія Амитаб'ы, въ которую входятъ 1:500 внѣшнихъ боговъ. Изъ этихъ легендъ видно, что дакини извѣстны въ буддизмѣ, какъ волшебницы, сами занимающіяся чарами разныхъ степеней, но болѣе всего посредницы въ сообщеніи различныхъ формъ волхвованія Ваджрапани

мірскихъ. Въ pendant имъ, буддизмъ надѣлалъ нѣсколько разрядовъ и своихъ или внутреннихъ боговъ, которыхъ въ чарахъ онъ называетъ защитниками (по-тибетски Мгоньбо) и возносителями мысли (Идамъ).

Но распредѣленіе этихъ боговъ не одинаково, смотря потому, въ какой мистической книгѣ и у кого они являются; равнымъ образомъ, и одинъ богъ можетъ представляться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, съ разнообразными легендами; разумѣется, не надобно опускать изъ виду, что чѣмъ меньше боговъ, чѣмъ легенды и аттрибуты проще, тѣмъ относительное появленіе такого бога и книги древнѣе. Но не желая вдаваться здѣсь въ подробности, скажемъ только, что книги послѣдняго развитія считаютъ шесть разрядовъ боговъ. Первыхъ считается разрядъ Татагатъ или сущности буддъ; тутъ представителемъ считается будда Вэйрочана, котораго однакоже въ другихъ легендахъ можно принимать за усовершенствованную по-буддійски личность бога богатства Вэшравана или Кувера [1]); потому въ этомъ разрядѣ прежде и первенствовалъ Амитаб'а [2]),

[1]) По этой легендѣ, онъ, будучи прежде бодисатвою для избавленія одушевленныхъ существъ отъ бѣдности, родившись царемъ Якшасовъ на сѣверѣ, женился на дочери одного царя драконовъ, и получивъ отъ нея драгоцѣнность, исполняющую всѣ желанія, открылъ неистощимый кладъ, изъ котораго раздавалъ вдоволь всѣмъ бѣднякамъ. Объ Вэйрочанѣ 15 различныхъ легендъ; кажется, послѣдняя изъ нихъ есть та, которая разказывается въ Юга тантрѣ По ней, Шакіямуни, сидя у берега Нараньчжаны и увидѣвъ, что тутъ нельзя сдѣлаться буддой, оставивъ сидѣть свое тѣло воздаянія, перенесся тѣломъ разума въ небо Аканишта, въ которомъ получилъ посвященіе въ будды отъ буддъ десяти странъ и отсюда, подъ именемъ Вэйрочаны, опустившись на вершину горы Сумеры, преподалъ Юга-тантру. По другимъ толкованіямъ, онъ, прежде чѣмъ сойдти на землю, уже въ небѣ Сукавати сдѣлался Вэйрочаной; онъ представляется иногда и Четверолицымъ.

[2]) Скажемъ разъ навсегда, что какъ о Вэйрочанѣ, такъ и о Амитабѣ, Аріяб'ало и прочихъ существуетъ весьма много различныхъ книгъ, и каждая разказываетъ о нихъ по своему, смотря по цѣли, нисколько не заботясь о томъ, что говорится въ другой книгѣ; ученіе о буддахъ въ другихъ мірахъ родилось еще въ теоретическомъ буддизмѣ: тамъ они — сколокъ съ Шакіямуни, потому что буддизму нужно было доказать, что ихъ учитель не первый и не единственный въ мірѣ. Одно это уже показываетъ, что этой вѣрѣ надобно было защищаться отъ сомнѣній и возраженій противниковъ. Въ такомъ же положеніи, мы видимъ браманизмъ и даосизмъ; эти религіи прибѣгли къ аватарамъ. Даже самое магометанство, признавши пророками Моисея, Давида и Іисуса Христа, немного удалилось отъ этихъ понятій. И такъ, объ Амитабѣ мы скажемъ только нѣсколько словъ Еслибъ это былъ будда, составленный только по образцу Шакіямуни, то, конечно, никто не чествовалъ бы его исключительно; не чествуютъ же осо-

отнесенный въ передаваемой нами здѣсь системѣ къ третьему разряду—нектарному. Этотъ Амитаба, что̀ бы ни говорили, если ужь и не признавать за буддизмомъ полное заимствованіе отъ запада своихъ боговъ (митра?), во всякомъ случаѣ, указываетъ на безусловное преклоненіе востока передъ западомъ; не могъ же буддизмъ спроста внести въ свой догматъ предпочтеніе Амитабѣ, внушить своимъ поклонникамъ безусловное желаніе переродиться въ его царствѣ на западѣ; никогда на западѣ рай не описывался въ такихъ яркихъ краскахъ, какъ это царство; но извѣстно, что заимствованное всегда внушаетъ плодовитость; индѣйская же фантазія притомъ воспріимчивѣе западной. У буддійскихъ жрецовъ Китая и Японіи имя Амитабы (О-ми-то-фо) не сходитъ съ языка и замѣняетъ всѣ молитвы; точно такимъ же значеніемъ пользуется у Тибетцевъ Манипатма (омъ, Манападмэ-Хумъ!), одинъ изъ эпитетовъ Авалокитешвары [1]), который въ нѣкоторыхъ болѣе древнихъ тантрахъ (крія) является представителемъ особаго разряда (ненюфарнаго) боговъ, а въ нашемъ счисленіи принимается только за воплощеніе или бодисатву Амитаб'ы. Если первымъ именемъ Авалокитешвары принимать Аріяб'ало и припомнить, что слово Арія есть только эпитетъ, то названіе Бало легко счесть происшедшимъ отъ Ваала; по крайней мѣрѣ, буддійскія легенды о немъ носятъ характеръ разказовъ запада: это нашъ Георгій Побѣдоносецъ [2]), ѣдущій на бѣломъ конѣ.

бенно Кашіяну, Кракуччанди, Канакамуни и другихъ буддъ, которые, предполагается, жили до Шакіямуни. Но буддисты забыли даже и послѣдняго, а стали толковать объ Амитаб'ѣ, это слово можно перевести вѣчно живущимъ богомъ запада, и притомъ, почему жь именно запада, а не сѣвера, востока или юга? Не должны ли мы видѣть въ этомъ предпочтеніи именно превосходство запада, да еще и уваженіе къ тамошнимъ богамъ, къ заимствованіямъ изъ тамошнихъ религій? Эту связь мы, пожалуй, готовы видѣть даже въ одномъ описаніи Амитаб'ы, въ которомъ онъ представленъ сидящимъ посрединѣ, а по бокамъ его—Аріяб'ало и Пріобрѣтшій великую силу! Въ другихъ случаяхъ, его изображаютъ троелицымъ. Мы ничего не утверждаемъ положительно, но только указываемъ, и при этомъ замѣтимъ лишь, что внесеніе внѣшнихъ боговъ въ буддизмъ произошло гораздо позднѣе нашей эры: первые буддисты въ Китаѣ еще въ IV столѣтіи не знали Амитаб'ы; что восточные народы изъ одного слова или намека часто строятъ цѣлую систему, одну легенду передѣлываютъ на тысячу ладовъ, и все вычурнѣе, все чудеснѣе, объ этомъ и говорить нечего!

[1]) Впрочемъ, и въ Китаѣ онъ не менѣе уважается; китайскій переводъ названія Авалокитешвары: Гуань-инь превратился у Монголовъ въ Хоншимъ; Индія, Китай и Тибетъ имѣютъ каждый по своей Потала (Будала), на которой живетъ это божество.

[2]) Какъ нельзя, прочитавъ одну буддійскую книгу, сейчасъ же выводить за-

Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, какъ гнѣвный богъ, по другимъ понятіямъ, Аріяб'ало принималъ названіе Хаягривы [1]); въ связи съ этимъ Аріяб'ало, имѣющимъ въ качествѣ бодисатвы женскій видъ, въ pendant женскимъ божествамъ, заимствованнымъ прямо извнѣ съ внѣшними названіями, образовалось у буддистовъ ученіе о Тара, спасительницѣ и заступницѣ одушевленныхъ существъ [2]). Изъ этой Тара вышла даже будда-женщина (Багавани) Курукуллэ [3]).

ключенія о буддійскихъ догматахъ, такъ точно на основаніи одной легенды нельзя полагать, что знаешь что̀ сказать о какомъ-нибудь миѳологическомъ божествѣ. Однихъ именъ у Авалокитешвары множество: Аріявалокитешвара, Аріявалокишвара, Хасарпани, Падмапани, Манападма, Пундарпкапапа, Локасара (подъ этимъ именемъ, сказано, благоговѣютъ предъ нимъ и иновѣрцы), Чжанад'ара, Ваджарасурія, и наконецъ, *Креса*. Тогда какъ по однѣмъ легендамъ, Аріяб'ало занимаетъ второстепенное мѣсто, по другимъ, не только отъ него родились тысячи буддъ, но изъ глазъ его вышли солнце, изъ лба—Махешвара, изъ плечъ—Брама и Индра, изъ сердца—Великоспльный, изъ клыка—Сарасвати, изъ рта—воздухъ (и богъ воздуха), изъ ногъ — земля, изъ брюха — богъ воды...

[1]) Есть нѣсколько родовъ Хаягривы. Хаягрива съ чрезвычайно большимъ ртомъ, Хаягрива съ желѣзною гривою, самый гнѣвный, вышедшій изъ оторванной отъ сердца Аріяб'алы буквы: хумъ.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе женскаго божества въ буддизмѣ обязано своимъ происхожденіемъ стремленію вознаградить, за ихъ горячую привязанность къ вѣрѣ, женщинъ, которыя вездѣ являются вліятельными распространительницами религіи. Буддизмъ еще и прежде долженъ былъ допустить женщинъ въ монашество, хотя сохранилъ преданіе, что отъ этого пострадала и самая прочность религіи. По легендѣ, Тара, за нѣсколько сотъ прежнихъ мироздапій, была царскою дочерью, содержавшею на свой счетъ безчисленное множество лѣтъ тогдашняго будду со всею огромною свитою За такое ея благоговѣніе ей предложили молиться о томъ, чтобы въ будущемъ перерожденіи она родилась мужчиною, но она возразила: «Что̀ за раздѣленіе между мужчиной и женщиною; притомъ, мужчинъ, подвизающихся на благо одушевленныхъ существъ, много, а женщинъ ни одной». Съ того времени она занялась спасеніемъ другихъ. Въ слѣдующія мірозданія она стала постоянно дѣлаться матерью, ролавшею буддъ. Тара значитъ спасительница; кромѣ того, ей даютъ эпитеты: Побѣдительница демоновъ, Скораяи Героиня. Легендъ о ней, въ которыхъ она является для защиты молящихся отъ непріятелей, львовъ, слоновъ, огня, змѣй, разбойниковъ, людоѣдовъ, повѣтрій, бѣдности и проч., также много, какъ и о Аріяб'ало. Вслѣдствіе этой дѣятельности, ее и изображаютъ не одинаково: насчитывали сначала только двадцать одну Тара, но послѣ число ихъ увеличилось до тридцати четырехъ: Тара укрощающая всѣ болѣзни, золотоцвѣтная — увеличивающая благосостояніе, огненная, гнѣвная и т. д.

Нельзя опредѣленно сказать, заимствованны ли буддизмомъ извнѣ такія женскія божества, какъ: Гнѣвная, Одѣтая въ листья (Лочжанма), Спасшая городъ Вайсали отъ эпидеміи, Деви Шрамана, объявляющая во снѣ доброе и злое.

[3]) Эта будда-женщина была торговкою, которая продала служанкѣ, послан-

Въ третьемъ разрядѣ (второй по перечисленію), называемомъ по однимъ алмазнымъ, является Акшуб'и, о которомъ если и есть легенды, то онѣ явно сформированы по образцу тѣхъ, которыя касаются вышеприведеннаго Амитаб'ы [1]). Къ этому Акшуб'и, въ такомъ же отношеніи, какъ къ Амитаб'ѣ Аріяб'ало, относится и вышеупомянутый Ваджрапани, являющійся въ нашемъ перечнѣ особымъ и послѣднимъ богомъ — Ваджрасаттвой. Еще менѣе можно сказать о разрядахъ Ратнасамб'авы и жертвеннаго Амогасидди: это скорѣе божества, являющіяся по необходимости олицетворить пріемы созерцательные. И опять, вѣроятно когда уже и это перечисленіе было въ ходу, мистикамъ показалось оно недостаточнымъ потому что они нашли еще лучшую систему волхвованія; вслѣдствіе этого они ввели гнѣвныхъ боговъ, — но за кого ихъ признать? Потревожили добро-

---

ной царицею, покинутою мужемъ, на рынокъ, снадобья для привлеченія его; но кушанье брошено было въ прудъ, драконъ подхватилъ его, и принявъ видъ царя, пришелъ къ царицѣ, которая послѣ того забеременѣла. Царь, отыскавъ торговку, бросился ей въ ноги

[1]) Представимъ вкратцѣ изложеніе легендъ объ этомъ буддѣ, какъ образчикъ того, какимъ образомъ въ теоретическомъ буддизмѣ представлялось ученіе о происхожденіи буддъ, и описывались ихъ царства Жизнеописаніе всякаго будды начинается съ того момента, въ который онъ пожелалъ сдѣлаться буддою, что̀ называется возрожденіемъ святой мысли; съ Акшуб'и это случилось, разумѣется, за нѣсколько міроздапій прежде, при буддѣ Большеглазомъ, когда онъ, будучи бикшу, услышалъ, что для достиженія святости нужно не допускать никакихъ страстей, волнующихъ душу. Въ доказательство того, что его желаніе исполнится, онъ потрясъ однимъ пальцемъ ноги всѣ три милліокозма міровъ. Послѣ долгихъ похожденій, наконецъ, ему пришлось сдѣлаться буддою въ царствѣ ясно-радостномъ, которое находится на востокѣ за тысячу другихъ міровъ. Сначала онъ тоже сдѣлался бодисаттвою, потомъ предался созерцанію подъ деревомъ Боди, и за семь дней до того, какъ ему сдѣлаться буддою, всѣ существа того міра, узнавъ объ этомъ, отъ радости забыли пищу и сонъ, весь міръ озарился свѣтомъ, земля потряслась восемнадцатью манерами. Когда онъ сдѣлался буддою, то тѣло его стало видно всѣмъ, духи и боги принесли ему въ знакъ почтенія цвѣты, куренія, четки, платья, хоругви и прочія драгоцѣнности. Земля въ томъ мірѣ гладкая—какъ ладонь, мягкая—какъ платье ганьчжалиндика, цвѣтомъ золотая, убрана драгоцѣнностями, усѣяна ненюфарами о миллионѣ лепестковъ и цвѣтами мандарва, на ней нѣтъ ни терній, ни черепковъ, ни рытвинъ, ни горъ; на деревьяхъ вѣчные плоды и цвѣты, платье людей пятицвѣтное, не линяетъ, пища сама появляется, какую пожелаешь, и въ драгоцѣнныхъ сосудахъ; дома многоэтажные построены изъ семи драгоцѣнностей, тюфяки набиты нѣжною ватой и положены на кровати изъ драгоцѣнностей; вѣтеръ тамъ ни холоденъ, ни жарокъ, но благовоненъ, какъ курительныя свѣчи,—когда захочешь, то онъ и прикасается къ тѣлу, четки изъ дерева вала издаютъ усладительную музыку. Въ этомъ мірѣ

душнѣйшаго Маньджушри [1]), который до того времени преспокойно прохлаждался въ горахъ У-тай-шань въ Китаѣ; теперь изъ него сдѣлали Бэйраву и Ямантаку, создали Калачакру [2]) и Чакрасамб'ару.

Въ ученіи о нихъ мы видимъ буддійскій мистицизмъ какъ-бы вполнѣ отрѣшившимся отъ прежнихъ мелочныхъ стремленій. Теперь онъ находитъ, что чары должны служить не для личныхъ, а исключительно для религіозныхъ цѣлей, то-есть, тутъ какъ будто отражается историческое положеніе этой религіи; прежде она была торжествующею, теперь противъ нея возстаютъ со всѣхъ сторонъ враги, и вотъ она принимается за созданіе гнѣвныхъ боговъ, защитниковъ

нѣтъ страстей, невѣжество въ самой малой степени, нѣтъ преступленій, нѣтъ и темницъ; женщины не чувствуютъ ни ревности, ни похоти: довольно одного взгляда для оплодотворенія: черезъ семь дней родится малютка, и не бываетъ мученій для матери, и т. д.

[1]) Изъ немногихъ словъ, сообщаемыхъ исторіею буддизма, можно заключить, что Маньчжушри былъ историческое лицо; о немъ говорится, что онъ, въ третьемъ вѣкѣ буддизма, просвѣтилъ сѣверныя страны; потомъ въ каноническихъ книгахъ Махаяны является уже бодисаттвою, слушаетъ ученіе будды, предлагаетъ ему на разрѣшеніе свои недоумѣнія, а иногда и самъ разрѣшаетъ ихъ въ разговорахъ съ другими. Но въ тантрахъ Маньджушри уже не тотъ; онъ сперва является только буддой, а потомъ называется уже отцемъ всѣхъ побѣдоносцевъ, сущностью всѣхъ буддъ.

Главное воплощеніе духа слова и тѣла Маньчжушри въ Бэйрава произошло на горѣ Сумеру, откуда онъ отправился на Южное море, попралъ шестнадцатью ногами шестнадцать желѣзныхъ крѣпостей у Ямари, а Лингамомъ умственнаго алмаза опрокинулъ среднюю крѣпость; тогда побѣжденные черти поднесли ему сердце своей жизни (то-есть, д'арани) и стали защитниками религіи. По другой легендѣ, сынъ Махешвары—Шестилицый юноша велъ продолжительную войну съ предводителемъ Асуровъ Жестокимъ убійцей или Чернымъ Хала, который остался властителемъ Джамбудвипа. Тогда самъ Махешвара, вступившись, вооружилъ 33 духовъ, 8 болѣзней и 8 навожденій и всѣхъ духовъ, ходящихъ на землѣ и подъ землею. Тогда Жестокій убійца, оставшись безпомощнымъ, обратился съ мольбою къ Маньджушри, который, принявъ грозный видъ, двумя своими рогами побѣдилъ всю конницу девъ, двумя руками, держащими воловью шкуру, схватилъ Индру и съ прочими тридцатью двумя сподвижниками, восемью лицами, проглотилъ восемь бэйравъ, а Лингамомъ укротилъ главу ихъ Махешвару и т. д. Эта легенда очень замѣчательна; другія всегда держатъ сторону дева противъ Асуровъ, здѣсь, напротивъ, заступаются за Асуровъ.

[2]) Тантра Калачакры считается самою послѣднею и самою высшею; она служитъ основаніемъ не однѣхъ только чаръ, но и астрологіи. Въ ней говорится о царяхъ Славныхъ, живущихъ въ городѣ Шамб'ала, которымъ предсказано истребленіе магометанства; однимъ изъ воплощеній Калачакры была птица Гаруда, усмирившая вредоноснаго дракона, которому Калачакра прижалъ ноги.

религіи; самое названіе И-дамъ становится равносильно названію Гоньбо—защитника. Когда буддизмъ видѣлъ, что его начинаютъ преслѣдовать въ Индіи, что его теорія не удовлетворяетъ болѣе умы, онъ создаетъ эти гнѣвныя божества и наполняетъ легендами о нихъ послѣднія страницы своей исторіи въ Индіи. Мы отсылаемъ любопытныхъ къ переведеной г. академикомъ Шиффнеромъ исторіи буддизма, сочиненной Даранетою. Ваджрапани языческій и буддійскій, какъ мы видѣли выше, есть и хранитель, и защитникъ религіи; точно таковы же Ямантака и Бэйрава. Есть и другія гнѣвныя божества. Но не считать ли прототипомъ этихъ защитниковъ уже въ самомъ теоретическомъ буддизмѣ, во время спокойнаго его существованія, появившихся ставиръ (тиб. гнайдань) или архановъ (ктло-хань), соотвѣтствующихъ Риши браманства или святымъ даосизма,—потому что эти ставиры не умираютъ, а обрекли себя на вѣчную жизнь для защиты и распространенія религіи? И если изъ этого заключать, что религія создаетъ свою миѳологію въ зависимости отъ своего положенія, то въ такомъ случаѣ положеніе буддизма всегда было шатко. Хотя приведенное число боговъ и не велико, однакоже, мы не должны забывать, что, такъ какъ постоянно являлись новыя системы волхвованія, то и одно и то же божество появляется въ различныхъ видахъ, хотя можно предположить, что во многихъ случаяхъ различныхъ боговъ сливаютъ въ одну личность, и наоборотъ. Различіе бога заключается въ его позѣ, цвѣтѣ тѣла, одеждѣ и украшеніяхъ, въ томъ, что онъ держитъ въ рукахъ. Одно и то же божество является иногда то съ двумя, то съ четырьмя, шестью и болѣе руками; различіе выражается и въ окружающей его свитѣ: кромѣ богини, въ этой свитѣ является большее или меньшее количество бодисатвъ, богатырей, дакини, варахи (свинки) и проч.

Назначеніе этого разнообразія И-дам'овъ или боговъ предполагаетъ различныя способности созерцающаго, или лучше сказать, таинственный жребій долженъ ему подсказать, котораго бога долженъ онъ избрать себѣ въ покровители, или какого бога онъ успѣшнѣе можетъ изъ себя представлять. По одной системѣ, похотливый долженъ избрать Вэйрочану, преданный гнѣву—Акшуб'и, невѣжда—Амитаб'у, завистливый—Ратнасамб'аву; но это не исключительное правило, равно какъ не надобно, говоря вообще, предполагать,что созерцаніе того или другаго бога даетъ особыя силы; нѣтъ, позднѣе въ тибетскомъ мистицизмѣ составилось убѣжденіе, что только при неполномъ успѣхѣ созерцатель получитъ вышесказанныя силы или простыя шидд'и; полный же успѣхъ дол-

женъ превратить его не въ бога, а въ будду съ его тѣломъ абсолютнаго бытія и тѣломъ блаженства, имѣющимъ общіе для всѣхъ буддъ признаки и примѣты. Дѣло не въ томъ, кого созерцать, а какъ созерцать или чаровать; правда, какъ мы уже сказали выше, въ каждой изъ тантръ свой процессъ, но онъ не зависитъ отъ бога: не процессъ примѣненъ къ божеству, а божество къ процессу.

Но такъ какъ едва-ли и нужно будетъ разбирать когда-нибудь ученымъ образомъ, какъ слагались и развивались всѣ эти системы и процессы, что̀ новыя теоріи вносили своего и заимствовали или отбрасывали изъ стараго, то мы и передадимъ безразлично, въ общемъ видѣ, сущность всѣхъ тантръ, тѣмъ болѣе, что пишемъ здѣсь не спеціально-ученое сочиненіе, и притомъ потому, что и въ самомъ дѣлѣ, не смотря на постороннія заимствованія изъ постороннихъ религій, всѣ тантры представляютъ развитіе одного принципа, положеннаго еще въ теоретическомъ буддизмѣ. Тибетцы также не прочь смотрѣть на все разнообразіе чаръ въ формѣ эклектизма

Предполагается, что буддійскій созерцатель хорошо ужь изучилъ теорію буддизма, усвоилъ себѣ идею пустоты; кромѣ того, онъ искусенъ въ выдѣлываніи мудръ. Первое и главное дѣло, для желающаго заняться чарами, это отыскать учителя, отъ котораго можно получить посвященіе. Безъ посвященія нельзя заниматься чарами, потому что, хотя бы желающій и понималъ превосходно смыслъ тантръ, даже если бы черезъ нихъ достигъ и шидд'и, послѣ все-таки непремѣнно попадетъ въ адъ. Буддисты и теоретическихъ книгъ не читаютъ безъ благословенія ламы, они требуютъ непремѣнно передачи изъ устъ въ уста своего священнаго писанія и предполагаютъ, что оно пришло до настоящаго времени по передачѣ отъ самого будды. Знатные ламы ведутъ списокъ всѣмъ книгамъ, съ показаніемъ, отъ кого они ихъ слушали, и отъ кого онѣ перешли къ ихъ учителямъ. Понятно, что здѣсь большую роль играетъ старосвѣтская претензія учителей поставить ученика въ зависимость отъ себя, какъ слугу. Мы видимъ, что у Конфуція ученики исправляли должность кучера; въ буддійскихъ монастыряхъ вся прислуга состоитъ изъ учениковъ, одѣтыхъ въ монашеское платье, имѣющихъ низшее посвященіе. Понятно, что волхвованіе еще болѣе старалось придать значенія учителю; тутъ безъ полнаго довѣрія и авторитета нельзя ничего сдѣлать. По правиламъ, учитель долженъ слѣдить за своимъ ученикомъ 12 лѣтъ; впрочемъ, если учитель замѣтитъ способности въ ученикѣ, то и безъ просьбы можетъ позвать его къ себѣ и дать посвященіе. Бываетъ также посвященіе прямо на званіе учи-

теля. Посвященіе бываетъ матеріальное—черезъ возліяніе изъ кружки. таинственное, умственное. При посвященіи и послѣ, при самомъ занятіи чарами, требуется очень многое, и посвящаемый не долженъ ничего жалѣть (Хубилай отдалъ Пакба-ламѣ Тибетъ за посвященіе). Требуется тщательное выполненіе предписаній, описывается какой долженъ быть магическій кругъ, въ который вводитъ учитель посвящаемаго, какъ онъ долженъ быть расчерченъ, какіе обряды должно совершать, чтобы принять землю у духа, прогнать демоновъ, которые непремѣнно будутъ рваться черезъ кругъ; въ числѣ принадлежностей для чаръ, кромѣ кружки, требуется еще жезлъ (или алмазъ—ваджра) и пестъ; сверхъ того, должны быть заготовлены различные матеріалы, употребляемые при жертвоприношеніи, называемомъ хома (сожженіе). Предполагается также, что у созерцателя есть особая созерцательная комната.

Послѣ посвященія созерцатель принимаетъ на себя обѣты волхва и даетъ клятву соблюдать ихъ. Онъ не долженъ оказывать неуваженія къ богамъ, заклинаніямъ или мистическимъ формуламъ, которыя переданы ему будутъ послѣ посвященія, и образчикъ которыхъ мы уже видѣли выше въ д'арани; не долженъ ни явно, ни тайно порицать давшаго ему посвященіе, хотя бы тотъ, казалось, и велъ себя дурно; не долженъ составлять отъ себя ни обрядовъ, ни формулъ, тѣмъ болѣе самъ браться, безъ спросу или посвященія, за заклинанія, потому что это такой грѣхъ, что не только не будетъ удачи покусившемуся, но, по смерти, непремѣнно попадетъ онъ въ адъ. Нельзя передавать заклинаній, ни вообще всего, что относится къ чарамъ не почтительному и не посвященному. Всѣ волшебныя снадобья нельзя ни хулить, ни ѣсть, нельзя прикасаться къ нимъ нечистымъ, нельзя шагать чрезъ нихъ. Запрещается спорить съ махаянистами (а новѣйшіе учителя мистицизма, какъ мы видѣли выше, считаютъ себя также махаянистами!), покидать свое занятіе, хотя бы приказывалъ то самъ бодисатва; запрещается вступать въ споръ также и съ занимающимися чарами, тѣмъ болѣе съ тиртиками (иновѣрцами); не позволяется во время занятія чарами ни плясать, ни пѣть, ни шутить, и во всякое время бѣгать, кривляться и проч. Запрещается читать заклинанія при Чандала (презрѣнная каста у браминовъ, но изъ которой, однакоже, вышло много буддійскихъ знаменитостей, и между прочимъ, чародѣевъ). Запрещается украшать себя четками, цвѣтными матеріями, натирать тѣло масломъ, ѣсть кунжутъ, рѣдьку, чеснокъ, бобы и вообще пряности, равно какъ навороженныя кушанья, балiи (жертвы,

приносимыя или бросаемыя духами), крисара (похлебка изъ кунжута, бобовъ и зеренъ). Нельзя ѣздить въ повозкѣ, лежать съ другими на постели, смотрѣть на зрѣлища; нельзя бранить самого себя или быть недовольнымъ собою (потому что будешь послѣ представлять себя богомъ).

Это, конечно, только часть обѣтовъ, которые мы здѣсь выписываемъ для характеристики, съ тѣмъ, чтобы показать, что въ таинственномъ или мистическомъ часто нѣтъ ничего мистическаго. Мистики говорятъ, что и одно тщательное сохраненіе обѣтовъ и клятвъ можетъ доставить шидд'и въ семь перерожденій и безъ созерцанія.

Только послѣ посвященія, принятія обѣтовъ и произнесенія клятвъ учитель даетъ мистическія изъясненія тантръ.

Въ чемъ же, наконецъ, состоитъ самое созерцаніе? Хотя мы здѣсь передаемъ созерцанія не одной системы, но соединяемъ ихъ всѣ, переходя отъ Крія тантры къ Югѣ и отъ этой къ Ануттара Югѣ, но думаемъ, что въ самой этой смѣси найдемъ связь съ предыдущими еще теоретическими созерцаніями и увидимъ здѣсь только постепенное развитіе абсурда, доведенное до невозможности.

Прежде настоящаго созерцанія есть еще приготовительное. Вотъ какъ оно описывается въ Крія тантрѣ: вставъ поутру, должно прочитать извѣстное заклинаніе, потомъ раздвинутыя ладони съ подогнутыми немного пальцами кладутся на голову, и произносится заклинаніе, а собственно—просто молитва, названная заклинаніемъ только потому, что она произносится на санскритскомъ языкѣ: Омъ, Татагата удбава, сваха! Отсюда ладони, сложенныя уже въ видѣ неню-фара, подносятся къ сердцу и произносится: Омъ, падма, утб'ава сваха! Далѣе, ладонямъ дается другой видъ, и онѣ прикладываются къ пупу съ приличною молитвою. Всѣ же эти молитвы состоятъ въ призваніи извѣстнаго божества, за которымъ слѣдуетъ поклоненіе Татагатамъ всѣхъ странъ и молитва имъ о покровительствѣ и дарованіи шидд'и, при чемъ слѣдуетъ еще рядъ молитвъ и клятвъ или обѣщаній, отъ которыхъ переходятъ къ заклинаніямъ, имѣющимъ будто бы силу предохранять отъ гнѣвныхъ духовъ. Это заклинаніе сопровождается извѣстною особою мудрою; затѣмъ произносится заклинаніе, имѣющее силу предохранить отъ навожденія во время пищи, питья и естественныхъ отправленій. Затѣмъ, представляется въ своемъ сердцѣ буква *м*, которая есть сущность Вэйрочаны, а на головѣ буква *х* — сущность Акшуб'и; эти буквы представляются въ видѣ горящихъ четокъ (?). Затѣмъ слѣдуетъ заклинаніе: омъ, сваб'ава, шудда

сарва д'арма сваб'ава шудднъхамъ! При этомъ ты убѣждаешься, что очистилась твоя внутренность. Потомъ, отправляешься въ созерцательную келью, чистишь ее, и воротившись, обмываешься; а потомъ опять идешь въ келью, гдѣ, сѣвъ на мѣсто, снова произносишь хвалы буддамъ и молитвы, охраняющія какъ тебя, такъ и мѣсто. Наконецъ, начинается созерцаніе. Сидя въ прямомъ положеніи, напрягши всѣ органы, вытянувъ шею какъ павлинъ, производя медленное дыханіе, немного только открывъ глаза и устремивъ ихъ на кончикъ носа, стиснувъ зубы и прижавъ языкъ къ небу, обрати свой духъ къ милосердію, спасающему одушевленныя существа и проч. Затѣмъ, разсуждая о *не я*, выводи заключеніе, что какова сущность *я* (то-есть, нѣтъ я), такова сущность и бога, и въ этомъ безразличіи молока, смѣшаннаго съ водой, и моя сущность равна съ богомъ, — послѣ чего искусственною гордостью представляй себя въ различныхъ видахъ бога. Этихъ видовъ считается шесть (по другимъ пять): 1) богъ въ абсолютномъ бытіи, когда еще находишься подъ впечатлѣніемъ предыдущихъ махаяническо-метафизическихъ идей; 2) богъ слова или голоса, когда представляешь себя въ громкомъ (?!) свѣтѣ д'арани; 3) богъ буквъ, когда, представивъ въ воздухѣ формулы, представишь и себя, подобно слившейся съ золотымъ пескомъ чистѣйшей ртути, въ сліяніи съ богомъ, въ видѣ луннаго диска, на которомъ положены эти буквы; 4) затѣмъ представляй, что изъ этой луны съ заклинаніями истекаютъ безчисленные разноцвѣтные лучи, на концѣ каждаго изъ которыхъ возсѣдаетъ созерцаемое божество, и такимъ образомъ вся твердь наполняется этими лучами съ сидящими богами; тогда-то мысленно представляешь тучу жертвъ, которыми чествуются всѣ эти будды, и въ то же время въ воображеніи твоемъ долженъ явиться нектарный дождь, утушающій адское пламя; затѣмъ лучи собираются, то-есть, не исчезаютъ, а уходятъ опять въ лунный кругъ съ твоею душей, и ты гордо думаешь, что эти божества, опустившіяся съ лучей, — все ты, то-есть, не отличаются отъ тебя; это называется богомъ формы; 5) божество мудры, когда мудрами своего бога благословляешь свое сердце междубровіе, горло, плечи; по другимъ — глаза, носъ, ротъ, уши пупъ, удъ и поры; 6) божество имени или ложное. Вообще, здѣсь все дѣло въ умѣніи управлять дыханіемъ, которое аллегорически называется лошадью души, но еще болѣе необходима твердая, упорная гордость!

Послѣ такого созерцанія, заключающагося въ переходѣ отъ одного

представленія къ другому, по нѣкоторымъ даже прежде, а по другимъ одновременно съ нимъ, должно происходить созерцаніе божества передъ собою. Представь, что на томъ мѣстѣ (кельи), на которомъ положено предъ тобою рисованное изображеніе будды, находится помостъ, сдѣланный изъ драгоцѣнностей, усыпанный золотымъ пескомъ; освяти его формулой: омъ, чжалаби хумъ сваха! Надъ этимъ помостомъ представь чистое, огромное море, покрытое ненюфарами, утпалами и другими цвѣтами, надъ которыми летаютъ стаи птицъ; освяти все это формулой: омъ, вимала даха, хумъ! Посреди моря представь гору Сумеру съ ея разноцвѣтными боками, и на ней огромный ненюфаръ, корни котораго просквозили всю гору; на этомъ ненюфарѣ — д'арани (или даже и дворецъ) бога. Сюда, по принесеніи предписанныхъ жертвъ (хотя бы и умственно [1]), съ поклоненіемъ и съ руками, сложенными въ видѣ извѣстной мудры, заклинается явиться богъ: прійди, прійди Б'агаванъ, и принявъ мои жертвы, порадуй меня! Э-хіэ-хэ! Тогда представь предъ собою бога, окруженнаго видіями, д'арани, грозными божествами, слугами и служанками,—они занимаютъ все небо; представь, что и самъ находишься посреди ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ предписаніе, какія дѣлать мудры, произносить д'арани, какъ и когда явившемуся богу приподносится сѣдалище, омываются ноги, тѣло, приподносится ароматная вода, цвѣты, куренія, пища, лампа; произносятся гимны въ честь бога и даже умственно музыка. Затѣмъ слѣдуетъ покаяніе въ грѣхахъ, обѣщаніе трудиться на пользу существа проникновенія идеями четырехъ неизмѣримыхъ. Вотъ и все! То-есть, созерцатель долженъ продолжать заниматься такими представленіями всю жизнь или до пріобрѣтенія шидд'и (то-есть, сумасшествія).

При обоихъ созерцаніяхъ, какъ видно еще важнѣе, чѣмъ дыханіе,— самое повтореніе заклинаній, правила для котораго, впрочемъ, могутъ быть обобщены и для другихъ случаевъ. Когда произносятся д'арани, то должно слѣдить мысленно или за самою формою буквъ, изъ которыхъ онѣ состоятъ, или за ихъ звукомъ. При представленіи себя богомъ или предъ собою бога, при представленіи луннаго круга или лежащей на немъ нанизки изъ д'арани, нельзя, при повтореніи формулъ, упускать изъ виду и ихъ формы; навыкъ въ этомъ согласіи представленія съ формами называется стояніемъ на непоко-

[1]) Если жертвъ нѣтъ на лицо, то должно извиниться, смотря потому, изъ какого разряда приглашаемый богъ, и самый образъ держанія жертвъ различенъ; обыкновенно жертвы бываютъ заранѣе нарисованныя, но говорятъ, что умственныя еще лучше натуральныхъ.

лебимомъ пьедесталѣ. Во второмъ случаѣ, при произнесеніи д'арани, не имѣются въ виду ни форма буквъ, ни луна, на которой онѣ расположены, а всѣ мысли обращены къ одному только звуку; при этомъ исподволь должно отрѣшаться отъ представленія бога, луны и формы буквъ. Голосъ при произношеніи не долженъ быть ни скоръ, ни медленъ, ни сиплъ, и проч. Если повтореніе прервалось зѣвотою, кашлемъ или естественнымъ отправленіемъ, то его должно повторять сначала; если д'арани состоитъ менѣе, чѣмъ изъ 15 буквъ, то ее должно повторить столько же тысячъ разъ, сколько и буквъ; если же 32 буквы, то она произносится триста тысячъ разъ, если еще болѣе, то всего десять тысячъ разъ. Разумѣется, что такое повтореніе предполагается не въ день, не за одинъ разъ, а требуется продолжать до достиженія цѣли; оно не можетъ быть и безпрерывно; буддисты учатъ, какъ распредѣлять это время, равно какъ учатъ и тому, что надо дѣлать въ промежуткахъ, перемывать жертвенные сосуды, читать парамиты, строить мандала и монументы (цаца); сверхъ того, всегда, кромѣ сна и омовенія, должно быть въ духовномъ платьѣ, приносить баліи демонамъ и проч. Выходитъ, что чтеніе д'арани составляетъ сущность всѣхъ чаръ по этой системѣ, потому что и окончательныя созерцанія, какъ-то созерцаніе огня, сопровождается также представленіемъ звуковъ, а окончательное созерцаніе, доставляющее абсолютное тѣло будды, называется созерцаніемъ конца звуковъ.

Объ окончаніи, то-есть, успѣхѣ совершенія, можно заключить по снамъ: если привидятся три драгоцѣнности, богъ, котораго созерцаешь, духовный, гора, быкъ, водопадъ, богатства и проч.,—все это почитается счастливымъ знакомъ приближенія чудотворныя силы или шидд'и; для встрѣчи ихъ приносится всесожженіе (хома), или усиливается чтеніе заклинаній.

Въ Ачара тантрѣ сдѣлано къ этому созерцанію новое прибавленіе; на томъ основаніи, что будда имѣетъ два тѣла—чистое или духовное, нечистое или прозрачное, заключили, что для воспроизведенія въ себѣ двухъ тѣлъ божества нужно, къ предыдущему созерцанію будды въ образахъ, присоединить еще созерцаніе пустоты. Сверхъ того, когда созерцаніе назначено исключительно для пріобрѣтенія простыхъ шидд'и, напримѣръ, чудотворной сабли, то для того берется простая сабля, даже деревянная, и во всѣхъ частяхъ внутренняго тѣла созерцаются мандалы четырехъ стихій, также вызываются манъчжушри и другіе бодисатвы; когда они явятся, пріобрѣтется невыразимое состояніе.

Въ Юга тантрѣ, принимающей четыре разряда боговъ, созерцатель можетъ представлять себя поочередно въ видѣ то того, то другаго бога (Вэйрочана, Акшуб'и, Амитаб'а и Ратнасамб'ава). По ней представленіе себя въ видѣ бога производится для того, чтобы вывести тѣло, языкъ и душу и ихъ дѣйствія изъ обыкновеннаго состоянія въ божественное; сверхъ того, оно раздѣляется на грубое и утонченное, дѣлающее духъ способнымъ къ занятіямъ; послѣднее созерцаніе требуетъ обращенія вниманія на ручныя орудія бога. Безпризначное созерцаніе предполагаетъ сочетаніе разума размышляющаго о пустотѣ съ мудрами, мантрами, видіями и проч. Это созерцаніе нужно также и для отогнанія препятствій. Когда появятся признаки приближенія, то къ повторенію или всесожженію здѣсь прибавлена еще самади — погруженіе въ созерцаніе; отъ этихъ трехъ видовъ зависитъ и различіе въ пріобрѣтаемыхъ силахъ: черезъ самади пріобрѣтается сила отыскивать кладъ, не тонуть въ водѣ, идти на Сумеру; черезъ повтореніе — сила являться гдѣ угодно и изчезать, охранять себя отъ всякаго яда, отыскивать пропавшія вещи. Всесожженіемъ доставляется уменьшеніе грѣховъ, увеличеніе силы и проч.

Конецъ всѣхъ чаръ заключается въ Ануттара (Несравненной) Югѣ; сущность ее составляютъ тоже два вида созерцанія, называемые здѣсь процессомъ возрожденія (Утсакрама) и процессомъ выполненія (Утпаннакрама); собственно это были двѣ первоначально различныя, независимыя системы, которыя имѣли каждая свои подраздѣленія, называемыя мужскими и женскими тантрами [1]), въ свою очередь, также имѣющія свои раздѣленія и школы (какъ, напримѣръ, школа Арія). Но послѣ пришли къ убѣжденію, что одинъ процессъ безъ другаго обойтись не можетъ. Языкъ этихъ тантръ, какъ увидимъ, чрезвычайно труденъ и иносказателенъ; мы не ручаемся даже, что удачно передадимъ всѣ термины, можетъ-быть, не очень вѣрно и всю систему, потому что излагаемъ по извлеченію, сдѣланному нами очень давно, и находимъ, что не худо бы было снова пересмотрѣть весь огромный трудъ Цзюнхавы, для чего теперь нѣтъ ни охоты, ни времени.

Мистики говорятъ, что полное достиженіе званія божества должно заключаться въ хитростномъ соединеніи блага или блаженства съ

---

[1]) Къ мужскимъ относятся тантры. Гухіяпати, Бэйравы; къ женскимъ: — Херуки, Чакрасамбары, Хеваджра; тантра же Калачакры называется среднею По это только самыя главныя.

пустотою, то-есть, въ слитіи разума, дающаго духовное тѣло, съ магическимъ тѣломъ блаженства. Разумъ дается, уже не какъ прежде, только черезъ размышленіе о пустотѣ, а черезъ созерцаніе ея (то-есть, пустоты), тѣло же черезъ искусственное растопленіе своего тѣлеснаго матеріала. Главною ступенью къ этому растопленію служитъ достиженіе шидд'и Махамудры, неизвѣстной въ прежнихъ тантрахъ; свойства ея—утонченное или самаго малѣйшаго размѣра тѣло, всеобъемлющій и быстрый умъ, совершенная прозрачность, твердость и могущество.

Ануттара Юга хочетъ подкрѣпить возможность достиженія своихъ цѣлей физіологическимъ разборомъ самаго нашего тѣла. Процессъ его превращенія зависитъ отъ жилъ, воздуха, дыханія; черезъ нихъ она и хочетъ дѣйствовать.

Въ нашемъ тѣлѣ считается всего 72.000 жилъ; изъ нихъ главныхъ 120, изъ нихъ еще главнѣе—24, а изъ этихъ—три, это: 1) авадути, идущая отъ макушки до подошвы и заузливающаяся болѣе или менѣе въ головѣ, горлѣ, сердцѣ, пупѣ, удѣ и проч.; 2) лалана и 3) расана, идущія въ видѣ цѣпей отъ черепа до уда и охватывающія въ пупѣ жилу авадути. Расана имѣетъ два отверстія—верхнее и нижнее; авадути обращена отверстіемъ внизъ, а лалана вверхъ, такъ что дверь вхожденія въ одну жилу есть дверь выхожденія въ другую. Отъ этихъ жилъ зависятъ не только кровь, мясо, сѣмя и проч., но и разумъ, мракъ, вражда, солнце, луна, мысль и т. д. Тѣло образуется въ утробѣ изъ крови и соковъ, и все прочее (жилы, кости, кровь и проч.) составляетъ его измѣненіе; поэтому, главныя стихіи крови—это бѣлая и красная матеріи, называемыя аллегорически бодисатвами; кромѣ того, считаютъ еще пять другихъ жилъ: свитая втрое, жила похотливости, домовая, свирѣпая—Чжантика и раздирательница демона. Онѣ управляютъ пятью чувствами.

Видовъ дыханія считаютъ нѣкоторые даже 108, но другіе принимаютъ только десять (дыханіе, идущее вверхъ, дыханіе, идущее внизъ и проч.); они имѣютъ также аллегорическія названія: дракона, черепахи, девадаты и проч. Эти десять дыханій помѣщаются въ сердцѣ, удѣ, глоткѣ, пупѣ, составахъ тѣла и пяти органахъ (глаза, уши). Каждое дыханіе имѣетъ свое особенное назначеніе, и отъ всѣхъ вмѣстѣ зависятъ всѣ дѣйствія тѣла: движеніе, образованіе влаги, вкусъ, осязаніе и т. д. Пять коренныхъ дыханій соотвѣтствуютъ пяти стихіямъ; впрочемъ, говорятъ, что названіе дыханія неба принадлежитъ тиртикамъ.

Созерцателю нужно умѣть вполнѣ владѣть жилами и дыханіемъ; этого онъ можетъ достигнуть тоже посредствомъ созерцанія (Юги). Юга дыханія состоитъ въ слѣдованіи мыслью или въ наблюденіи за дыханіемъ, сопровождаемомъ, въ то же время, перечитываніемъ заклинаній, при чемъ счетъ повтореній долженъ соотвѣтствовать счету дыханій; въ то же время должно происходить не одно только пустое чтеніе, но и слѣдованіе мыслей за каждою буквою заклинанія, представленіе какъ идеи, которую выражаетъ каждая буква, такъ и выводимыхъ изъ общаго свойства буквъ отвлеченныхъ понятій. Надобно знать, что всякое заклинаніе есть ничто иное, какъ произведеніе гласныхъ и согласныхъ, а сущность ихъ составляютъ только три буквы, происшедшія изъ неразрушимаго, и притомъ не порознь, но вмѣстѣ: онѣ сочетаются съ дыханіемъ и однѣ существуютъ самостоятельно: такимъ образомъ, когда пріобрѣтешь твердость (то-есть, навыкъ) въ алмазномъ (то-есть, заклинательномъ) повтореніи, то можешь запереть дыханіе въ жилу Чжантика (то-есть, подчинить себѣ дыханіе).

Три буквы суть ничто иное, какъ мужскія, женскія и среднія гласныя и согласныя. Представитель всѣхъ ихъ есть *хумъ*, и потому Юга состоитъ въ твердомъ прилѣпленіи мысли къ этому *хумъ* бѣлаго цвѣта, лежащему на лунномъ пьедесталѣ въ чашечкѣ сердечнаго лотоса; при этомъ должно созерцать, какъ дыханіе, идущее вверхъ, *цѣлуется* съ идущимъ внизъ.

Главную роль въ созерцаніи жилы Чжантика (то-есть, въ загнаніи туда дыханія[9]) играетъ *весенняя* (то-есть, сладострастная) *капля*. Въ сердечной чашечкѣ жильныхъ лепестковъ находится жила расана, похожая цвѣтомъ на свѣтъ тронутой лампады, имѣетъ форму цвѣтка банана съ отвороченнымъ нѣсколько въ сторону отверстіемъ, обращеннымъ внизъ; посреди этой-то жилы находится, величиною съ горчичное зерно, всепобѣждающій, непобѣдимый, доставляющій все желаемое богатырь—это *хумъ!* Неразрушимый, онъ-то, посредствомъ растопленнаго въ жилѣ чжантика, называется зерномъ возрожденія блаженства; онъ-то, изливая изъ себя свѣтъ прохладно-лучезарнаго нектара (рашіяна), воспламеняетъ благой восторгъ во всѣхъ тваряхъ, подобно веснѣ: оттого-то и носитъ такой эпитетъ. Тилакара (капля) есть отвращающая отъ всѣхъ желаній богиня *Не-я*, образъ пупочнаго огня, пожирающаго всѣ дрова скандъ (то-есть, составныхъ частей человѣка), подобно тому, какъ огнемъ изо рта Свирѣпой пожираются воды всѣхъ океановъ; она, зародясь дыханіемъ изъ подъ пупа и распространяясь имъ, разгорается въ его орбитѣ.... Разгоряченная капля

выступаетъ изъ жилы расаны и наполняетъ всѣ поры и полости лба, такъ что пожираемыя ею сканды выгоняются ею изъ правой ноздри и изъ ямочки въ междубровіи; потомъ вдругъ, какъ молнія, она охватываетъ всю вселенную, входитъ въ лѣвую ноздрю какъ представляемыхъ умственно окружающихъ людей, шраваковъ, пратіекъ, бодисатвъ, буддъ, такъ и въ ноздрю дѣйствительныхъ буддъ, и воспламенивъ орбиту ихъ блаженства, возбуждаетъ въ нихъ огонь великаго сладострастія; отсюда введи эту каплю черезъ отверстіе междубровія въ себя, и растопивъ ее съ матеріей въ одно, когда этотъ сплавъ будетъ процѣживаться внизъ, помышляй, что въ твоемъ пупѣ обитаетъ элементъ великаго блаженства или соединенныхъ въ одно искусства и разума!...

По процессу возрожденія, Юга заключается въ созерцаніи гласныхъ и согласныхъ буквъ и происходящихъ изъ нихъ лунныхъ и солнечныхъ [1]), въ выдѣлываніи мудръ, при чемъ происходитъ еще простое обсуживаніе; въ пути же выполненія силою подчиненія себѣ дыханія и бѣлой и красной матеріи тѣла, выражавшихся прежде аллегорически буквами, пріобрѣтается тройной (освѣщающій, разсѣевающій и получающій) разумъ, силою котораго входъ въ продуктъ мышленія и дыханія, въ магическое тѣло, достается безъ всякаго труда и ухищренія. По первому процессу, тѣло совершается искусственно, а по второму — такъ какъ Юга жилъ, дыханія и капли не требуетъ умственнаго напряженія, — то и возникновеніе надъ проявленною изъ нихъ пустотою божественнаго тѣла не есть обсуживаемое Первый процессъ требуется для того, чтобъ отвратить, такъ-сказать, мірскую видимость и опирающееся на нее гордое пристрастіе къ этой же видимости; для этого, какъ противодѣйствіе, созерцается дворецъ (въ прежнихъ созерцаніяхъ этого дворца еще не было) [2]) и живущій въ немъ будда; нужно пріучать себя умѣть въ воображеніи своемъ мгновенно представлять всѣ части тѣла и принадлежности божества, самый его дворецъ. Сначала представленіе это пусть будетъ грубое, потомъ оно усовершенствуется; такое представленіе, какъ-бы дѣй-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, каждой изъ четырнадцати санскритскихъ гласныхъ указано особенное мѣсто въ тѣлѣ человѣка, согласныя (ихъ считается уже 40) распредѣляются по стихіямъ, изъ нихъ составляется двойная цѣпь. одна идетъ вверхъ отъ большаго пальца на ногѣ до макушки, другая—въ обратномъ порядкѣ.

[2]) Дворецъ есть опора, а будда — опирающійся; точно также и для созданія тѣла духовнаго будды нужна опора.

ствительное, въявь и въ полномъ свѣтѣ, называется на магическомъ языкѣ просвѣтленною видимостію, освѣщеніемъ. Для укрѣпленія за собою такой необыкновенной гордости и видимости должно, пріучившись къ вышесказаннымъ представленіямъ, созерцать бога въ уменьшенномъ до капли видѣ, а потомъ внутри еще болѣе малѣйшей, называемой малѣйшею мудрою, созерцать весь дворецъ, со всѣмъ въ немъ находящимся. Этимъ какъ-бы приближаешься къ пустотѣ и къ совершенно чистой махамудрѣ или къ совершенно чистому божеству. Дополненіе и выполненіе всего этого составляютъ созерцаніе (Юга) себя въ безразличіи съ тремя ваджрами, созерцаніе, совершающее умственную ваджру, и созерцаніе, доставляющее званіе Ваджрасатвы, который есть основаніе необыкновенной гордости. Есть еще созерцанія, представляющія бога въ огромномъ размѣрѣ.

Далѣе, въ томъ же процессѣ, чтобы создать видимое тѣло, нужно положить въ своемъ сердцѣ *сѣмя* будды, для возростанія изъ него на счетъ своего тѣла новаго, или выродить изъ себя бога. Для этого представляй, что свѣтомъ сѣмени будды проникается все твое тѣло до конца поровыхъ волосковъ; потомъ, представляй, что на концахъ сѣменныхъ лучей помѣстились магическіе будды царства Аканишта, и съ этими лучами вбирай ихъ въ свое сердце; такимъ образомъ, ты не будешь отличаться отъ Главнаго въ кругѣ.

Наконецъ, прибѣгаютъ къ представленію мужскаго и женскаго божества (Явъ-юмъ—батюшка съ матушкою); въ послѣднее или черезъ удъ, или черезъ ротъ, кладется сѣмя, которое возбуждаетъ въ обоихъ сильное вождлѣніе представленія; это, кромѣ извѣстныхъ слѣдствій отъ возбужденія, можетъ простираться и на то, какъ въ утробу женскаго божества входитъ зародышъ (мертвецъ—по системѣ перерожденій), и даже какъ онъ ростетъ: можно прослѣдить всю его жизнь.

Сверхъ того, и помимо занятія Югою, созерцатель и въ обыкновенное время долженъ всюду дѣйствовать, какъ-бы онъ былъ богъ: пьетъ ли онъ—онъ долженъ думать, что это амрита (нектаръ боговъ), умывается ли — долженъ представлять, что принимаетъ посвященіе, лежитъ ли—долженъ думать, что происходитъ сочетаніе искусства и разума, встаетъ ли—долженъ воображать, что его пробуждаютъ звуки д'амару или пѣсни богинь и т. д.

По процессу выполненія или окончательному, сперва должно создать (изъ себя) призрачное тѣло—посредствомъ отчужденія отъ себя тѣла, слова и духа (изъ которыхъ состоитъ человѣкъ), или введенія

ихъ въ пустоту; а оставшіеся мысль, душу и воздухъ (дыханіе) перевести въ тѣло ваджрасатвы, то-есть, когда видишь себя въ тѣлѣ ваджрасатвы, какъ въ зеркалѣ, но нѣтъ подлиннаго тѣла. Изъ этого призрачнаго тѣла образуется затѣмъ, по введеніи его въ блескъ свѣта, тѣло разума, въ которомъ душа находится въ сліяніи съ тождествомъ, а тѣло является украшеннымъ признаками и примѣтами; такое тѣло есть ничто иное, какъ составъ изъ трехъ освѣщеній, замѣняющихъ душу, и изъ пяти лучей, составляющихъ воздухъ (дыханіе?). По предыдущему процессу, тѣло какъ будто не совсѣмъ очищено, здѣсь же совершенно чисто и потому называется необманчивымъ; въ субъективномъ видѣ глубоко-свѣтлый разумъ представляется въ видѣ пятицвѣтной капли величиною съ зерно *чжанака*. Это не болѣе, какъ аллегорическое изображеніе души, слитой съ воздухомъ изъ пятицвѣтныхъ лучей; отсюда являются стихіи — воздухъ, огонь, земля и вода и проч. Однимъ словомъ, все, что̀ ни подходитъ подъ созерцаніе буквъ, какъ не разрушимое и не разсѣеваемое, называется каплей. Эта капля представляется или созерцается положенною въ сердце Главнаго въ кругѣ; въ свѣтѣ этой капли мало по малу собираются (то-есть, какъ-бы растворяются, исчезаютъ) весь міръ съ существами и всѣ представляемые во дворцѣ; затѣмъ, земля собирается въ водѣ, вода въ огнѣ и т. д. Послѣ этого совершится тѣло разума безразлично глубокаго и свѣтлаго, и съ нимъ становишься божествомъ. Разумѣется, это дѣлается не вдругъ; надобно неоднократно упражняться въ такомъ собираніи и возстановленіи или развитіи изъ свѣта неба, изъ неба воздуха, изъ воздуха огня и т. д.; при усовершенствованіи въ томъ и выйдетъ сказанное тѣло разума изъ пятицвѣтнаго воздуха. Но прежде того, созерцается еще магическая капля на концѣ носа, что̀ называется вращаніемъ воздушнаго алмаза; предъ этимъ же созерцается таинственная капля, опустившаяся изъ сердца въ тайный удъ въ видѣ драгоцѣннаго зерна, въ которомъ созерцается кругъ съ его обитателями (то-есть, это то же самое созерцаніе, что̀ мы видѣли выше — въ первомъ процессѣ, и такимъ образомъ, поддержана связь съ предыдущимъ). Смотря потому, какъ по мѣрѣ усовершенствованія въ созерцаніи, капля становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе, различаются пять періодовъ этого просвѣтленія. Капля, которую созерцаютъ при собираніи и развиваніи, называется держащею душу, потому что душа, занятая вся этимъ созерцаніемъ, становится не существующею, дыханіе заграждается, воздухъ прогоняется въ жилу расану. При трехъ видахъ созерцанія капли — въ

сердцѣ, на удѣ и на носу, рождаются три вида радости — обыкновенная, высшая и невыразимая; во время же собранія и развитія еще ощущается радость сопричастная. Далѣе прибавляютъ (Калачакра): собираніе стихій одна въ другой называется созерцаніемъ махамудры; сбросивъ черезъ него оболочку, разуму не къ чему другому будетъ прилѣпиться, какъ къ свѣтлой сторонѣ себя же самого, и тѣмъ уничтоживъ омраченіе, содѣлать блаженнымъ знаніе (?!). Такое-то конечное пріобрѣтеніе и есть званіе, въ которомъ не отличается блаженство отъ пустоты, или тѣло духа и формы, каковъ очищенный отъ всякаго омраченія разумъ.

Такъ какъ для пріобрѣтенія блаженства и пустоты въ безразличіи должна быть соотвѣтствующая причина, то надобно представлять (одного?) себя чувственнымъ богомъ пустоты и формы въ мужскомъ и женскомъ видѣ; вслѣдствіе похоти къ женской, душа должна потерять всякое сознаніе (буквально—не быть ни держимою, ни держащей) и пріобрѣсти неизмѣнное блаженство,—въ то же время не надобно терять памяти, которая и есть разумъ-пустота; въ это время, при опущеніи матерій, растопленныхъ въ жилѣ чжантика, изъ темени, черезъ горло и сердце, въ драгоцѣнность (то-есть, удъ), постепенно производятся (вышеупомянутые) четыре вида радости; тогда-то, превративъ себя въ батюшку съ матушкою чувствомъ похоти, усиливая все выше и выше пріобрѣтенное блаженство (то-есть, наслажденіе?!), достигаешь до истребленія всѣхъ бренныхъ оболочекъ,—тѣло становится алмазнымъ или тѣломъ пустоты и формы, а душа погружается на вѣки въ сліяніе съ тождествомъ!

По другой системѣ, этотъ процессъ передается такъ: отъ растопленныхъ великою похотью батюшки съ матушкою останется одна буква хумъ—красная, какъ синд'ура или красная жемчужина; она загоняется въ букву *у*, *у* въ *х*, *х* въ *м*, *м* въ полулуніе, а это въ *каплю*, *капля* въ *наду*, а *нада* въ сотую или тысячную часть кончика волоса; это-то и значитъ выхожденіе изъ предѣловъ формы.

Мы можемъ къ этому прибавить, что во многихъ кумирняхъ видали кумиры батюшки съ матушкою, болѣе чѣмъ въ невинной позѣ!

Что сказать объ этихъ грубѣйшихъ абсурдахъ? Если мы встрѣтили нѣчто подобное и въ даосизмѣ, то тамъ всякій подобный бредъ кажется продуктомъ наивнаго воображенія, въ немъ такъ и сквозитъ иронія. Но буддизмъ о всемъ этомъ говоритъ не шутя, съ увѣренностію, приводя даже метафизическіе доводы. Люди, претендующіе на ученость, пишутъ, и пишутъ до сего времени, уже, по

крайней мѣрѣ, полторы тысячи лѣтъ, подобные трактаты; мало этого, еще большее число людей старается привести въ исполненіе эти бредни, все это тоже имѣетъ притязаніе на званіе науки. Въ Тибетѣ и Монголіи, вмѣстѣ съ факультетами діалектики, математики, медицины, есть факультеты астрологіи и чаръ! Понятно, что только недоступныя горы Тибета, необъятныя степи Монголіи, разобщенныя отъ всего остальнаго міра, могутъ поддерживать подобное ученіе, и что вмѣстѣ съ первымъ водвореніемъ образованія должно бы было и рухнуть такое ученіе. Однакоже, чѣмъ же объяснить, что подобный буддизмъ поддерживается еще въ нашихъ Калмыцкихъ степяхъ, и что этотъ именно буддизмъ годъ отъ году распространяется въ нашихъ предѣлахъ у Бурятъ? Очевидно, что недостаточно еще одной цивилизаціи показаться посреди невѣжества: чтобы просвѣтить этихъ невѣждъ, надобно еще изучить и самыя ихъ заблужденія.

VI.

Мы уже видѣли, что конфуціанство почти нельзя назвать религіей, если только не принимать въ рачетъ, что Китайцы на своемъ языкѣ, какъ буддизмъ, даосизмъ, христіанство, такъ и конфуціанство, называютъ равно *ученіемъ* (цзяо); вмѣстѣ съ тѣмъ, мы упоминали уже, что Конфуцій выразилъ свое отвращеніе говорить о духовныхъ предметахъ, о загробной жизни. Такимъ образомъ, конфуціанство, въ томъ видѣ, какъ мы его представили, было не болѣе, какъ соціально-политическое ученіе.

Но человѣкъ вездѣ сказывается человѣкомъ — какъ на востокѣ, такъ и на западѣ; онъ не можетъ быть удовлетворенъ одною наглядною дѣйствительностію, онъ непремѣнно и упорно хочетъ узнать то, чего не знаетъ, и радъ чѣмъ-нибудь наполнить недостатокъ или пустоту своего знанія. И, даже еслибы конфуціанство и осталось такимъ, какимъ хотѣлъ его основать Конфуцій, то не въ правѣ ли мы были бы назвать его религіею по тому авторитету, который оно пріобрѣло между своими учеными, по той горячей привязанности, которая выражается не только въ убѣжденіи, но и въ дѣйствіи? Вѣдь и конфуціанство имѣло своихъ мучениковъ. Мы думаемъ, что религіей должно называть всякое ученіе, которое съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ такую силу, что не допускаетъсомнѣнія, и принимаетъ форму догмата, который можно только разъяснять, но не доказывать.

Сверхъ того, конфуціанство не было ли уже съ самаго начала религіей въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово съ наружной

стороны—въ смыслѣ обрядности; развѣ не классическая конфуціанская книга Ли-цзи толкуетъ о церемоніяхъ при похоронахъ, свадьбахъ, при рожденіи и прочихъ случаяхъ жизни? Развѣ всѣ правительственныя, хотя и гражданскія, процессіи не вошли въ законъ, отъ котораго не можетъ отступить и самъ богдыханъ? Развѣ почтительность къ родителямъ и старшимъ, преданность престолу, не также почитаются законами, полученными отъ неба? Развѣ богдыханъ, не принимающій никакого коронованія, не считается въ понятіяхъ чистыхъ конфуціанцевъ сыномъ неба, получившимъ престолъ по волѣ неба?

А между тѣмъ, въ тѣхъ же классическихъ книгахъ упоминается еще и о жертвоприношеніяхъ. Конфуцій, который выразился, что нечего разсуждать о загробной жизни, когда еще не научился жить,—о которомъ говорятъ, что онъ не любилъ говорить о духахъ, осуждалъ отвлеченность (и-дуань), по тѣмъ же книгамъ требовалъ, чтобы жертвоприношенія совершались съ полнымъ благоговѣніемъ и искренностію, какъ будто тотъ духъ, которому приносится жертва, лично присутствуетъ при жертвоприношеніи; онъ требовалъ неуклоннаго исполненія всѣхъ принятыхъ обрядовъ при жертвоприношеніи. „Ты жалѣешь“, сказалъ онъ одному изъ своихъ учениковъ, которому не понравилось закланіе въ жертву овцы,— „этого барана, а я жалѣю объ обрядѣ“ (то-есть, дорожу этимъ обрядомъ).

Жертвоприношеніе уже, конечно, есть дѣло религіозное, а оно занимаетъ главное мѣсто въ конфуціанствѣ. Откройте огромное сочиненіе, существующее въ Китаѣ, въ которомъ собраны всѣ церемоніи съ ихъ исторіей—*У-ми-тунъ-као;* въ немъ, прежде всего, говорится о жертвоприношеніяхъ небу, землѣ, вѣтрамъ, горамъ, предкамъ и т. д. Дѣло въ томъ, что Конфуцій и его послѣдователи застали въ Китаѣ такую религію уже вполнѣ развитою и всѣми единогласно принятою; они не находили нужнымъ и говорить о ней, какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ, никѣмъ не оспариваемомъ (лучшее доказательство несуществованія тогда даосизма). Они и не думали возставать противъ нея; да и Конфуцію ли было возставать противъ такой религіи,—Конфуцію, который только и думалъ о томъ, чтобы распространить и поддержать въ народѣ древнія учрежденія, который провелъ всю жизнь надъ тѣмъ, чтобы собирать памятники и произведенія народности? А что народнѣе могло быть въ китайскомъ народѣ, какъ не его религія? Уже, конечно, въ то время она не была откуда-нибудь заимство-

вана, а создалась на родной почвѣ собственнымъ китайскимъ геніемъ: не могла она быть заимствована и отъ сосѣднихъ Китаю народовъ, потому что Китай и образовался вслѣдствіе своей культуры, превосходящей сосѣднюю, да и сосѣди эти едва-ли рознились отъ китайской націи такъ, какъ мы это представляемъ съ перваго взгляда: они, вѣроятно, отличались только отсутствіемъ того политическаго строя, который приняла одна часть изъ нихъ. Итакъ, древняя китайская религія была безмолвно принята конфуціанствомъ въ свои нѣдра и слилась съ новымъ ученіемъ, которое было только пополненіемъ незатронутыхъ дотолѣ вопросовъ.

Эта древняя религія, какъ она ни странна намъ кажется нынѣ съ перваго взгляда, получила, однакоже, свое начало въ общечеловѣческихъ принципахъ, которые произвели и другія религіи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ древнія религіи возникли изъ двухъ несходныхъ вліяній: съ одной стороны, видимая природа, доставившая человѣку и радости, и горе, питавшая его и убивавшая, не могла съ первыхъ же умственнаго развитія не поразить его своимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, мы у Китайцевъ, какъ и у другихъ народовъ, находимъ чествованіе (обоготвореніе, конечно, послѣдовало позже) природы, выраженное въ жертвоприношеніяхъ горамъ, которыя давали лѣсъ и звѣрей, одѣвали и питали человѣка, — еще болѣе рѣкамъ, если допустить, что первый человѣкъ питался рыбою (piscis—пища, кит. юй-и—рыба и питать), о чемъ говорятъ и китайскія преданія,—солнцу, подъ благотворнымъ вліяніемъ котораго развивается растительность. Позже уже того, частные предметы природы, сохранивъ и свое отдѣльное право, были чествуемы и въ двухъ общихъ силахъ, подъ именемъ неба и земли, за которыми явились новые предметы: звѣзды, созвѣздія, границы, мѣстности, и т. п. Конфуцій утвердительно говоритъ, что все, что̀ служитъ на пользу человѣку, имѣетъ право на его чествованіе. Но если чествованіе выразилось въ жертвоприношеніяхъ, какъ выраженіе благодарности или страха (громъ, вѣтры), и если основанія его надобно искать во внутреннемъ человѣческомъ чувствѣ, которое уже потомъ придумало знаки внѣшняго выраженія,—то это чувство, съ тѣми же знаками (жертвами), должно было еще ранѣе пробудиться въ человѣкѣ отъ его сердечныхъ привязанностей. Смерть, лишеніе любимаго человѣка, и до нынѣ производитъ въ насъ невыразимое ощущеніе; мы не можемъ никакъ сердцемъ допустить разумъ до хладнокровнаго вдумыванія въ значеніе смерти; намъ все кажется, что любимое или уважаемое нами существо еще съ нами, что

оно носится надъ нами, чувствуетъ, смотритъ на насъ. Потому, всякое домашнее событіе — радость (рожденіе, совершеннолѣтіе) и печаль (похороны), нужно было довести до свѣдѣнія умершаго существа; всякій новый фруктъ, всякое хорошее кушанье, казалось, нельзя и начинать ѣсть, не подѣлившись съ любимымъ существомъ,—нужды нѣтъ, что его нѣтъ; оно, навѣрно, и теперь носится надъ тѣми мѣстами, которыя ему нравились при жизни,— отведемъ и мы ему же это мѣсто. Таково начало почитанія предковъ. Это почитаніе мы находимъ въ Индіи (прета, кит: цзу — одного корня съ пре), какъ и въ отдаленной Сибири (онгоны у шамановъ), и у насъ, не говоря уже о западѣ. Въ древности сородичи составляли, конечно, одну общину; слѣдовательно, у нихъ былъ и общій предокъ, и частные отцы. И вотъ за предками явилось чествованіе героевъ, государей; наконецъ, въ Китаѣ нынѣ нѣтъ мѣстности, въ которой не былъ бы воздвигнутъ храмъ въ честь отличившихся тѣмъ или другимъ способомъ. Эти умершія знаменитости вовсе не предполагаются изчезнувшими съ земли; ихъ видятъ въ извѣстныхъ случаяхъ, онѣ покровительствуютъ извѣстной мѣстности. Слѣдовательно, это — духи, и духи конфуціанскіе, потому что конфуціанство говоритъ устами богдыхана, когда онъ жалуетъ того или другого духа почетными титлами, надписями или велитъ приносить ему жертвы. Изъ этого мы должны заключить, что перенесеніе духовъ, изъ которыхъ послѣ явились боги, на горы, рѣки, городскія стѣны или на свѣтила было уже болѣе позднѣйшимъ фактомъ, чѣмъ почитаніе предковъ.

Но не объ этой религіи хотимъ мы здѣсь говорить, да для такой религіи нѣтъ у конфуціанства и необходимаго катихизиса. О жертвахъ, о поклоненіи силамъ природы или духамъ умершихъ, у нихъ и до сихъ поръ не толкуется со стороны философско-богословской, а только со стороны обрядовой. Конфуціанство долгое время жило безъ приведенія въ систему своего ученія; его ученые разработывали отдѣльно каждую классическую книгу, писали комментаріи на упоминаемыхъ въ ней животныхъ или растенія, болѣе или менѣе удачно разъясняли историческія и географическія названія и т. д. Не составлялось долгое время никакого катихизиса и по причисленіи конфуціанствомъ къ своимъ классическимъ книгамъ И-цзина — книги перемѣнъ. Китайцы раздули значеніе этой книги до высшихъ предѣловъ мудрости, принимаютъ ея слова за откровеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ приписали Конфуцію дополненія къ этой книгѣ. Если судить по языку главнаго текста, сличая его съ языкомъ дру-

гихъ древнихъ книгъ, то этотъ языкъ еще отрывистѣе, безсвязнѣе; но очень не мудрено, что онъ все-таки скованъ былъ въ послѣдствіи, потому что книга собственно назначена, въ родѣ нашего Мартына Задеки, для гаданія, а потому такой языкъ и очень идетъ къ такой книгѣ. И-цзинъ состоитъ изъ ряда линій, которыя, поставленныя одна подъ другою въ числѣ шести, бываютъ то цѣльныя, то ломаныя, такъ что образуютъ всего 64 фигуры, то-есть, столько, сколько фигура, состоящая изъ шести перемѣшивающихся такихъ линій, можетъ имѣть перемѣнъ (вотъ откуда и названіе книги перемѣнъ) Но этимъ фигурамъ предшествовали болѣе простыя, состоящія только изъ трехъ линій, могущихъ перемѣниться только восемь разъ (восемь гуа). Очевидно, что здѣсь скрывается первоначальное выраженіе десятеричнаго счисленія (такъ какъ къ восьми, изъ трехъ линій, должно прибавить еще двѣ фигуры: одну изъ двухъ и одну изъ одной линій, — такъ точно пишутся и нынѣ Китайцами эти числа); въ первоначальномъ ариѳметическомъ назначеніи И-цзина убѣждаютъ насъ еще и другія фигуры, приложенныя къ И-цзину. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зналъ квадрата, состоящаго изъ девяти клѣточекъ, изъ которыхъ въ каждой вписано особое простое число, и притомъ такъ, чтобы три взятыя вмѣстѣ числа вдоль, поперегъ и вкось (тоже три), составили пятнадцать:

2	7	6
9	5	1
4	3	8

Но эта фигура у Китайцевъ считается откровеніемъ: ее вынесла древнему царю Вэнь-вану лошадь изъ рѣки Ло. Очевидно, что такія открытія, въ первыя времена умственнаго развитія, считались чудомъ; такъ какъ численности подвергаются на каждомъ шагу предметы природы, то легко могли видѣть и въ ея явленіяхъ чудо или таинственную связь съ судьбою человѣка. Потому-то къ 64-мъ фигурамъ изъ шести рядовъ линій (шесть взято именно потому, что три черты цѣльныя разсматриваются какъ небо, а три ломаныя, какъ земля, — два начала или отдѣльныя части природы), и придѣлали загадочныя изрѣченія, которыя относятся то къ цѣлой фигурѣ, взятой вмѣстѣ, то къ каждой отдѣльной въ ней чертѣ. Даже легко всегда видѣть, чѣмъ руководствовались при составленіи этихъ изрѣченій: ломаная

линія всегда принимается въ смыслѣ несчастія; если она вверху, то дурно, если внизу, то хорошо [1]).

Допустимъ, однакоже, что И-цзинъ получилъ свое начало въ отдаленной древности, но эта книга долго не была принимаема въ конфуціанство. Тогда какъ теперь конфуціанцы любятъ приводить изрѣченія И-цзина на каждомъ шагу, въ древнихъ книгахъ о немъ вовсе не упоминается; сочиненія ближайшихъ къ Конфуцію его послѣдователей охотно ссылаются на Шицзинъ, ихъ идеи имѣютъ тѣсную связь съ Шуцзиномъ, а историческія воспоминанія—какъ съ послѣднею, такъ и съ Чунь-цю; но объ И-цзинѣ не упоминается; только въ одномъ мѣстѣ Луньюй'я говорится, будто Конфуцій на старости учился *И* (И, а не И-цзинъ), но самое это мѣсто такъ не кстати, что если тутъ понимать И-цзинъ, то является сильное убѣжденіе, что это мѣсто вставлено съ умысломъ позднѣйшими конфуціанцами, возымѣвшими уваженіе къ И-цзину и принявшими его въ число своихъ книгъ. Но всего вѣроятнѣе, что здѣсь или текстъ изуродованъ, или толкованіе натянуто, потому что іероглифъ *и* значитъ еще: легко (учился подъ старость легко). Какъ бы то ни было, мы потому не признаемъ И-цзина за чисто конфуціанскую книгу, что за нее еще съ большею энергіей ухватились даосы, и къ ученію послѣднихъ эта книга, дѣйствительно, гораздо болѣе идетъ.

Не обращали на себя исключительнаго вниманія и двѣ статьи въ Ли-цзи: Наука взрослыхъ (Да-се) и Гармонія средины (Чжунъюнъ) [2]). Если первая статья касается, въ краткихъ словахъ, чисто

---

[1]) Можетъ быть, что И-цзинъ имѣлъ первоначально большую связь и съ древнею китайскою письменностію, но не тою, которую намъ выдаютъ за древнюю; всѣ китайскіе іероглифы состоятъ изъ сплетенія восьми главныхъ чертъ, а перемѣны въ фигурахъ многочисленнѣе. Гвоздеобразное письмо Персовъ имѣетъ также форму китайскихъ гуа.

[2]) Обѣ статьи сначала ходили по рукамъ отдѣльно и потомъ внесены въ Ли-цзи, такъ какъ эта книга, какъ мы упоминали, представляетъ собраніе трудовъ различныхъ лицъ. Можетъ-быть, онѣ прежде исключены были изъ этого собранія, потому что, какъ ученическіе не конченные труды, считались недостойными занимать мѣсто въ немъ; притомъ же, если и все Ли-цзи заставляетъ сомнѣваться въ принадлежности къ древности, то тѣмъ болѣе Да-сѣ и Чжунъ-юнъ, — послѣднее даже едва ли считалось и ортодоксальнымъ. Конфуціане занимались многими вопросами въ поддѣлываемыхъ ими сочиненіяхъ, и не могши съ ними справиться, отказывались писать далѣе; но послѣдующіе, принявъ написанное за древность, изъявляли сожалѣніе, что часть книги потеряна. Такъ, учрежденія династіи Чжоу легко было писать по заданной темѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло не дошло до отдѣла, которому по программѣ слѣдовало бы называться «Зимнимъ

соціальныхъ вопросовъ, съ которыми мы отчасти уже познакомились, то вторая представляетъ такую выспреннюю пустоту содержанія, что смѣемъ думать, — она сочинена была исключительно въ отпоръ даосизму, на его же образецъ, во всякомъ случаѣ позже Лунь-юй'я, хотя и приписывается Цзы-сы, потому что приводитъ изрѣченія Лунь-юй'я. Не угодно ли познакомиться вкратцѣ съ содержаніемъ Чжунъ-юна:

„Дарованное небомъ называется природою, руководящее природою — путемъ (дао), устрояющее путь — ученіемъ (религія). Отъ пути нельзя ни на минуту отдѣлиться, такъ что то, отъ чего можно отстать, не есть путь [1]); вотъ почему благородный мужъ остороженъ въ отно-

---

чиновникомъ» (отдѣлы весенняго, лѣтняго и осенняго чиновника дошли въ цѣлости). Но въ этомъ отдѣлѣ надобно было дать вѣчныя правила для различныхъ работъ и художествъ, показать, какъ они производятся: очевидно, что это было не по силамъ автору, и онъ оставилъ свой трудъ не конченнымъ. Съ Да-се случилось, какъ мы видимъ, то же самое.

«Путь великаго (по другимъ: для взрослыхъ) ученія заключается въ проявленіи свѣтлыхъ доблестей, въ любви (по другимъ: въ обновленіи) народа, въ доведеніи до высочайшаго совершенства. Когда будешь знать куда вести, то будешь твердо дѣйствовать; когда будешь твердо дѣйствовать, то будешь не возмущаемъ, спокоенъ, будешь умѣть разсуждать, — и тогда достигнешь своей цѣли Древніе, желая проявить свои доблести во вселенной, напередъ устроили свое царство; для этого устроивали свой домъ, исправляли свои сердца, для этого приводили въ чистоту свои мысли, и въ послѣднемъ случаѣ, стремились къ возможнѣйшему познанію, которое заключается въ познаніи вещей.... Начиная отъ государя до простолюдина, всѣ находили основаніе въ украшеніи своего тѣла». Далѣе разбираются приведенные здѣсь вопросы, приводятся въ подтвержденіе тексты Шу-цзина и Ши-цзина. Но когда дѣло дошло до объясненія, какимъ образомъ пріобрѣтается и въ чемъ заключается высочайшее знаніе вещей или тварей, текстъ прерывается. Но какъ же бы онъ пропалъ, еслибы былъ написанъ? Вѣдь онъ важнѣе всего говореннаго въ этой книжкѣ? Но новая философія не затруднилась пополнить недостаточный текстъ: «По моему мнѣнію», говоритъ Чжу-си, — «если человѣкъ долго и долго занимается изученіемъ предметовъ, то въ одно прекрасное утро, вдругъ ему дѣлается откровеніе, и все для него становится ясно: всѣ свойства вещей, все сокровенное постигается, и душа дѣлается въ отношеніи всего совершенно разумною!» Но такія вещи могла сказать, какъ увидимъ, только новая философія; старые конфуціанцы, конечно, были далеки отъ допущенія откровенія

Что Ли-цзи было собраніемъ всѣхъ ученическихъ опытовъ, это видно уже изъ того, что оно состояло сначала изъ 131 статьи, а потомъ число ихъ, постепенно сокращаясь, дошло до 49. Но мы думаемъ, что тутъ не было сокращенія, а статьи просто выбрасывались, какъ уже черезъ-чуръ плохія. Конфуціанцамъ показалось стыдно за нихъ, какъ стыдно было за Цзя-юй, который они исключили изъ классическихъ книгъ.

[1]) У даосовъ. дао кэ дао фей чанъ дао — путь. что путь не путь.

шеніи къ тому, чего не видитъ, боится того, чего не слышитъ: нѣтъ ничего яснѣе скрытаго, виднѣе самаго малѣйшаго; поэтому, благородный мужъ остороженъ въ своемъ уединеніи.

„Когда еще не проявились радость и гнѣвъ, печаль и веселіе — это называется *срединою*; когда же хотя и проявятся, но еще всѣ будутъ въ среднихъ размѣрахъ (должныхъ границахъ), то это называется согласіемъ (гармоніей). Средина есть главное основаніе вселенной; согласіе—открытый путь ея. Когда достигнуты средина и согласіе, небо и земля на своемъ мѣстѣ,—всѣ твари возрастаютъ.

„Путь благороднаго ясенъ и сокровсненъ; глупые мужчина и женщина—и тѣ могутъ знать его (примѣрно); что же касается до познанія его въ высшей степени, то хотя бы и святой мужъ—и тому встрѣтится еще нѣчто, чего онъ не знаетъ. Развратные мужчина и женщина—и тѣ могутъ по немъ слѣдовать; что же касается до высшей степени, то и святому мужу можетъ представиться невозможность. Небо и земля такъ велики, что человѣку можно даже досадовать; потому, когда благородный говоритъ о великомъ, вселенная не можетъ вмѣстить, говоритъ о маломъ, вселенная не можетъ разрушить. Путь благороднаго начинается съ (обязанностей) мужа и жены, но въ высшемъ развитіи проявляется въ небѣ и землѣ.

„Конфуцій сказалъ: „Путь не далекъ отъ человѣка; но если человѣкъ, при исполненіи пути, отдалитъ людей, это не путь. Честность и снисходительность не далеки отъ пути, чего не желаешь себѣ, не прилагай и къ другимъ“ [1]).

„Благородный мужъ дѣйствуетъ сообразно съ своимъ положеніемъ, не стремясь изъ него выйдти; если онъ богатъ и знатенъ, то и дѣйствуетъ въ богатствѣ и знатности; если онъ бѣденъ и незнатенъ, то и дѣйствуетъ, какъ бѣдный и незнатный; если онъ иностранецъ, то и дѣйствуетъ, какъ иностранецъ; если онъ находится въ затрудненіи и безпокойствѣ, то и дѣйствуетъ въ нихъ, — нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ не нашелся. Находясь въ высшемъ званіи, онъ не притѣсняетъ низшихъ, въ низшемъ состояніи—не гонится за высшимъ; когда, держа себя въ прямотѣ, не требуешь ничего отъ людей, то не можетъ быть и ропота: вверху не ропщешь на небо, внизу не винишь другихъ. Потому: благородный живетъ легко (по толкованію,

---

[1]) Въ приведенныхъ выше изрѣченіяхъ изъ Лунь-юй'я, мы помѣстили также эту фразу. Ясно, что Чжунъ-юнъ написанъ послѣ.

ровно), дожидаясь судьбы, а низкій человѣкъ пускается въ опасности на счастье.

„Путь благороднаго сходенъ съ тѣмъ условіемъ, что для того, чтобы дойдти далеко, непремѣнно начинаешь съ близкаго, — чтобы взойдти на высоту, начинаютъ снизу. Конфуцій сказалъ: „Велики достоинства духовъ! Ищешь глазами и не видишь, слушаешь и не слышишь: тѣло вещи и не можетъ оставаться (отброситься)! Они заставляютъ людей поститься, надѣвать великолѣпное одѣяніе для принесенія имъ жертвъ, наполняютъ собою все, какъ будто находятся вверху, справа и слѣва".

„....Великія достоинства непремѣнно добьются своего мѣста, получатъ свое жалованье, свою славу, свое долголѣтіе; потому небо, сотворивъ твари по ихъ способности, довершаетъ ихъ, стоящее возвращая, падающее опрокидывая.... Итакъ, обладающій великими достоинствами непремѣнно принимаетъ повелѣніе (неба сдѣлаться царемъ)....

„Изъ чистоты (чэнъ) [1]) проявившееся называется природой, изъ яснаго (вышедшую) чистоту называютъ ученіемъ; что̀ чисто — то ясно, что̀ ясно — то чисто.

„Только самый чистый во вселенной можетъ вполнѣ исполнить свою природу; — если можетъ исполнить свою природу, то можетъ исполнить и природу людей; если можетъ исполнить природу людей, то можетъ исполнить и природу тварей; если можетъ исполнить природу тварей, то можетъ помогать небу и землѣ въ ихъ просвѣтительномъ и поддерживающемъ вліяніи; если можетъ помогать небу и землѣ въ просвѣщеніи и питаніи, то можетъ стать на ряду съ небомъ и землею.

„Тотъ, кто нѣсколько второстепеннѣе, можетъ достигнуть чистоты съ изворотами; тогда она принимаетъ форму, форма предполагаетъ проявленіе, проявленіе—свѣтъ (минъ), свѣтъ—движеніе, движеніе—измѣненіе, измѣненіе — просвѣщеніе; только самый чистый во вселенной можетъ просвѣщать.

„Путь (правленіе?) самаго чистаго (человѣка) можно знать наперед̀ъ. Когда государству предстоитъ возвыситься, то непремѣнно являются благопріятныя предзнаменованія; когда династіи (приходится) погибнуть, непремѣнно бываютъ странныя навожденія: это

---

[1]) Слово *чэнъ* можно переводить еще и истиной, и искренностію, но потому, что далѣе у другихъ философовъ той же системы оно ближе къ значенію чистоты, мы удерживаемъ и здѣсь это слово.

обнаруживается по гадательнымъ палочкамъ и по черепахѣ, въ движеніи четырехъ членовъ тѣла. Когда наступитъ счастію или бѣдѣ, то и хорошее напередъ узнаешь, и дурное напередъ узнаешь. Поэтому, самый чистый подобенъ духу.

„Чистота есть собственное совершеніе, а путь—собственное хожденіе. Чистота есть начало и конецъ тварей; безъ истины нѣтъ тварей; вотъ почему благородный считаетъ истину дороже всего. Истина не только совершаетъ себя, но совершаетъ и твари; усовершенствующее себя есть человѣколюбіе, усовершенствующее твари — разумъ (знаніе), достоинства природы, путь, согласующій внутреннее и внѣшнее. Поэтому соотвѣтствующее зависитъ отъ времени.

„Потому высочайшая чистота не имѣетъ остановки, слѣдовательно, продолжительна, слѣдовательно, проявляется; если проявляется, то длинна и далека; если длинна и далека, то весьма толста, если весьма толста то высоко свѣтла! Толста для поддержанія тварей, высоко свѣтла для покрытія ихъ, длинна и далека для совершенія тварей. По толстотѣ сопоставляется землѣ, по высокой свѣтлости небу; длинное и долгое не имѣетъ границъ. Такимъ образомъ, невидимо и проявляется, безъ движенія и измѣняется, безъ дѣйствія (у вэй — даосское выраженіе) и совершается. Путь неба и земли можно обозначить однимъ словомъ; не будучи двояки они неистощимы въ произведеніи тварей.

„Великъ путь мудраго (или святаго—шэнъ). Какъ океанъ (обширенъ онъ) въ произведеніи тварей возвышается до неба, обиленъ и великъ: триста церемоній, три тысячи обрядовъ! Когда найдется человѣкъ, онъ (путь) приходитъ въ дѣйствіе; потому и сказано: высочайшій путь не утверждается безъ высочайшихъ достоинствъ. Потому, благородный, уважая достоинства, соображается съ наукою; достигая обширнаго и великаго, проникаетъ въ тайное и сокровенное; достигши высокой свѣтлости, соображается съ срединною гармоніей; усовершенствуясь въ древнемъ (классицизмѣ), узнаетъ новое; уважая сугубое (солидность), возвышаетъ церемоніи.... Не сынъ неба не долженъ обсуждать церемоніи, опредѣлять мѣры, повѣрять письмена. Нынѣ во вселенной всѣ телеги имѣютъ одну колею (то-есть, дѣлаются по одной мѣрѣ разстоянія колесъ), книги имѣютъ одно письмо, распорядокъ одинъ [1]).

[1]) Какъ могло это относиться ко временамъ Цзы-сы, близкимъ къ Конфуціевымъ? Очевидно, настоящая статья могла быть составлена только послѣ соединенія Китая при Ханьской династіи.

„Для властвованія надъ вселенною есть три требованія, чтобы было мало ошибокъ: высшій, хотя бы былъ и добръ, но безъ доказательствъ (ему) не повѣрятъ; если не повѣрятъ — то народъ не послѣдуетъ; низшій, хотя бы и былъ хорошъ, но безъ уваженія (безъ высокаго положенія)—не заслужитъ довѣрія; и за нимъ народъ не послѣдуетъ. Потому, путь благороднаго основывается въ его собственномъ тѣлѣ, доказывается народомъ, повѣряется дѣйствіями трехъ царей (царей трехъ династій), если поставить его на ряду съ небомъ и землею, то онъ не окажется недостойнымъ ихъ, если сличить съ духами—не возбудитъ подозрѣнія. Сто вѣковъ дожидаются мудраго и не колеблятся! Когда, сличаясь съ духами, не возбуждаешь подозрѣнія, это значитъ знать небо; когда сто вѣковъ дожидаются мудраго безъ колебанія, это значитъ знать людей. Потому, движеніе благороднаго становится путемъ для вѣковъ, движеніе дѣйствія—закономъ, движеніе слова—образцомъ; издали обращаетъ на себя взоры, вблизи не возбуждаетъ отвращенія.

„Только обладающій высочайшею чистотою можетъ распредѣлить великіе непреложные законы, утвердить великое основаніе вселенной, онъ можетъ знать, какъ небо и земля образовываютъ и питаютъ, и какая можетъ быть опора. Сильно его человѣколюбіе, какъ бездна его бездна, обширно его небо!... Еслибы, по истинѣ, не умный и мудрый проникали въ небесныя добродѣтели, то кто могъ бы знать ихъ!“

Изъ этого извлеченія уже ясно открывается, что по Чжунъ-юну конфуціанство представляется не простою гражданскою религіей, какою мы его представляемъ по другимъ книгамъ; нѣтъ, это религія, какъ видите, болѣе религіозная, чѣмъ всѣ извѣстныя намъ религій. Припомнимъ, что какъ ни увлекся буддизмъ, онъ все же отличаетъ человѣка отъ божества; здѣсь же, напротивъ, человѣкъ представляется въ самой бренной своей оболочкѣ, болѣе обыкновеннаго буддійскаго божества наслаждающагося собственнымъ единичнымъ блаженствомъ, которому нѣтъ дѣла до міра (много ужь и то, если онъ заботится о спасеніи тварей); здѣсь человѣкъ является тѣмъ, что̀ мы называемъ Богомъ, Творцемъ. Названія Богъ въ конфуціанствѣ нѣтъ, но за то творческая сила принадлежитъ небу, землѣ и человѣку; послѣдній помогаетъ первымъ въ возращеніи и питаніи тварей, отъ его совершенства зависитъ даже то, будутъ ли небо и земля производить питаніе благотворно. Ученіе о такомъ человѣкѣ, называемомъ *святымъ* или мудрымъ — шэнъ женъ, не то ли же, чему училъ Конфуцій, говоря о высокихъ образцахъ представляемыхъ до- и полу-историческими лично-

стями, каковы: Яо, Шунь, Вэнь-ванъ и Чжоу-гунъ? Разумѣется, вслѣдъ за этимъ и самого Конфуція должно будетъ признать тѣмъ же Шэнъженъемъ, высокимъ существомъ, слова котораго не могутъ подвергаться критикѣ, а только съ благоговѣніемъ изъясняться. Такъ они и принимаются, да еще съ дополненіемъ, которое сдѣлалось отъ времени очень длиннымъ. Это дополненіе составляютъ всѣ знаменитые конфуціанскіе ученые, не исключая и тѣхъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Однакоже, было бы опрометчиво сказать, что Чжунъ-юнъ уже съ самаго начала появленія произвелъ переворотъ въ конфуціанствѣ. Много вѣковъ прошло съ его появленія, прежде чѣмъ подумали озарить имъ цѣлую систему. Конфуціанцы не знакомы въ наукѣ съ тою систематичностью, подъ которую мы стараемся, для облегченія и памяти, и понятія, подвести всякую изучаемую науку; учатся ли они своему языку — они не хотятъ знать, что на свѣтѣ есть грамматика; пишутъ ли исторію — она у нихъ не выходитъ изъ границъ лѣтописи; стараются ли составить ученое сочиненіе—они сопоставляютъ только факты, предоставляя вашему разумѣнію дѣлать выводы. Всего менѣе они философы, потому что стройной системы, вытекающей изъ метафизики или логики, они и теперь не понимаютъ, хотя, какъ увидимъ послѣ, и создали свою систему. Такъ какъ имъ учиться есть время, потому что, начиная съ дѣтства до старости, требуется только одно изученіе классическихъ книгъ, то они и берутся за ихъ изученіе прямо, безъ всякой подготовки.

Но на все есть время. Это постоянное изученіе одного и того же предмета, продолжающееся вѣками и производящееся милліонами учащихся, должно было породить въ цѣломъ государствѣ ту же мономанію, которая проявляется и въ недѣлимыхъ, занятыхъ постоянно одною и тою же мыслію. Правда, классическія книги конфуціанства и довольно обширны, и довольно человѣчны, то-есть, гражданственны, для того, чтобы свести скоро съ ума; но въ отношеніи времени и количества учащихся, и онѣ являются краткимъ изрѣченіемъ. А надобно хорошо познакомиться съ востокомъ, или положимъ, съ древнимъ человѣкомъ, закрывшимъ отъ себя фразою реальность, чтобы понять его умѣнье изъ пустой фразы вывести невообразимыя заключенія. Конфуціанцы до того заучились, что въ самыхъ простыхъ междометіяхъ: *охъ*, *ахъ* и *увы* исторіи (Шу-цзинъ), готовы видѣть цѣлую программу исторической жизни и исторической критики. Кажется, знаешь, что Европейцы умны и способны къ соображенію, углубленію въ древ-

нюю фразу; но когда посмотришь, до какого углубленія и до какихъ выводовъ фраза доводитъ восточнаго человѣка, то невольно поражаешься удивленіемъ и сознаніемъ, что нашъ человѣкъ никакъ не могъ бы прійдти къ этому, что онъ—вѣтренникъ передъ восточнымъ человѣкомъ; вѣдь и самыя сумасбродныя идеи мистическаго буддизма вытекли также изъ наивно и невинно пущенныхъ фразъ. Точно также Китайцамъ, сначала изучавшимъ конфуціанскія книги только въ ихъ буквѣ, силившимся опредѣлить подлинное значеніе каждаго темнаго іероглифа, прямой смыслъ предложенія или періода, по прошествіи извѣстнаго числа вѣковъ, когда все уже было истолковано и перетолковано, приходилось рѣшить — оставаться ли имъ конфуціанцами, какъ прозелитами, или совсѣмъ отказаться отъ этого ученія. Конфуціанство, въ настоящемъ видѣ, даетъ намъ поучительное доказательство того, что углубленіе мысли, обращенное не къ изученію всесторонникъ явленій природы и человѣка, а къ однажды написанному, помогая сначала развитію, послѣ производитъ отупѣніе. Можно сказать, что, до возрожденія наукъ въ Европѣ, Китай былъ самою образованною страною во всемъ древнемъ мірѣ. Хотя Арабы и Индійцы тоже занимались наукою, но она не могла у нихъ идти въ разрѣзъ съ ихъ вѣрованіями: коранъ долженъ былъ скоро подавить свободное мышленіе, а кастовое дѣленіе всегда являлось врагомъ истиннаго просвѣщенія въ Индіи. Въ Китаѣ, напротивъ того, сама наука и составляла религію, ей одной отдавалось предпочтеніе въ гражданской жизни; но такое изученіе, разъ утвердившись, превращается въ законъ, то-есть, нетерпимость противорѣчія, въ своего рода фанатизмъ. Къ этому какъ разъ присоединяется и другое заключеніе: конфуціанцы съ перваго взгляда являются атеистами, они не хотятъ допускать никакихъ предразсудковъ, ни во что̀ не вѣрятъ, не хотятъ допускать ничего, чего не знаютъ и чего не видятъ. И однакоже, можетъ ли допустить человѣческое сердце такое холодное, убивающее духъ существованіе? Эти же самые конфуціанцы, представители, то-есть, какъ бы жрецы своей религіи, должны были искать на сторонѣ опоры своему духовному существованію; вотъ почему прежде буддизмъ и даосизмъ и могли у нихъ найдти такой легкій доступъ, какъ теперь находятъ магометанство и христіанство. Этой-то бѣдѣ, наконецъ, и рѣшились помочь конфуціанцы. Они создали наконецъ, религію. Но это превращеніе ученія въ религію сдѣлалось причиною застоя и паденія Китая....

Мы сказали выше, что Китайцамъ предстояло два пути—или отка-

заться отъ конфуціанства, то-есть, не признавать въ немъ ничего догматическаго, или примкнуть къ нему со всѣмъ жаромъ сердца. Дѣйствительно, мы видимъ въ исторіи Китая продолжительное колебаніе и борьбу между этими двумя направленіями; въ то время, какъ только зарождалось еще новое ученіе, проявилась въ Китаѣ и попытка удариться въ противоположную сторону. Во второй половинѣ IX столѣтія въ Китаѣ является нѣкто Ванъ-ань-ши, который рѣшился произвести реформу, хотя и долженъ былъ прикрываться также истолкованіемъ классическихъ книгъ, что̀ и погубило его систему. Тогда какъ другіе взваливали обыкновенно на государя самую вину естественныхъ бѣдствій, онъ осмѣливается сказать, что такія бѣдствія суть естественное явленіе, не зависящее ни отъ добродѣтелей, ни отъ беззаконій; онъ требуетъ только, чтобы государь былъ просвѣщенъ, не вдавался въ формалистику, старался найдти съ этою цѣлію самую легкую, несложную форму правленія, которая и должна заключаться въ измѣненіи обычаевъ и удовлетвореніи насущныхъ потребностей. Уже и въ самыхъ классическихъ книгахъ пропущено много политико-экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ: чтобы производство шло быстро, а потребленіе медленно,—вотъ въ чемъ состоитъ классическая экономія; чтобы человѣкъ могъ на старости лѣтъ одѣваться въ теплый кафтанъ, съѣдать кусокъ мяса, необходимый для подкрѣпленія дряхлѣющихъ силъ,—вотъ къ чему стремится конфуціанскій соціализмъ. Ванъ-ань-ши обратилъ вниманіе на увеличеніе государственныхъ доходовъ, измѣнилъ систему податей, ввелъ кадастръ, расширилъ внутреннюю торговлю, хотя цѣль его была господствовать надъ нею отъ имени правительства; онъ открылъ по всей имперіи небывалый дотолѣ кредитъ, съ цѣлію освободить народъ отъ монополистовъ, ввелъ всеобщую воинскую повинность, переложилъ натуральные повинности на деньги. Очень не мудрено, что въ его нововведеніяхъ были дѣйствительно ошибки, вредныя для народа, какъ укоряютъ его и до сихъ поръ Китайцы; новая система, конечно, требовала опытныхъ и честныхъ чиновниковъ, а гдѣ ихъ было взять? Притомъ, неизбѣжныя на первыхъ порахъ ошибки, конечно, могли бы уладиться въ послѣдствіи: ни одно государство не устроивается же во всѣхъ отношеніяхъ совершенно. Мы имѣемъ всѣ поводы предполагать, что если бы Китай пошелъ этимъ путемъ, онъ дѣйствительно могъ бы дойдти до величайшаго благоденствія и силы; и кто знаетъ, пришлось ли бы Европѣ заботиться объ его просвѣщеніи! Мы знаемъ, что въ Китаѣ въ то время уже открыто было книгопечатаніе, изобрѣтенъ былъ порохъ,—два орудія

политической и гражданской силы; учрежденіе банковъ было прелюдіей къ употребленію ассигнацій, которыхъ достоинство до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣнено и на западѣ; наконецъ, поощреніе внутренней торговли скоро отозвалось бы и на внѣшней, противъ которой всегда возставали старые конфуціанцы, потому что они инстинктивно чувствовали подрывъ своего авторитета отъ соприкосновенія съ иностранцами.

Но, Боже мой, какъ возстали противъ такой попытки рутинеры и педанты! — а ихъ теперь уже были легіоны; если уже при знаменитомъ Циньши-Хуанди конфуціанцы осмѣлились, не имѣя никакой силы въ администраціи, бороться съ сильнымъ и деспотическимъ правительствомъ и способствовали его паденію, то теперь они не только занимали всѣ должности, но школы ихъ разсѣяны были по селамъ и городамъ всей имперіи. И какъ имъ было не бороться, когда имъ предстояло снова переучиваться, или лишиться правъ на почести и богатства? Понятно, что протесты слѣдовали за протестами, волненіе распространилось на народъ, который всегда и всюду смотритъ недовѣрчиво на нововведенія. Составились партіи. И что же? Въ той партіи, которая, однакоже, была преслѣдуема, и члены которой нынѣ считаются мучениками, были дѣйствительно знаменитые ученые, какъ напримѣръ, Сы-ма-гуанъ. Тутъ, какъ-бы нарочно, самая борьба заставила старыхъ приверженцевъ напрегать свои усилія. Точно также, въ недавнее время, протестовавшій противъ введенія въ Китаѣ европейскихъ наукъ министръ Гуанъ-вэнь извѣстенъ многими учеными трудами, и между прочимъ, изданіемъ небывалаго, по полнотѣ своей, атласа Китайской имперіи. Новая система пользовалась, однакоже, покровительствомъ блыней части императоровъ и борьба продолжалась полтораста лѣтъ; какъ въ началѣ XII вѣка выставлены были къ позорному столбу имена Сы-ма-гуана и 120 его приверженцевъ, такъ и въ началѣ XIII столѣтія составленъ былъ списокъ пятидесяти педантовъ, которыхъ не велѣно было принимать на службу. Но въ послѣднемъ спискѣ были помѣщены уже не лица, раздѣлявшія простые взгляды гражданскаго конфуціанства, а приверженцы новаго ученія, выросшаго именно въ продолженіе этой борьбы. Какъ ни ударилось оно въ противоположную сторону, чѣмъ стремленія Ванъ-ань-ши, еслибъ это случилось въ другое время, такъ оно, можетъ-быть, и не нашло бы приверженцевъ, заглохло бы на первыхъ порахъ своего проявленія, осмѣянное и презираемое. Но теперь старые конфуціанцы рады были пристать къ кому угодно, чтобы только не соглашаться

съ нововводителями. При этомъ, какъ на бѣду для реформаторовъ и въ пользу новаго ученія, случились важные перевороты въ судьбахъ исторической жизни Китая. Пока еще устроивалась система Ванъ-ань-ши, Китай подвергся нападенію Чжурженей, предковъ нынѣшнихъ Маньчжуровъ; они взяли въ плѣнъ двухъ императоровъ, завладѣли цѣлою половиною Китая. Это должно было сильно скомпрометировать реформы, обѣщавшія Китаю дѣйствительное первенство въ мірѣ. Когда явилось новое ученіе, и пріобрѣтши извѣстность, стало преслѣдоваться на югѣ, на сѣверѣ возникло царство Чингисхана, потомки котораго уже завоевали весь Китай. Какъ угодно, а невольно должно было родиться суевѣріе, что начатое Ванъ-ань-ши преслѣдованіе новаго ученія возбудили гнѣвъ неба. Но при этомъ мы должны замѣтить еще одно обстоятельство: Богъ знаетъ, утвердилось ли бы еще прочно новое ученіе, если бы на помощь къ нему не подоспѣло владычество Монголовъ; удержалось ли бы оно до нынѣ, если бы китайскою націей, вотъ уже 228 лѣтъ, не правили Маньчжуры. Какъ Монголы, такъ и Маньчжуры были дикари, не имѣвшіе никакого образованія, отличавшіеся одною грубою силою. Котда они, познакомившись съ близкимъ къ нимъ китайскимъ образованіемъ, захотѣли и сами почерпнуть чашечкой изъ бассейна этого блага, то имъ, не знакомымъ ни съ критикою, ни съ наукою, непремѣнно должна была броситься въ глаза такая религія, которая для нихъ болѣе доступна, то-есть, не та, которая говоритъ о существенномъ, о дѣлѣ, а выражается высокопарно и трактуетъ объ отвлеченныхъ предметахъ. На дикаря всегда подѣйствуютъ сильнѣе фразы; ламы въ Монголіи до нынѣ отличаются высокопарною рѣчью. И въ другихъ странахъ реформы тоже начались съ наружнаго лоска и того безполезнаго труда, который доступенъ одной аристократіи.

Что же это такое за новая религія? Это то же конфуціанство, приведенное только въ систему, снабженное метафизическими аргументами, выведенными изъ тѣхъ же классическихъ книгъ, хотя бы то были вышепоказанные И-цзинъ и Чжунъ-юнъ. Эта потребность системы, это обобщеніе въ метафизическихъ началахъ, сознаны были несомнѣнно потому только, что передъ Китайцами былъ примѣръ буддизма и даосизма. Эта связь съ двумя посторонними религіями доказывается сочиненіямъ Чжанъ-цзы [1]), одного изъ первыхъ основателей

[1]) Чжанъ-цзы, современникъ Ванъ-ань-ши и Сы-ма-гуана, занимался сначала изученіемъ военныхъ книгъ, потомъ, не удовлетворившись Чжунъ-юн'омъ, предался

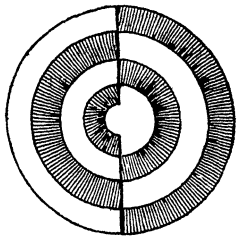
новаго конфуціанства, подъ заглавіемъ Чжэнъ-мэнъ (истинное откровеніе), принятымъ въ число каноническихъ книгъ новаго ученія. Чжанъ-цзы называетъ путь природы великою гармоніей; это есть начало растяженія и сжиманія, превосходства и подчиненія; оно есть сокровенно и прочно, оно *гань* и *кунь* [1]), въ разсѣянномъ состояніи называется воздухомъ, въ чистотѣ и безъ образа есть духъ. Но въ то же время, свойство или природу неба и земли онъ называетъ великою пустотою—терминомъ чисто буддійскимъ, и выражается языкомъ, заимствованнымъ изъ этой религіи. По его словамъ, великая пустота, не имѣющая формы, есть подлинное тѣло воздуха; ея проявленія, представляющіяся въ видѣ собранія или разсѣянія, суть не болѣе, какъ мгновенныя отраженія магическихъ превращеній: она пребываетъ въ высочайшемъ спокойствіи, ее ничто не тревожитъ, она есть сокровенный источникъ природы; самое познаніе есть ничто иное, какъ мгновенное отраженіе взаимнаго сообщенія вещей; и всѣ эти мгновенныя отраженія и мгновенныя формы, вмѣстѣ съ неотразимостію и безформенностію, составляютъ одну только абсолютную природу. Но разумѣется, Чжанъ-цзы хочетъ отличить свою пустоту отъ буддійской и даосской. Онъ говоритъ: „Когда знаешь, что пустота есть воздухъ, то существованіе и несуществованіе, скрытное и проявляющееся, будутъ одно, не двоякое. Если разсматривая собирающееся и разсѣевающееся, вхожденіе и выхожденіе (фразы чисто буддійскія), форму и безформенность, можешь дойдти до постиженія, откуда все это происходитъ, то будешь глубокъ въ познаніи И-цзина. Если скажешь, что пустота можетъ родить воздухъ, то такъ какъ пустота не истощима, а воздухъ имѣетъ границы, или другими словами, матеріалъ и потребленіе чрезвычайно различны,—то этимъ впадаешь во мнѣнія даосизма, въ которомъ говорится, что существующее рождается изъ не существующаго, и не признается, что существующее и не существующее смѣшиваются въ одномъ вѣчномъ. Если же сказать, что всѣ формы суть

изученію буддійскихъ и даосскихъ книгъ; но найдя и ихъ ничтожными, обратился снова къ конфуціанству, получилъ степень доктора, достигъ службы при дворѣ, но боясь Ванъ-ань-ши, удалился въ горы, въ которыхъ предался изученію и преподаванію. Онъ внушалъ, что разумъ и церемоніи совершенствуютъ природу человѣка и суть средства измѣнить характеръ и духъ. Онъ сталъ требовать, чтобы трауръ и жертвы предкамъ исполнялись съ тою же строгостію, какъ въ древности. Уча объ уваженіи къ церемоніямъ и добродѣтели, онъ почерпалъ свои доводы въ изрѣченіяхъ И-цзина въ соединеніи его съ Чжунъ-юн'омъ.

[1]) Это названіе первыхъ формулъ въ И-цзинѣ, гань прообразуетъ небо, кунь землю.

предметы, видимые внутри пустоты, въ такомъ случаѣ предметъ и пустота не касаются другъ друга: форма существуетъ сама по себѣ, природа сама по себѣ. Такое понятіе, что форма и природа, небо и человѣкъ другъ другу не вспомоществуютъ, принадлежитъ буддизму, который говоритъ, что понятіе о горахъ, рѣкахъ и прочемъ есть болѣзненное проявленіе".

Но названіе великой пустоты не удержалось, однакоже, въ конфуціанствѣ; еще нѣсколько ранѣе Чжанъ-цзы, въ такомъ же отвлеченномъ духѣ, началъ толковать Чжоу-цзы [1]), котораго считаютъ самымъ первымъ изъ новыхъ философовъ. Онъ взялъ въ основаніе одинъ только И-цзинъ и назвалъ, на основаніи его, абсолютное бытіе Тай-цзи— самымъ запредѣльнымъ. Тай-цзи есть начало всѣхъ тварей; въ немъ поглощаются двѣ противоположныя силы: Инь и Янъ, два первыя проявленія, дѣйствующія въ мірѣ, какъ добро и зло въ другихъ ученіяхъ; эти силы, представляя собою въ сложности Тай-цзи, раздѣлили ее въ мірѣ на части, наблюдая ея равновѣсіе, такъ что тамъ, гдѣ въ субъектѣ не достаетъ нѣсколькихъ частей силы Янъ, другая сила замѣняетъ этотъ недостатокъ. Изъ этихъ двухъ силъ рождаются пять стихій: вода, дерево, металлъ, огонь и земля, отъ которыхъ рождается вся вселенная. Съ другой стороны, сила Янъ, идя путемъ гань, производитъ мужчинъ, а Инь, идя дорогою кунь,—женщинъ. Чжоу-цзы выразилъ эти понятія фигурою, напоминающею формулы И-цзина:



Когда, говоритъ онъ, Тай-цзи приходитъ въ движеніе, то рождается сила Янъ, когда же движеніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ (цзи), тогда начинается покой, и въ покоѣ рождается Инь; когда же покой достигнетъ крайности, то снова начинается движеніе; такимъ образомъ, движеніе и покой служатъ другъ другу основаніемъ. Отъ превращеній Янъ и Инь рождаются на землѣ пять стихій, получив-

[1]) Чжоу-цзы служилъ во времена И-ра Инъ-цзуна (1064—1068 гг.), но по болѣзни вышелъ въ отставку.

шимъ каждая свою особенную природу, на небѣ пять воздуховъ, и приходятъ въ движеніе времена года. Пять стихій есть одно Инь-Янъ, вмѣстѣ взятые; Инь-Янъ суть одно Тай-цзи, которое само въ себѣ есть безконечное У-цзи [2]).

Другой философъ Шао-цзы [1]) также изучалъ только И-цзинъ, и будто по идеямъ древнѣйшаго Фу-си, открылъ, что въ восьми гуа (формулахъ И-цзина) надобно видѣть не небо, землю, громъ, вѣтеръ, воду, огонь, горы, озера, но солнце, луну, звѣзды, планеты, воду, огонь, землю, камень. Эти восемь предметовъ составляютъ тѣло неба и земли; отъ нихъ происходятъ холодъ и теплота, день и ночь, дождь и вѣтеръ, громъ и роса, проявленія внутреннія и измѣненія формъ, движеніе и покой въ животныхъ и растеніяхъ. Отсюда получаютъ начало болѣе или менѣе утонченные или огрубѣлые элементы человѣческаго тѣла, каковы: духъ, душа, кровь, кости, мясо, впечатлѣнія органовъ; отсюда же выводятся извѣстные періоды міроваго движенія. Этотъ Шао-цзы не прочь, кажется, отъ знакомства съ буддійскими д'арани, потому что онъ пытается звуками человѣческаго слова объяснить всѣ превращенія вселенной. У него же мы находимъ какъ-бы развитіе ученія Чжоу-цзы о Тай-цзи.

„Небо рождается отъ движенія, земля отъ покоя; въ движеніи и покоѣ заключается весь путь неба и земли; при началѣ движенія рождается Янъ, при достиженіи же имъ крайнихъ предѣловъ — Инь; въ Инь и Янъ выполняется все назначеніе неба. При началѣ покоя является *мягкость*, когда же дойдетъ до крайнихъ предѣловъ—*твердость*; въ мягкости и твердости выполняется все назначеніе земли!“

Такъ какъ, такимъ образомъ, бываетъ большое и малое движеніе и большой и малый покой, то вмѣстѣ съ этими четырьмя образами жизнь вселенной представляется въ слѣдующей формулѣ:

Движеніе				Покой			
Янъ		Инь		Твердость		Мягкость	
Большой Янъ	Большой Инь	Малый Янъ	Малый Инь	Малая твердость	Малая мягкость	Большая твердость	Большая мягкость

[1]) Въ послѣдствіи Лу-цзю-шань, о которомъ будетъ говорено ниже, отвергнулъ принятіе У-цзи, доказывая, что эта теорія заимствована изъ Лао-цзы, и что У-цзи не можетъ быть Тай-цзи, потому что если Цзи есть середина, то слово, значащее «нѣтъ», отрицаетъ ее.

[2]) Шао-цзы (умеръ 1078 г.), современникъ Сы-ма-гуан'а, по преданію, много странствовалъ по Китаю, потомъ поселился въ Хэнани, и говорятъ, пользовался такимъ уваженіемъ отъ согражданъ, что тѣ, для принятія его у себя, строили дома, похожіе на его домъ.

Тай-цзи, хотя и впереди неба и земли, но не прежде; она проявилась вмѣстѣ съ небомъ и землей и всѣмъ твореніемъ, а ни въ какомъ случаѣ ни прежде, ни послѣ, ни въ началѣ, ни въ концѣ ихъ. Какъ скоро стала существовать Тай-цзи, то стали существовать и двѣ формы (Инь и Янъ), четыре образа и восемь гуа,—небо, земля и всѣ твари готовы.... Какъ скоро есть одинъ, то ужь есть и два, и три, и безчисленное количество; время существуетъ также съ древности донынѣ безъ прекращенія.

Таковы метафизическія понятія конфуціанства. Отъ нихъ оно, естественно, переходитъ къ отношеніямъ человѣка къ природѣ, къ значенію нравственному.

„Во всѣхъ тваряхъ", продолжаетъ тотъ же Шао-цзы,—„есть нѣчто полученное ими, что́ называется *судьбой* и есть основное, называемое *природою*; господствующее надъ ними (надъ судьбой и природою) называется *небомъ*; что они всѣ рождаются — это есть ихъ *сердце*. Сущность всего этого одна. Древніе святые мужи, проникая законы, постигая сущность природы, дошли до понятія о судьбѣ, чрезъ познаніе природы узнали небо и служили ему, воспитывая свою природу, наблюдая надъ своимъ сердцемъ".

Не приводя темноватыхъ выраженій Чжоу-цзы, мы скажемъ только, что, по его мнѣнію, человѣкъ есть чистѣйшее твореніе вселенной, проявившейся изъ пяти стихій. Онъ есть какъ-бы міръ въ мірѣ, то-есть, природа его соотвѣтствуетъ своею чистотою Тай-цзи, сердце силамъ—Инь и Янъ, пять непреложныхъ нравственныхъ качествъ (любовь, истина, церемоніи, мудрость и вѣрность) — пяти стихіямъ; отъ столкновенія внутренняго міра съ внѣшнею природою рождаются дѣйствія, столь же многообразныя, какъ разнообразны и творенія внѣшней природы. Кто сохранилъ всю природу въ чистотѣ, то-есть, какъ она вышла изъ созданія, есть святой мужъ (Шэнъ-жень), и все отожествляетъ его съ цѣлымъ міромъ—небомъ, свѣтилами, землей и т. д. Это уже не то старое конфуціанское ученіе, которое требуетъ отъ всякаго человѣка ученія; тутъ уже предполагается, что и безъ ученія бываютъ люди вполнѣ совершенные. Святымъ, говоритъ Чжоу-цзы, называется тотъ, кто получаетъ отъ природы все то, чему другой долженъ учиться. Вслѣдствіе этого, за основаніе для пяти перечисляемыхъ выше непреложныхъ качествъ, Чжоу-цзы и всѣ конфуціанцы приняли упоминаемую въ Чжунъ-юн'ѣ истину или чистоту (чэнъ). „Чистота есть основаніе святаго мужа; чистѣйшее и не запятнанное есть самое высшее добро; святой мужъ весь въ чис-

тотѣ... Она есть основаніе пяти непреложныхъ, источникъ всѣхъ видовъ дѣйствія; когда она еще не подвижна, то бываетъ самая прямая, въ движеніи и проявленіи ясна и проницательна. Пять непреложныхъ безъ чистоты будутъ омрачены и неразвиты. Чистота есть бездѣйствіе (это — мнѣніе даосское), она есть молчаніе и неподвижность.

„Двигаться, и притомъ прямо, называется путемъ; путь святаго мужа стоитъ посреди человѣколюбія и чистоты, онъ охраняетъ, какъ драгоцѣнность, дарованныя небомъ доблести, всѣ его дѣйствія приносятъ пользу, онъ сопоставляется небу и землѣ Какъ все это легко и не многосложно, какъ не трудно все это знать!

„Природа мягка и тверда; внутри этого-то и заключается добро и зло; если твердое хорошо, то отсюда происходятъ: правда, прямота, рѣшительность, строгость, твердость; въ противномъ случаѣ— жестокость, насиліе. Мягкое, направленное въ хорошую сторону, производитъ милосердіе, покорность; въ дурную—трусость, нерѣшительность, увертливость.

„Потому, средина есть гармонія, законъ; это большая дорога вселенной, главное дѣло святаго мужа. Святой мужъ устанавливаетъ ученіе, чтобы люди исправляли свои дурныя свойства и доводили себя до средины; прежде прозрѣвшій вразумляетъ послѣ прозрѣвающаго, слѣпотствующій стремится къ свѣту, — въ этомъ заключается путь учителя. Потому-то и отвѣчается на вопросъ, „что̀ такое добро въ мірѣ? —учитель“. Когда утвержденъ путь учителя, то добрыхъ людей много; когда же добрыхъ людей много, то правленіе правильно, и вселенная устроена.

„Несчастіе для человѣка состоитъ въ томъ, что онъ не видитъ своихъ проступковъ, и самое высшее зло есть то, что онъ не стыдится; того, кто знаетъ стыдъ, можно учить; кто слышитъ проступки, тотъ можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ“.

Чжанъ-цзы, о которомъ мы уже говорили, выражается слѣдующимъ образомъ объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ:

„Человѣкъ и твари всѣ рождены между небомъ и землею силами *Гань*—отца и *Кунь*—матери; на тѣло ихъ потребно было содѣйствіе неба и земли; но человѣкъ получилъ большее совершенство формы и воздуха, отчего его сердце и есть самое духовное.... Между всѣми рожденными сходные всего дороже; потому на людей должно смотрѣть, какъ на братьевъ, а на вещи, какъ на пособіе.... Но хотя и всѣ люди суть дѣти неба и земли, но только государь есть прямой про-

должатель и владѣтель законовъ этихъ общихъ родителей; потому онъ есть главный сынъ нашихъ родителей, а чиновники суть его домоправители. Всякій, кто уважаетъ старшихъ въ мірѣ, оказываетъ тѣмъ почтеніе и моимъ старцамъ".

Чэнъ-цзы, который первый далъ извѣстность новой философіи. отзывается о сочиненіи Чжанъ-цзы. Си минъ (западная надпись), въ которомъ помѣщены такія идеи, какъ о такой книгѣ, какой не было написано со временъ Циньской и Ханьской династій, то-есть, со II вѣка до Р. Х.

У Шао-цзы мы находимъ слѣдующіе отзывы о томъ же предметѣ:

„Человѣкъ одушевленнѣе всѣхъ тварей, потому что его зрѣніе воспринимаетъ форму всѣхъ тварей, ухо слышитъ звуки всѣхъ предметовъ, и т д.... Потому человѣкъ есть верхъ творенія, а *святой* есть верхъ человѣка—человѣкъ между людьми (!) ... онъ (то-есть, святой) можетъ однимъ (своимъ) сердцемъ созерцать всѣ сердца, посредствомъ своего тѣла прозирать всѣ тѣла, въ одной твари видѣть всѣхъ тварей, въ одномъ вѣкѣ—всѣ вѣка; онъ можетъ сердцемъ замѣнить небесную мысль, своимъ ртомъ говорить вмѣсто неба, своею рукою поднять трудъ неба (!!),—можетъ знать, какъ небесное время, такъ и постигать законы земли, проникать въ свойства вещей, освѣщать человѣческія дѣйствія.... Хотя мы и не встрѣтились со святыми, но вникая въ ихъ мысли, изслѣдуя ихъ слѣды, ощупывая ихъ тѣло (?!), вникая въ ихъ назначеніе, хотя бы прошли и милліоны лѣтъ, все-таки можемъ ихъ узнать..

„Путь есть основаніе неба и земли, а небо и земля суть основаніе всѣхъ тварей; если всѣхъ тварей разсматривать въ отношеніи неба и земли, то онѣ останутся тварями, но и небо, и земля, въ отношеніи пути, суть также твари..

„Путь пути выразился весь въ небѣ, путь неба—въ землѣ . а путь неба, земли и всѣхъ тварей—въ человѣкѣ. Небо, заключая въ себѣ всѣ твари, имѣетъ четыре сокровищницы: весну, лѣто, осень и зиму; въ нихъ возвышаются и понижаются силы Инь и Янъ. Святой мужъ, заключая въ себѣ весь народъ, имѣетъ четыре клада: И-цзинъ, Шу-цзинъ, Ши-цзинъ и Чунь-цю, одушевляемые церемоніями". Въ отношеніи церемоній, заслуга Конфуція (редактировавшаго всѣ эти книги) такова, что Мэнъ-цзы сказалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, еще не бывало подобнаго Конфуцію!"

О, да это уже не тотъ языкъ, которымъ говорилъ Конфуцій, до памятникамъ, сохраненнымъ въ Лунь-юй'ѣ, и здѣсь говорится уже

не о томъ, о чемъ любилъ разсуждать этотъ философъ Новое конфуціанство, не создавъ бога, но принявъ вмѣсто него Тай-цзи и небо, замѣнило его, какъ видимъ, святымъ, и помѣстило въ своемъ календарѣ не мало такихъ святыхъ — Яо, Шунь, Вэнь-ванъ, Чжоу-гунъ, Кунъ-цзы, Мэнь-цзы. Но за то эти святые, будучи людьми, позначительнѣе иныхъ боговъ Но и этого мало: по примѣру буддизма, который требуетъ не только рукоположенія, но и передачи священныхъ писаній, для сохраненія преемственности духовнаго начала, и конфуціанцы учатъ теперь, что ихъ ученіе передается непрерывно (?), что оно не явилось съ Конфуціемъ, усвоившимъ себѣ духъ Яо, Шуня и Чжоу-гуна, что передача не погибла съ Мэнъ-цзы, что Чжоу-цзы, Шао-цзы и Чжанъ-цзы съ братіей и послѣдователи ихъ подхватили святой духъ древности! Вооруженные этими началами, новые отцы новой церкви стали давать ей дальнѣйшее развитіе. Чэнъ-цзы (Чэнъ-хао) къ положеннымъ въ основаніе И-цзину и Чжунъ-юн'у приплелъ другой трактатъ Ли-цзи — Да-се—ученіе для взрослыхъ; онъ сталъ утверждать, что конфуціанство послѣ Кунъ-цзы и Мэнъ-цзы находилось подъ вліяніемъ чуждыхъ вѣрованій; братъ его Чэнъ пишетъ сочиненіе о томъ, что ученіе Конфуція о святомъ пути до сихъ поръ не понимали, отыскивая этотъ путь внѣ, а не въ самомъ себѣ, что святыми родятся, а не дѣлаются чрезъ ученіе, что путь заключается не въ учености, а въ проявленіи пяти стихій внутреннихъ (то-есть, любовь, истина и проч.), составляющихъ утонченную эссенцію пяти стихій природы. Такимъ образомъ, теперь новая религія отдаетъ предпочтеніе нравственности, а не учености [1]). Чэнъ и ввелъ въ основаніе ученія все четверокнижіе (Сы-шу, то-есть, Да-се, Чжунъ-юнъ, Лунь-юй и Мэнъ-цзы). Онъ сочинилъ толкованія на И-цзинъ и Чунь-цю. Одно уже сопоставленіе этихъ двухъ книгъ различнаго характера показываетъ, что въ новое ученіе уже проникъ мистицизмъ. Дѣйствительно, Чэнъ-цзы говоритъ, что въ Чунь-цю надобно видѣть не просто исторію, но что она имѣетъ сокровенный смыслъ, что надобно имѣть особенное сердечное откровеніе, чтобы проникнуть въ ея глубокія идеи, и чрезъ это можно возстановить древнія времена. Этотъ мистицизмъ идетъ далѣе: Ло-цунъ-янь [2]) учитъ уже своего рода созерцанію духа, въ которомъ еще не проя-

[1]) Оба брата Чэнъ называются философами (цзы); они жили въ послѣдней половинѣ XI столѣтія.

[2]) Жилъ въ первой половинѣ XII столѣтія.

вились ни гнѣвъ, ни радость, ни печаль, ни наслажденіе для того, чтобы проникнуть небесные законы и разъяснить всѣ частности. Ученикъ его Ли-тунъ идетъ еще далѣе; онъ говоритъ, что ученіе не состоитъ въ многоглаголаніи, но въ молчаливомъ очищеніи сердца и тѣла, въ постиженіи небесныхъ законовъ... „Въ глубокомъ и таинственномъ обсуживаніи (созерцаніи) укрѣпляется духъ. Чжунъ-юнъ требуетъ, чтобъ его усвоили въ своемъ тѣлѣ, чтобы сердце и органы господствовали надъ чувствами (?),—и тогда все будетъ понятно.“ Наконецъ, Лу-цзю-юань [1]) толкуетъ даже, что цзи (высочайшее) ниспослано людямъ богомъ (Хуанъ Шань-ди); только оно въ однихъ чисто, а въ другихъ загрязнено, въ однихъ открыто, а въ другихъ скрыто. Онъ допускалъ также, что если на востокѣ, въ Китаѣ, могли родиться святые люди, то они могутъ родиться и на сѣверѣ, на югѣ и на западѣ. Чэнь-чунь [2]) еще болѣе отличается мистическимъ языкомъ; вотъ, напримѣръ, его опредѣленіе любви (человѣколюбія—жэнь): „Любовь есть всецѣлое тѣло творческихъ небесныхъ законовъ, не имѣющихъ ни наружности, ни внутренности, ни движенія, ни покоя, не сокрытое и не явное, не грубое и не тонкое; только чистое сердце, не имѣющее ни малѣйшаго своекорыстія, полное безпристрастія небесныхъ законовъ, заслуживаетъ такого названія“.

Рядъ знаменитостей, то-есть, писателей въ духѣ новаго ученія, не прекращается и донынѣ. Всѣ они имѣютъ притязаніе быть внесенными въ списокъ философовъ, получить посмертное титло, а главное—быть сопричисленными къ жертвоприношеніямъ, дѣлаемымъ въ честь Конфуція и его учениковъ; по большей части они этого и достигаютъ. Но между всѣми этими святыми, конечно, святѣе всѣхъ Чжу-цзы (Чжу-си [3]), имя котораго извѣстно нынѣ всякому школь-

[1]) Лу-цзю-юань жилъ во второй половинѣ XII столѣтія.

[2]) Умеръ въ 1217 году.

[3]) Не имѣя намѣренія утомлять читателя жизнеописаніями другихъ лицъ, мы, какъ образчикъ, представимъ вкратцѣ біографію этой знаменитости, чтобы дать понятіе, какъ пишутся китайскія біографіи. Чжу-си сынъ Чжу-суна, по наставленію своего отца, обратился за ученіемъ къ Лючжи-чжуну, который женилъ его на своей дочери; въ 1148 году онъ получилъ докторскую степень и посланъ былъ на службу въ городъ Тунъ-ань, въ Фу-цзяни; кромѣ службы, онъ собралъ вокругъ себя учениковъ, которымъ внушалъ правила украшенія себя и управленія другими. Когда онъ, отслуживъ срокъ, вышелъ въ отставку, то жители Тунъ-ань приносили ему, еще при его жизни, жертвы въ своемъ главномъ училищѣ. По вступленіи на престолъ Сяо-цзуна (1163 — 1191 гг.), который издалъ позволеніе говорить себѣ всякому правду, онъ представилъ двору свои

нику, потому что толкованія его на четверо-книжіе и другія классическія книги приняты за единственное руководство преподаванія во всѣхъ школахъ. Собственно говоря, Чжу-си не ввелъ ничего новаго

взгляды на тогдашнее положеніе дѣлъ, на основаніи Да-се Для того, говорилъ онъ, чтобы побѣдить непримиримыхъ враговъ Чжурчженей, съ которыми нечего и думать о заключеніи мира, надобно имѣть въ управленіи добродѣтельныхъ мужей, водворить законы нравственности, исправить нравы—и тогда государство разбогатѣетъ и войско будетъ мужественно; въ настоящее же время народъ страждетъ отъ грабежа чиновниковъ. Послѣ этого Чжу-си былъ призванъ ко двору, при которомъ, и лично, и на бумагѣ, высказывалъ свои классическія мнѣнія; но такъ какъ дворъ въ то время хотѣлъ мириться съ Чжурчженями, то Чжу-си удалился, и послѣ, не смотря на неоднократныя приглашенія, вслѣдствіе рекомендаціи многихъ, и на бѣдность, онъ постоянно уклонялся отъ службы. Только въ 1178 году, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ отъѣзда изъ Тунъ-ань, онъ согласился принять должность въ Нанъ-кань-цзюнѣ, гдѣ выказалъ свои заботы о народѣ представленіями объ уменьшеніи налоговъ и о доставленіи, черезъ пожертвованія, хлѣба во время случившагося тамъ голода. Но за докладъ государю о томъ, что имъ заправляютъ одинъ или два любимца, которые его обворовываютъ, — едва спасся отъ наказанія и назначенъ былъ управлять чайными и соляными дѣлами въ Цзянъ-си, откуда снова представилъ докладъ о томъ, отчего происходятъ физическія бѣдствія, и о томъ, какъ украшаются добродѣтелями и управляютъ людьми Когда случился голодъ въ окрестностяхъ столицы, то онъ спасъ народъ отъ смерти, собравъ немедленно припасы; его проектъ объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ былъ разосланъ по всѣмъ провинціямъ. Однакоже, за смѣлые доносы онъ, въ 1183 году, былъ разжалованъ и послѣ переведенъ въ Цзянь-си, гдѣ ему поручено было завѣдываніе уголовными дѣлами. Это дало ему поводъ снова войдти съ докладомъ, въ которомъ говорилось о неизбѣжныхъ исправленіи сердца, содѣланіи мыслей чистыми, такъ, что императоръ даже запретилъ ему писать въ этомъ родѣ. Однако, это не помѣшало ему, при первомъ же случаѣ появленія при дворѣ, представить письменный докладъ о томъ, что государь не похожъ на древняго монарха, потому что окруженъ любимцами, что всѣ чиновники испорчены, и если явится какой прямой, а не подкупной, то на него указываютъ, какъ на сектанта; что военные офицеры, обирая солдатъ, подкупаютъ во дворцѣ евнуховъ и женъ для того, чтобы тѣ рекомендовали ихъ въ главнокомандующіе, и оттого ни одинъ способный человѣкъ не соглашается преклонить голову передъ евнухами. По вступленіи на престолъ Гуанъ-цзуна (1191 — 1194 гг.), Чжу си былъ посланъ правителемъ въ Чжанъ-чжоу, въ которой уничтожилъ безгласныя подати, вывѣсилъ древнія правила, какъ хоронить и жениться, запретилъ поступать въ монашество, въ послѣдствіи онъ ввелъ тамъ кадастръ, непріятный для богатыхъ и сильныхъ. Когда инородцы Дунь-Лао произвели возмущеніе, то Чжу-си усмирилъ ихъ одними внушеніями. При Нинъ-цзун'ѣ (1195 — 1224 годахъ) Чжу-си былъ призванъ ко двору, сдѣланъ академикомъ и царскимъ преподавателемъ; въ это время онъ сдѣлалъ представленіе о возстановленіи древняго траура (три года по отцѣ), забытаго со временъ Ханьской династіи, и о мѣстахъ, которыя

въ главныя идеи Чжоу-цзы и Чжань-цзы; онъ былъ только трудолюбивымъ разработывателемъ и развивателемъ идей новаго ученія; но одна многочисленность его трудовъ уже даетъ ему право на предпочтеніе.

Мы здѣсь не будемъ разбирать этихъ трудовъ; но чтобы покончить, какъ съ конфуціанствомъ, такъ и вообще со всѣми этими утомительными мечтаніями востока, завершимъ нашъ трудъ извлеченіемъ изъ одного сочиненія Чжу-си: „Домашнія правила", такъ какъ они представляютъ намъ дѣйствительную жизнь Китайца, до сихъ поръ все еще интересующаго собою и занимающаго первое мѣсто на востокѣ.

1) *Молельня.* Благородный мужъ, прежде нежели строить для себя домъ, воздвигаетъ напередъ молельню, на востокъ отъ главнаго зданія, и въ ней ставитъ четыре алтаря для помѣщенія дощечекъ предковъ [1]); тутъ же сопоставляются и побочные родственники, не оставившіе по себѣ потомства; для полученія зеренъ, приносимыхъ въ жертву, въ этой кумирнѣ отводится особая пашня, и заготовляются жертвенные сосуды. Хозяинъ является здѣсь въ главныхъ дверяхъ каждое утро, какъ-бы въ знакъ засвидѣтельствованія почтенія. Когда онъ уходитъ изъ дому или возвращается, то также какъ бы докладываетъ о томъ предкамъ. Въ первой лунѣ, въ зимній и лѣтній повороты, 1-го и 15-го чиселъ каждой луны, онъ непремѣнно долженъ приносить жертвы, а въ обыкновенные праздники [2]) — приносить кушанья, соотвѣтствующія тому времени года. Когда случится какое-нибудь семейное происшествіе, напримѣръ, свадьба, рожденіе и проч., то объ этомъ объявляется передъ предками; при этомъ объявляющій, если онъ прямой потомокъ, называетъ себя почтительнымъ (сяо). Когда

слѣдуетъ занимать умершимъ императоромъ при жертвоприношеніяхъ въ храмѣ предковъ. Въ 1195 году онъ былъ переведенъ въ тайный кабинетъ государя для сочиненія бумагъ. Въ слѣдующемъ году одинъ цензоръ взвелъ на него десять обвиненій, но онъ все-таки удержался, и только въ 1199 году уволенъ отъ должности по старости, а въ слѣдующемъ 1200 году умеръ Даже по удаленіи отъ двора, многіе чиновники нападали, въ своихъ докладахъ императору, противъ пустой фразеологіи новаго ложнаго ученія, посредствомъ которой стараются снискать славу; даже предлагали огрубить голову Чжу-си. Только въ послѣдствіи Чжень-джю, жившій въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій, убѣдилъ оставить въ покоѣ новое ученіе.

[1]) Китайцы не дѣлаютъ кумировъ своихъ предковъ; ихъ представляютъ дощечки

[2]) Они не были извѣстны въ древности, а введены обычаемъ; таковы Цинъ-минь—день ясной погоды, Чунъ-у—пятое число пятой луны и проч.

случится наводненіе, пожаръ или нападутъ разбойники, то прежде всего должно спасать молельню, снять дощечки, убрать жертвенные сосуды, а потомъ уже приняться за сбереженіе имущества.

2) *Мелкія домашнія правила.* Всякій хозяинъ долженъ непремѣнно соблюдать церемоніи, надзирать за дѣтьми, младшими братьями и домашними, распредѣлять ихъ занятія, наблюдать за успѣхами, слѣдить за расходами, соразмѣряя ихъ съ доходами, быть бережливымъ въ раздачѣ платья и кушанья, въ издержкахъ на счастливые (родины, свадьба) и несчастные (похороны) случаи. Во всемъ должна быть соразмѣрность, должно запрещать расточительность и роскошь, и во всякомъ случаѣ должно стараться, чтобы были остатки на непредвидѣнные случаи Низшій и младшій во всякомъ дѣлѣ,—большое ли оно или малое, — не долженъ распоряжаться отъ себя, но спрашиваться старшаго въ домѣ. Сынъ и жена не имѣютъ права скоплять отдѣльной собственности; получаемые ими жалованье или доходы съ имѣнія они должны отдавать родителямъ или свекру съ свекровію; когда встрѣтится имъ нужда, то должны просить, а не распоряжаться самовольно. Сынъ и сноха должны, вставъ утромъ и одѣвшись, прійдти къ родителямъ навѣдаться объ ихъ здоровьи; когда они встанутъ — прислуживать, и потомъ уже, уйдя къ себѣ, приняться за свои дѣла. Когда настанетъ время обѣда, жена спрашиваетъ у мужа или у свекра-хозяина, что̀ ему угодно кушать, и сама подаетъ; когда онъ кончитъ, то сынъ и сноха идутъ ѣсть въ особое мѣсто; младшіе обѣдаютъ также особо. Садятся по старшинству—женщины на правой, а мужчины на лѣвой сторонѣ. Вечеромъ сынъ и сноха укладываютъ родителей; они, когда бы то ни было, должны имѣть почтительную физіономію, отвѣчать тихимъ и скромнымъ голосомъ; не смѣютъ ни плевать, ни кричать; если имъ не велятъ сѣсть, то и не садятся, если не велятъ уйдти, такъ и не уходятъ. Всякое приказаніе (родителя или хозяина дома) должно быть тщательно исполнено; если чего нельзя сдѣлать, такъ должно доложить и получить согласіе; если бы даже съ настойчивостію приказывали что̀ и дурное, то неисполненіе будетъ означать непочтительность сына. Когда видишь, что родители дѣлаютъ что̀ дурное, то долженъ увѣщевать съ умѣніемъ; но хотя бъ они, разсердившись на это, и избили тебя до крови, не смѣй роптать, а сохраняй почтительность и уваженіе.

3) *Обрядъ надѣванія шапки*—установленный въ знакъ того, что надѣвающій вступаетъ въ совершеннолѣтіе. Онъ совершается надъ юношей отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ (въ древности ровно въ 20 лѣтъ), только чтобы

не было траура. Толкователи замѣчаютъ, что нынѣ это не соблюдается, такъ что уже и въ десять лѣтъ рѣдко видны мальчики съ рожками на головѣ; они требуютъ, чтобы надѣвали шапку хотя тѣ, которые знаютъ, по крайней мѣрѣ, Сяо-цзинъ—книгу о почтительности къ родителямъ, и Лунь-юй—афоризмы Конфуція, и имѣютъ какія-нибудь понятія о церемоніяхъ (выходитъ, что это нѣчто въ родѣ конфирмованія). За три дня до срока, хозяинъ объявляетъ объ этомъ въ молельни, приглашаютъ избраннаго гостя, который долженъ совершить обрядъ (какъ у насъ крестный отецъ), прежде даже гадали о томъ, кого избрать; наканунѣ разставляются жертвенные сосуды въ молельни; такъ какъ особыя молельни не у всѣхъ имѣются, и притомъ, онѣ тѣсны, то обрядъ обыкновенно совершается надъ мужчинами въ залѣ, а надъ женщинами—внутри гинекеона. Рано утромъ приготовляютъ шапки и платье; когда подъѣдетъ гость, хозяинъ встрѣчаетъ его и вводитъ въ залъ. Гость привѣтствуетъ юношу, кладетъ на него шапочку, тотъ уходитъ въ другую комнату, тамъ переодѣвается въ глубокое (то-есть, длинное) платье и надѣваетъ вышитые башмаки и въ этомъ костюмѣ представляется гостю; затѣмъ, слѣдуетъ переодѣваніе въ шапку, черный кафтанъ съ поясомъ и сапоги; въ третій и послѣдній разъ молодой человѣкъ надѣваетъ парадную шапку, парадное платье и парадные сапоги. Потомъ слѣдуетъ угощеніе. Гость даетъ надѣвшему шапку почетное имя. Потомъ хозяинъ представляетъ молодаго человѣка въ молельню, оттуда, ставши совершеннолѣтнимъ, онъ является къ старшимъ, откланивается гостямъ, дѣлаетъ визиты учителю и друзьямъ отца.

У дѣвицъ этотъ обрядъ называется втыканіемъ головной иглы и совершается въ то время, когда дѣвицу сговорятъ за мужъ; при этомъ обрядѣ также происходитъ переодѣваніе, и дается почетное имя.

4) *Брачный обрядъ*. Мужчины женятся отъ 16-ти до 30-ти, а женщины выходятъ замужъ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. При этомъ непремѣнно требуется сваха, и когда дѣвица дастъ согласіе, то дѣлается помолвка. Осуждаются браки, основанные на разчетѣ, безъ изслѣдованія характера жениха и невѣсты и образа жизни въ ихъ домахъ. Осуждается также обычай родителей сговаривать дѣтей, когда они находятся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, а часто даже еще въ утробѣ матери; потому что, когда подростутъ, то оказываются часто негодями или впавшими въ дурную болѣзнь, въ бѣдность, или уѣдутъ въ дальнюю сторону,—а между тѣмъ все это не даетъ уже права другой сторонѣ отказаться отъ разъ даннаго согласія, и отъ этого происходятъ тяжбы

и вражда. Сговоръ состоитъ въ томъ, что старшій въ домѣ жениха, приготовивъ письмо и давъ знать въ молельни, посылаетъ младшаго члена семейства въ домъ невѣсты; хозяинъ послѣдняго, встрѣтивъ посланнаго, объявляетъ о содержаніи письма въ молельни, и по выходѣ оттуда, даетъ отвѣтъ; посланный, возвратившись, передаетъ старшему, а тотъ снова объявляетъ въ молельни. Въ древности былъ еще обрядъ спрашиванія имени, гаданія о счастіи; изъ словъ Чжу-си можно заключить, что въ его время этотъ обычай утратился, но нынѣ, сколько извѣстно, возстановленъ снова. Затѣмъ отправляютъ, также при письмѣ, подарки, состоящіе, смотря по состоянію, изъ цвѣтныхъ матерій не менѣе двухъ и не болѣе десяти, съ присовокупленіемъ игль, браслетовъ, мяса (баранины), вина и плодовъ Но объ этомъ уже не объявляется въ молельни. Писатели нападаютъ на обычай составлять сговорное письмо (контрактъ), въ которомъ прописывается все приданое невѣсты, при чемъ не обходится безъ торгу; такой обычай, говорятъ они, не достоинъ благородныхъ людей, а похожъ на покупку наложницы. Затѣмъ назначается день свадьбы, также не безъ понятныхъ по предыдущему церемоній. Наканунѣ свадьбы невѣста посылаетъ убрать комнату жениха; на слѣдующій день въ домѣ жениха ставятся кресла посреди зала, а у невѣсты — внѣ. Когда женихъ одѣнется въ парадное платье, то старшій въ домѣ вводитъ его въ молельню, потомъ подаетъ бокалъ съ виномъ и посылаетъ встрѣтить невѣсту; женихъ садится на лошадь, и прибывъ въ домъ невѣсты, останавливается у извѣстнаго мѣста; тогда хозяинъ объявляетъ въ молельни, подаетъ вино дѣвицѣ въ знакъ отпуска (благословенія); потомъ выходятъ на встрѣчу гостя, и возвратившись опять внутрь дома, приносятъ въ жертву гуся. Невѣсту выводятъ и сажаютъ въ карету (нынѣ носилки); женихъ ѣдетъ на лошади впереди, и пріѣхавъ домой, вводитъ въ домъ свою жену; тутъ женихъ и невѣста кланяются другъ другу— мужъ два, а жена четыре раза (въ древности не было этого обычая). Садятся и пьютъ брачную чару; по окончаніи стола зять выходитъ къ гостямъ, по возвращеніи его уносятъ свѣчу, а хозяинъ занимается гостями. На другой день, рано поутру, молодая представляется свекру и свекрови; если, кромѣ нихъ, есть еще старшіе въ домѣ, то является и къ нимъ. Молодую принимаютъ съ вѣжливостію; старшая жена въ домѣ подаетъ молодымъ сама кушанья. Черезъ три дня (въ древности черезъ три мѣсяца) хозяинъ представляетъ молодую въ молельни. На слѣдующій день зять отправляется къ родителямъ жены; тесть встрѣчаетъ его, какъ гостя, и когда онъ кланяется, то удержи-

ваетъ за плечи; при представленіи тещѣ, та стоитъ у дверей женскихъ покоевъ, и лѣвое полотно у дверей должно быть затворено; зять кланяется передъ дверью. Потомъ молодой дѣлаетъ визиты женинымъ роднымъ и вездѣ принимается, какъ гость. Въ день свадьбы женихъ не представляется тещѣ, потому что невѣста еще не видѣлась со свекромъ и свекровью.

5) *Похороны.* Больного, находящагося въ агоніи, переносятъ въ главное зданіе; когда умретъ поднимается вопль, называемый вызываніемъ души; умершаго кличутъ, обратясь къ сѣверу и маша платьемъ, по имени (если то мужчина) или по титлу (если женщина), по должности, или какъ кто кого звалъ. Потомъ старшій сынъ, или за его смертію внукъ, дѣлается представителемъ траура; его дѣло приносить въ жертву пищу и дѣлать возліяніе передъ покойникомъ; однакоже, приходящихъ принимаетъ старшій и почетный въ домѣ; сверхъ того, изъ младшихъ членовъ семейства, или даже изъ слугъ, назначаются нѣкоторые на различныя обязанности: охранять гробъ, вести счеты и т. п. Они извѣщаютъ письменно всѣхъ родныхъ о смерти. Между тѣмъ въ домѣ тотчасъ же всѣ надѣваютъ траурное платье и не принимаютъ болѣе пищи; приносятъ гробъ, раскладываютъ траурное платье, приборы для обмыванія и сосуды съ пищею; начинается возліяніе, всѣ становятся по порядку и рыдаютъ; ставятъ кіотъ для души, кладутъ жертвенныя матеріи, водружаютъ похоронное знамя.

Трауръ бываетъ, смотря по близости родства (на это есть длинное росписаніе), пяти родовъ: 1) не подрубленный, состоящій въ платьѣ изъ самаго грубаго полотна, которое не подрублено ни на подолѣ, ни на полахъ; на спинѣ, противъ сердца и по бокамъ находятся значки; его носитъ сынъ по отцѣ, и онъ продолжается три года, 2) подрубленный, продолжающійся также три года, но изготовляемый изъ полотна лучшаго достоинства, чѣмъ прежнее; его носитъ сынъ по матери, жена по отцѣ (съ посохомъ), по братѣ и сестрамъ (безъ палки), но по дѣду онъ продолжается только пять, а по прадѣду — три мѣсяца; 3) девятимѣсячный, называемый большою работою: платье лучше, и нѣтъ значковъ: его носятъ по двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ; 4) пятимѣсячный — малая работа: носятъ по женѣ брата, двоюродномъ племянникѣ и проч.; 5) трехмѣсячный, носимый по женѣ двоюроднаго племянника и т. д.

Конфуціанскіе ученые нападаютъ на обычай приглашать на похороны и поминки (черезъ 49-й и 100-й дни, черезъ годъ, два и по окончаніи траура) буддистовъ или даосовъ. Они говорятъ, что если

покойникъ попадетъ въ рай за то, что жрецы будутъ читать молитвы, или что по покойникѣ будутъ писать цзины, то это значитъ оскорблять покойнаго, потому что если есть рай, такъ въ него долженъ попасть всякій благородный человѣкъ; иначе, значитъ думать о покойномъ, что онъ былъ пренизкій человѣкъ (Но разумѣется, нынѣ нигдѣ не обходится безъ даосовъ или хошановъ, такъ какъ они считаются мастерами устроивать мосты для перехода покойнаго изъ ада въ рай).

Близкіе родственники и друзья могутъ являться въ тотъ же день и оплакивать покойника. На другой день производится, такъ-называемая, малая уборка, на третій — большая. Каждое утро, пока стоитъ гробъ, производится возліяніе, сопровождаемое рыданіями, но плакать позволяется и во всякое время; въ первое число мѣсяца, кромѣ возліянія, ставятъ кушанья, и если случится что̀ новое. Навѣдывающійся приходитъ въ простомъ платьѣ (безъ украшеній), дѣлаетъ возліяніе изъ чая или вина, приноситъ въ жертву плоды, деньги, матеріи.

Если кто услышитъ о смерти (родителя), находясь въ отдаленіи, тотчасъ предается плачу, перемѣняетъ платье и отправляется въ путь; въ дорогѣ, когда взгрустнется, плачетъ; подъѣзжая къ провинціи, департаменту, уѣзду, городу и дому, всякій разъ плачетъ особо; войдя въ домъ, прежде всего подходитъ къ гробу и чинитъ двукратное поклоненіе, дважды перемѣняетъ платье, какъ-бы въ вознагражденіе за то, что не участвовалъ при уборкѣ. Если покойникъ уже похороненъ, то пріѣзжій прежде всего ѣдетъ на его могилу, плачетъ и кланяется.

Черезъ три мѣсяца хоронятъ. Ученые не одобряютъ обычая ввѣряться похороннымъ мастерамъ, которые должны избрать счастливый годъ, мѣсяцъ и день для похоронъ, а также и мѣстность для кладбища; случалось, что такимъ образомъ они проволакивали время до того, что покойникъ оставался совсѣмъ безъ погребенія. Впрочемъ, ученые требуютъ, чтобы гробъ не былъ положенъ не глубоко, такъ чтобы со временемъ могъ показаться наружу, но также и не очень глубоко, чтобы не сгнить скорѣе обыкновеннаго отъ сырости; поэтому надобно выбирать такое мѣсто, въ которомъ глубоко до воды. Они осуждаютъ также обычай сожигать трупъ покойнаго, если онъ умеръ на чужой сторонѣ, и привозить домой одинъ прахъ Для сына должны быть дороги кости и мясо отца; какъ скоро законы судятъ строго за то, если кто повредитъ чужой трупъ, то какъ же можно, чтобы дѣти позволяли себѣ дѣлать это надъ отцемъ? Лучше ужь, если состояніе

не позволяетъ перевезти трупъ на родину хоронить его на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ.

Для рытья могилы выбирается день, приносится жертва землѣ; могилу обмазываютъ золою, которая не допускаетъ ни сырости, ни древесныхъ корней. Не позволяютъ высѣкать гробы изъ камня, а между тѣмъ въ наружный гробъ кладутъ смѣсь изъ песку и извести, которые должны окрѣпнуть, какъ камень. Между тѣмъ, высѣкаютъ на камнѣ эпитафію покойнику, заготовляютъ такъ-называемые свѣтлые приборы, состоящіе изъ вырѣзанныхъ изъ дерева фигуръ, представляющихъ повозку, лошадей, слугъ, служанокъ, держащихъ различныя вещи, также диваны, занавѣси, столы, табуреты, ковры, еще бамбуковую корзину для помѣщенія остатковъ отъ жертвъ, пять другихъ бамбуковыхъ сосудовъ для помѣщенія пяти сортовъ хлѣба, три кружки для вина, уксуса и соли; все это, исключая эпитафіи, кладется въ особой комнатѣ, прорытой съ боку могилы. Заготовляютъ большія носилки или одръ и балдахинъ, заготовляютъ посмертную дощечку (представляющую покойника), когда предъ ней будутъ приносить жертвы; она должна имѣть въ пьедесталѣ четыре дюйма со всѣхъ боковъ, а сама должна имѣть ширины три дюйма, толщины одинъ дюймъ и двѣ линіи, вышины одинъ футъ и два дюйма; сверху головка должна быть закругленная. Для этой дощечки прежде употребляли тутовое, а нынѣ грушевое, и вообще, всякое крѣпкое дерево.

Во время утренняго возліянія, за день до выноса гроба, объ этомъ дѣлается объявленіе въ молельни; гробъ приносятъ предъ предковъ, такъ какъ по обыкновенію, покойникъ, будучи еще живъ, отправляясь куда-нибудь, долженъ сказаться. Потомъ гробъ приносятъ подъ шалашъ и производятъ вой; гости и родственники приносятъ возліяніе и жертвы, состоящія изъ денегъ и матерій. Затѣмъ разставляютъ похоронныя принадлежности: сперва куклу, одѣтую какъ даосъ, съ копьемъ въ рукахъ и поднятымъ щитомъ — у высшихъ чиновъ, начиная съ четвертаго класса, она о четырехъ глазахъ; затѣмъ ставятся на поставки вышеисчисленные свѣтлые сосуды, далѣе—похоронное знамя, носилки съ душою, въ которыя кладутся матеріи и ароматы, затѣмъ слѣдуетъ одръ. На другой день, когда поставятъ гробъ на носилки, приносятъ прощальное возліяніе, молятъ душу пожаловать въ сейчасъ упомянутыя носилки, въ которыя кладутъ теперь ящичекъ съ вышеописанною посмертною дощечкою. Когда гробъ по-

несутъ, всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, воютъ, слѣдуя пѣшкомъ, почетные—за гробомъ, не носящіе траура—за ними, далѣе—гости; за городомъ, подлѣ дороги, устроивается палатка, въ которой останавливаютъ на время гробъ и приносятъ возліяніе; по дорогѣ воютъ, когда взгрустнется.

По прибытіи на кладбище, все, что̀ несено было впереди гроба, разставляется въ извѣстномъ порядкѣ; когда же опустятъ гробъ, родные рыдаютъ, знакомые и гости прощаются и уѣзжаютъ,—могильная перегородка наполняется золою, потомъ насыпаютъ землю, налѣво отъ могилы приносятъ жертву землѣ; зарывши свѣтлые приборы и опустивъ камень съ эпитафіей, опять набрасываютъ землю.

На посмертной дощечкѣ надписываютъ фамилію, имя и званіе покойнаго, а равно и того, кто приноситъ жертвы; ставятъ ее въ носилки и отправляются съ нею домой, оставивъ кого-нибудь для надсмотра за окончаніемъ могильнаго холма, вышиною въ 4 фута, передъ которымъ ставятъ каменный памятникъ, вышиною также въ 4 фута, на пьедесталѣ въ одинъ футъ. Обычай могильныхъ памятниковъ начался только со времени Циньской династіи; до того времени описаніе подвиговъ, чѣмъ было знаменито то лицо, дѣлалось на колоколахъ и треножникахъ, ставившихся въ храмѣ предковъ. Обычай зарывать въ самой могилѣ эпитафіи появился только со времени южныхъ династій (съ IV вѣка по Р. Х.).

На возвратномъ пути идутъ медленно за носилками съ душой, и по возвращеніи, поплакавъ опять, ставятъ дощечку на мѣсто и снова плачутъ. Въ тотъ же день совершаются поминки, состоящія въ преподнесеніи дощечкѣ кушанія; они совершаются затѣмъ еще два раза—въ мягкій и жесткій день; затѣмъ, бываютъ еще жертвы подъ названіемъ *конца плача* и *сопричтенія*. Черезъ 13 мѣсяцевъ совершаются поминки подъ названіемъ *малой отрады*, черезъ 26 мѣсяцевъ — *большой отрады*, и наконецъ, черезъ 27 мѣсяцевъ совершается послѣдній посмертный обрядъ. Всѣ эти обряды, говоря вообще, состоятъ въ томъ, что производится омовеніе, разставляются сосуды съ кушаньями, состоящими изъ овощей, плодовъ, вина и съѣстнаго; потомъ вызываютъ душу, то-есть, вынимаютъ дощечку и съ плачемъ троекратно ее подчуютъ, затворяютъ и отворяютъ двери и прощаются.

6) *Домашнія жертвы* исключительно посвящены предкамъ; онѣ совершаются въ средней лунѣ каждаго времени года, въ дни, о ко-

торыхъ гадаютъ напередъ; сверхъ того, въ зимній поворотъ приносятся жертвы первому предку, съ наступленіемъ весны, въ послѣднюю осеннюю луну и въ день воздержанія, также есть своего рода жертвы. Въ первыхъ числахъ третьей луны приносятъ жертвы на кладбищѣ.